

The background of the cover is a deep teal color. It features a close-up, slightly blurred image of a snake's head, showing its scales and one of its eyes. The snake's eye is visible in the lower-left quadrant, looking towards the center. The scales are a lighter shade of teal, creating a textured pattern.

Петр Бородкин

**ТАИНЫ
ЗМЕИНОЙ
ГОРЫ**

1614602

Уважаемые читатели!

Книга Петра Антоновича Бородкина «Тайны Змеиной горы» открывает издательскую серию «Алтайские писатели – детям». Повесть переиздана не случайно: во-первых, несмотря на огромный тираж предыдущих изданий, ее очень трудно найти даже в библиотеках, во-вторых, она подготовлена к 100-летию со дня рождения автора – удивительного человека, глубоко интересовавшегося историей родного Алтайского края.

Петр Антонович Бородкин – заслуженный работник культуры РСФСР, член Союза писателей России. Пятнадцать лет руководил Алтайским краевым архивом, затем более двадцати лет возглавлял архивную отрасль края. Изучив богатый документально-исторический материал, он опубликовал более четырехсот статей по истории Алтая. Достоверные факты, почерпнутые из архивных источников, становились основой его художественных произведений.

Повесть «Тайны Змеиной горы» рассказывает о судьбе талантливого русского землепроходца и рудознатца Фёдора Лелеснова. Его вклад в развитие горнодобывающей промышленности Алтая трудно переоценить: за 12 лет Фёдор Емельянович обнаружил более десятка месторождений полиметаллических руд. За открытие крупнейшего на Алтае Змеиногорского месторождения, многие годы служившего источником прибыли для Барнаульского, Павловского, Сузунского и других заводов, Лелеснову была назначена награда от имени императрицы Елизаветы Петровны.

И автор, и герой книги – поистине сильные духом люди, много сделавшие для Алтайского края и его жителей, достойные нашей долгой памяти о них.

Губернатор Алтайского края
В.П. Томенко

1614602

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу
Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова
Алтайская краевая детская библиотека им. Н. К. Крупской

Пётр Бородин

ТАИНЫ ЗМЕИНОЙ ГОРЫ

Повесть

БАРНАУЛ
2018

*Издание подготовлено по заказу и при финансовой поддержке
Правительства Алтайского края
в рамках издательской серии «Алтайские писатели – детям»*

Редактор: Л. В. Санкина
Дизайнер-оформитель: К. М. Паршина

Б 833 Бородкин, П. А.

Тайны Змеиной горы : повесть / Петр Бородкин; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу; Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской. – Барнаул; Красноярск: ПК Ситалл, 2018. – 268 с.: цв. ил. – (Алтайские писатели – детям).

Книга выпущена к 100-летию со дня рождения Петра Антоновича Бородкина – члена Союза писателей России, заслуженного работника культуры РСФСР, архивиста, краеведа, исследователя истории Алтая.

Повесть рассказывает о различных сторонах горнозаводской действительности и жизни работных людей рудного Алтая XVIII века, о судьбе выдающегося русского землепроходца и рудознатца Фёдора Лелеснова.

Издание адресовано детям старшего школьного возраста, а также будет интересно всем интересующимся историей Алтайского края.

ISBN 978-5-98708-086-3

ББК 84(2Рос-Рус)6–4 кр.

- © П. А. Бородкин, 2018
- © КГБУ «Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова», 2018
- © К. М. Паршина, дизайнерское оформление, 2018

И до безумия любить свой край...

«Мне кажется, кто где родился, там должен жить и до безумия любить свой край, область, город, деревню, чему я и стараюсь следовать», – так в 1979 г. написал в анкете по случаю юбилейной встречи выпускников Барнаульского учительского института Пётр Бородкин – заслуженный работник культуры РСФСР, член Союза писателей России (1968). В 1987 г. в честь автора книг о Барнауле П. А. Бородкина названа улица в Железнодорожном районе города, прежде носившая название 1-я Северо-Западная.

Пётр Антонович Бородкин родился 19 июня 1918 г.* в Барнауле в семье рабочего. Он был восьмым ребёнком из двенадцати. Уже в тринадцать лет пошёл работать: сначала учеником маляра, потом маляром. Известен такой факт – заполняя анкету, составленную учительницей, на вопрос: «Кем ты мечтаешь стать?» четвероклассник Петя ответил: «Писателем». Уже тогда он проявлял большой интерес к литературе и истории, даже однажды заходил в архив, чтобы узнать, нельзя ли там поработать. В 1936 г. Пётр Бородкин окончил среднюю школу и поступил в Томский индустриальный институт. С 1937 г. учёбу продолжил в Барнаульском учительском институте, после окончания которого работал учителем русского языка и литературы в Сычёвской средней школе Смо-

ленского района Алтайского края. Но поработать ему довелось недолго – в декабре 1939 г. его призвали в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии. Участник Великой Отечественной войны с первого до последнего дня, он прошёл её без единого ранения, награждён четырьмя медалями и Орденом Отечественной войны II степени.

После демобилизации, в декабре 1945 г., его назначили директором Алтайского краевого архива, а с 1961 по 1982 гг. он руководил всей архивной отраслью края. На основе архивных материалов опубликовал более четырёхсот статей по истории края. Как писал его одноклассник и друг Марк Юдалевич, Петру Бородину ещё не было и сорока лет, когда его стали называть «хранителем алтайской старины». С ним советовались многие писатели, его приглашали в качестве консультанта на съёмки кинокартины о герое Гражданской войны Кире Баеве.

Архивист, краевед, исследователь, писатель – в каждой ипостаси Пётр Антонович с полной самоотдачей проявлял особый талант и воодушевление, любовь к родному краю и его людям. Когда читаешь его произведения, складывается впечатление, что он непременно самолично присутствовал среди тех людей и событий, которые так детально описывает.

Основой повести «Тайны Змеиной горы» тоже стал результат архивных изысканий. Герой повести Фёдор Лелеснов родился на Урале, в 1727 г. Акинфий Демидов перевёл его на Кольвано-Воскресенский медеплавильный завод. Несмотря на то, что обучиться грамоте ему не удалось, он стал выдающимся искателем и знатоком руд. На Алтае открыл более 10 месторождений, благодаря которым казна получила колоссальную прибыль. В Змеиной горе Лелеснов не просто обнаружил месторождение полиметаллических руд с признаками серебра и золота, но и раскрыл секрет залегания самородного золота в змеиногорской руде: оно залегало не жилами, а мелкими гнёздами во вкраплениях мягкой охры. Чтобы до них добраться, нужно было крупные куски разбить на мелкие части. За открытие крупнейшего на Алтае Змеиногорского рудника Фёдору Лелеснову от имени императрицы была назначена награда.

Работая с архивными материалами, Пётр Антонович Бородин обнаружил, что запись о награде в документе была тщательно зачёркнута. Марк Иосифович Юдалевич вспоминает: «Стало ясно, деньги оказались в руках какого-то крупного чиновника, а то и самого Главного командира горного округа. Для исследователя, а тем более для художника, деталь значит многое. Бородин сразу почувствовал, что жизнь талантливого искателя руд была нелёгкой. Изучив её по документам, побывав в Змеиногорске, Пётр Антонович создал остросюжетную, очень колоритную повесть, заслужившую высокие оценки читателей и критики».

И действительно, жизнь рабочих людей рудного Алтая XVIII века показана автором так ярко, что невольно начинаешь видеть картины их труда и быта, представляешь образы героев, как будто смотришь кинофильм.

В ваших руках пятое издание книги, общий тираж предыдущих четырех изданий (1967, 1970, 1976, 1983) составляет 220 тысяч экземпляров! Со времени последнего издания прошло уже 35 лет...

Книга П. А. Бородинкина «Тайны Змеиной горы», подготовленная к переизданию в год 100-летия со дня рождения автора, открывает издательскую серию «Алтайские писатели – детям».

Людмила Санкина

* *«Метрическая книга Знаменской церкви г. Барнаула на 1918 г.». Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 144. Оп. 6. Д. 3511. Л. 41 об. – 42. Петр, сын Антона Андреевича Бородинкина и его законной жены Марии Кассиановны (Касьяновны).*

Самые знатные вельможи открыто завидовали богатству русского горнозаводчика Акинфия Демидова. А Демидову – всё мало.

С необозримых просторов к востоку от Каменного пояса просачивались смутные слухи о подземных рудных кладовых.

Демидов приказал слугам привести трёх олонецких старцев, немало искушённых в рудных поисках, – Матвея Кудрявцева да братьев Кабановых – Леонтия и Андрея.

Старцы поясno поклонились да и застыли так. Демидов властно приказал:

– Встаньте прямо, чтобы лица ваши видел... Вот так-то! Коли на душе что зловредное или поганое таится, глаза скажут.

На то Леонтий Кабанов отвечивал с дрожью в голосе:

– Нешто нам, благодетель, пристало зловредничать или перечить. Телом и духом немощны мы...

Испуг и смирение на лицах старцев понравились Демидову.

Он заговорил мягче, спокойнее:

– Идти вам в Сибирские уезды – Томский и Кузнецкий. Медные и иные руды приискивать. Усердие и труды ваши не оставлю без внимания. В путь-дорогу, старички, с богом...

Старцы особо не спешили в пути. Пристально приглядывались к незнакомым местам, а пуще всего прикипали к встречным людям с дотошными расспросами.

На берегу Иртыша к ним на отблеск ночного костра пришёл безвестный человек. Вольным назвался и заговорил, как с давнишними знакомыми.

– Хорошо на воле-то! Пропитание промышляй, как подручнее. Я, к примеру, летним временем рыбёшку ловлю, зимой – разного зверя бью.

– А как хлебушком-то обходишься? – полюбопытствовали старцы.

– Хе! Вольной птахе всё доступно и подручно. Не сидит она на месте, от каждой ветки пропитание берёт. Вот так и я. Истоптал обские берега, надоело – на Иртыш перемахнул.

Старцы насторожились и про себя смекнули: «Видно, бывалый человек и для нас не без пользы...» Стали не в меру хлебосольствовать. После ужина человек заговорил на утеху старцам:

– В тамошнем, Кузнецком, уезде нет числа медным рудам. Без пользы лежат, человека ждут...

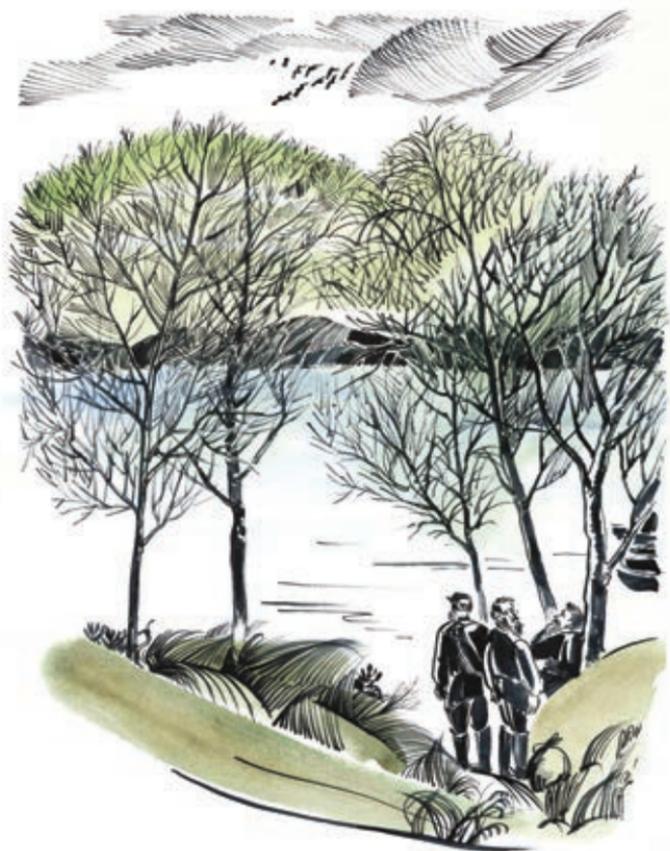
Старцы подскочили, будто кто пятки подпалил им угольками, и в один голос:

– Как найти места те?

– Есть там озеро. Колыванским прозывается. Окрест его и руды залегают.

В благодарность за услышанное старцы поделились провиантом с незнакомцем и снова в путь. Не одну тысячу вёрст отмерили. Больше года провели в дороге. Ковыльные, не тронутые сохой степи, дремучие нехоженные леса, поднебесные горные вершины, глубокие увалы – сколько их осталось позади!

В погожий летний день глаза старцев ослепила диковинная картина. В каменистых берегах, покрытых редколесьем, плескалась, искрила на солнце вода. На берегах – каменные изваяния причудливых форм, точно сказочные богатыри, которым поручено охранять воду от набегов злых ветров. И всё же ветры обманывали неусыпных стражей – спускались сверху или прорывались по узким каменным коридорам. Тогда от набегавших волн в округлой прибрежной гальке рождались таинственные шорохи и перезвоны. Светло-зелёная вода так прозрачна, что

при тихой погоде впору считать разноцветные камешки на дне, любоваться плавным и бесшумным ходом рыбьей молоди.

Старцы протёрли слезящиеся глаза, обрадованно изрекли:

– Оно и есть самое, озеро Колыванское.

– Эка божья благодать!

– Приволье бесконечное!

Старцы обосновались в укромной озёрной бухте и принялись обшаривать окрестности по-пёсьи, челноком, чтобы не пропустить рудных мест. Диву давались они. В прозрачном воздухе горные вершины казались совсем рядом, на самом же деле, пока достигнешь их, ноги повывернешь в суставах.

– Вот и выходит, – молвил один из старцев, – глазкам видно, да ножкам обидно.

Старцы настойчиво пробирались через увалы и лесную чащобу к самой Синюхе. Возле неё, на гребне каменной хребтины, чернели наружные разносы. Когда-то в далёкие времена неведомые чудаки¹ копали здесь руды, выплавляли медь для выделки оружия и домашней утвари. Разносы густо поросли травами и кустарниками – время постаралось скрыть следы человеческого труда.

Бывалые старцы без труда обнаружили медную руду. Они спешили в поисках, чтобы миновать на обратном пути трескучих морозов и свирепых буранов. Чуть живые добрались до Невьянска перед праздником Покрова.

Акинфий Демидов находился в отлучке по заводским делам. Приказчики же, узнав, что рудоискатели вернулись с «полной», проявили небывалую заботу – приказали весь день жарко топить баню.

Вечером старцы усердно принялись выгонять дорожную простуду. В густом горячем тумане свёртывались в трубочку берёзовые листья, а старцам нипочём: тело исстрадалось по настоящему теплу. Вениками хлестались отчаянно, до потемнения в глазах и кумачового налива кожи. Потом студили кровь для нового захода – жадно глотали ледяной квас, опроне-

¹ Чудь – общее название древних племён, обитавших в Сибири.

тью выскакивали наружу, с задорным побрякиванием катались по иссохшему, колючему бурьяну.

Леонтий Кабанов, самый рьяный поклонник обжигающего пара, сдал на шестом заходе, замертво скатился вниз. Товарищи не растерялись: такое случалось не раз и ранее. Даже лекаря не кликнули. Ушатами холодной воды, умелыми кровопусканиями вернули к жизни недвижимое тело.

Возвратившийся Акинфий Демидов потребовал старцев к себе. Редко выпадала такая честь простому, безвестному человеку – переступить порог роскошных демидовских покоев. Не успевшие как следует обсохнуть старцы поспешно расчесали бороды, пригладили остатки волос на головах и обрядились в лучшие, свежие одежды.

– Наслышан, старички, об удаче вашей! Молодцы, что не отступились от задуманного! Как живы-здоровы?

В голосе могущественного владыки – ласковые нотки, в глазах – весёлый жгучий блеск. Демидов широко взмахнул полой тяжёлого бархатного халата, по комнате пробежал ветерок.

– К столу, старички, садитесь, хлеба-соли отведайте!

От множества горевших свечей в горнице светлынь, как при ярком летнем солнце. В позолоте люстр трепетно дрожат огненные сполохи. На столе выстроились длинными рядами диковинные бутылки, жбаны, кубки. В глубоких серебряных блюдах, золотых тарелках – самые изысканные яства. От слепящего блеска золота, серебра и хрусталя, от незнакомых тонких запахов старцы молча и боязливо ёжатся на стульях. Демидов наполнил хрустальные кубки вином из тёмной с замысловатыми узорами бутылки.

– Так повелось на Руси – за добро платить добром. За ваши годы и здоровье, старички!

Старцы к кубкам не притронулись, а лишь теснее сдвинули стулья.

– Ай не по вкусу заморское вино?

Леонтий Кабанов первым сбросил петлю с языка, от низкого поклона едва не переломился в спине.

Робко ответил удивлённому хозяину:

– Не по нам, благодетель, такие вина. Если бы русской браги или перестоявшего кваску... тёртой редьки или хренку.

– Быть по-вашему, старички! – Демидов с улыбкой налил браги, придвинул посудыны с постной пищей.

Старцы пили степенно и густо крякали, часто и без надобности вытирали бескровные губы длинными рукавами рубах. Ели осторожно и немного, вроде для приличия. Такое воздержание пришлось по душе хозяину, и он после третьего кубка вина, совсем повеселев, приказал слуге:

– А ну, неси шкатулку!

Старцы дружно отпрянули от стола, когда перед каждым оказался кожаный мешочек, до отказа набитый серебром. В крестных знаменях часто замахали руками, словно отгоняли растревоженных ос.

Демидов следил за старцами с затаённой, выжидательной улыбкой. Думалось ему, что рудознатцы с ума спятили, коли от денег, как от чумы, шарахаются. И вместе с тем хотелось верить, что деньги уцелеют, останутся при нём.

– Ну что же вы, берите – ваше заслуженное!

Старцы забубнили в оправдание:

– Свят! Свят! Затем ли тебе, благодетель, службу сослужили, чтобы деньги – сатанинское зло – принять. Годы наши такие, что одна нога на земле, другая в царстве небесном. Приспело о спасении душ подумать...

– То похвально, старички. – В голосе Демидова послышалось успокоение, и он вяло спросил: – Чего же вы всё-таки хотите?

Тогда Леонтий Кабанов сказал про сокровенное:

– Края тамошние, благодетель, привольные, обильные. Приглядели мы в Белоярской слободе, что недалеко от могучей реки Оби, место для поселения. Поклонению господу-богу намерены отдать остаток дней своих, дабы заслужить вечное прощение в грехах земных. Велел бы, благодетель наш...

Старцы, как по тайному сговору, рухнули на колени, и Леонтий Кабанов простонал:

– Велел бы, благодетель наш, для тамошнего храма божь-

его отлить колокол пудов на тридцать. Лучшей награды за труды не мыслим.

* * *

Открытие олонецких стариков обещало немалые выгоды. Требовалось прочно закрепить право на него.

На другое же утро Демидов спешно выехал в Екатеринбург, чтобы объявить об открытии Сибирскому обер-бергамту² и добиться разрешения на постройку медеплавильного завода. Давнишнего приятеля генерал-лейтенанта Геннина, управляющего обер-бергамтом, в Екатеринбурге не оказалось. Чиновники пониже рангом охотно выслушали заводчика и, плохо сдерживая зависть, начали чинить всякие препятствия.

Демидов увещевал:

– Разве указ достойного блаженной памяти Великого государя Петра Первого о берг-привилегиях неведом вам? Он разрешает всякого звания людям приискивать и копать руды в глухих, необжитых местах к приумножению славы и благосостояния отечества...

– Как же, знаком, знаком, господин Демидов. Только времена настали иные, – как по сговору отвечали все чиновники. И тем не менее по свежей памяти о грозном царе-реформаторе ощущали, как холодок собирал кожу в гармошку.

Тогда Демидов с тайной ухмылкой раскрыл объёмистые кошель. Чиновники сделались намного учтивее, но сдержанности не изменили, тянули время, чтобы выколотить взятки посOLIDнее.

Из Петербурга возвратился Геннин. Без стеснения облобызался с Демидовым.

– Рад встрече, рад встрече, дорогой Никитич!

Влиятельный сановник отрешился от неотложных дел и долгое время беседовал с заводчиком с глазу на глаз. Встревоженные чиновники тщетно пытались разгадать тайну переговоров – двери кабинета начальника свято охраняли её. А через два

² *Обер-бергамт* – учреждение, ведавшее горной промышленностью Урала и Сибири.

месяца оказались оплётанными, обескураженными. В этот раз Демидов вышел от Геннина радостно возбуждённым. Не скрывая презрения, изрёк:

– Впусте остались, чернильные души! Во где вы у меня, вымогатели! – шлёпнул ладонью по шее своей.

Чиновники застыли коленапреклонённо.

– Встаньте! Бог свидетель, отпускаю вину вашу во имя благосклонности ко мне на будущие времена...

Демидов победно взмахнул тяжёлым листом гербовой бумаги так, что ветерок тронул тяжёлые шторы на окнах.

– Ведайте, что сама берг-коллегия жаловала мне прописной указ на строительство при тех рудах медеплавильного завода...

На этот раз старцы добирались до Алтая не пешим порядком, а на лошадях в сопровождении демидовских приказчиков и искусных плавильщиков. Приказчики построили на речке Локтевке две опытные печи для плавки руд. Полученную медь, которую называли чёрной, сплавляли в штыки – длинные узкие полосы – для удобства в переноске и отправили сухопутьем в Невьянск.

Демидов остался доволен высоким качеством меди. Беспокоило из донесений приказчиков одно – маловодье речки Локтевки, не позволявшее построить завод.

Тогда Демидов вытребовал от берг-коллегии искусённого в заводском строительстве и плавильном деле горного офицера Никифора Клеопина. Клеопин привёз с собой необходимый инструмент, не один десяток работных людишек, в их числе и Фёдора Лелеснова.

Приказчики построили завод на речке Белой, в трёх верстах от места пробной плавки, обнесли крепостью для устрашения кочевников и назвали Колывано-Воскресенским.

Палисадные стены из бревен, забранных в кирпичные столбы, по углам и над воротами венчались бастионами и сторожевыми башнями. Со стен в окружавшую глухомань уставились жерла чугунных пушек, доставленных с Урала. Приезжавший для освидетельствования завода артиллерии капитан

Фермор по просьбе Демидова обучил крепостных канониров и барабанщиков пальбе из пушек.

Демидов прочно обосновался на новых землях. Медь шла непрерывным потоком. Руд оказалось много, и приказчики стали поговаривать об открытии новых заводов в местах, где имелись реки и дремучие леса для топлива.

Демидов не забыл просьбы олонецких стариков. Из алтайской меди самых первых плавок был отлит колокол весом за тридцать пудов. На нём проставили литеры «А. Д.» – начальные буквы имени и фамилии могущественного заводчика.

Благодарные старцы с наслаждением слушали мелодичный колокольный звон, который рождал воспоминания о прошедших днях и надежды на спасение душ.

* * *

Фёдор Лелеснов сидел на каменной шершавой плите. Рядом – только протянуть руку – прозрачный родник. Позади у Фёдора остались многие десятки вёрст пути, потаённые звериные тропы. Селения в здешних местах редки, оттого рудоискателю, охотнику или беглому человеку путь-дорога в великую тягость приходится. За плечами надо таскать многодневный запас провианта – смеси мелко истолчённых сухарей и сушёной рыбы.

Съел Фёдор горсть-другую толчи из заплечного мешка, к роднику поманило. Вода холодная. От первого глотка зубы заломило. Потом прошло, и по телу пробежал приятный бодрящий холодок. Руки сами собой потянулись к веткам дикой малины. Непуганые малиновки удивлённо смотрели на пришельца.

При рудном поиске Фёдор не знал усталости. В день исхаживал не один десяток вёрст по каменным распадкам. Из-за расторопности и проворства прилипло к нему меткое прозвище – Юрканец. Быть бы Фёдору довольным собой – пригож, высок и плечист, сила в руках немалая – через колено гнул в дугу свежесрубленные берёзовые стяжки, годами молод – всего двадцать четыре минуло. Не радовало одно – не приходил успех в рудном поиске.

Товарищ Фёдора Иван Чупоршнев куда удачливее. Не один клад медных руд сыскал. Сам Акинфий Демидов, скупой на милости, баловал рудоискателя разными наградами. Чупоршнев прочно становился на ноги, даже семьёй обзавёлся. Фёдор тяжело вздохнул. Что поделаешь? Горные ручьи и немые пихты не расскажут, какие дороги ведут к рудным кладовым. Видно, не каждому успех и счастье даются...

Невесёлые думы внезапно нарушил треск сухих веток. Фёдор поднялся на ноги. По качавшимся верхушкам кустов дикого малинника угадывалось чьё-то быстрое движение.

Не успел Фёдор сообразить, в чём дело, как на поляну выскочила запыхавшаяся девушка. На согнутой руке болталась круглая корзинка. Из корзины на землю падали рубиновые капли малинового сока. Девушка метнулась за толстый ствол развесистой пихты недалеко от Фёдора и затаилась. Почти вслед прикослапил медведь. Зверь, нагулявший за лето жира, горазд до разных проказ и шуток: одному нравится столкнуть большой камень в пропасть и слушать, как нарастающий гул гремит раскатистым эхом где-то в горных долинах, другой долго и старательно мудрит над тем, чтобы пригнать к земле вершину молодой берёзы и, опустив её, послушать пронзительный свист оголённых ветвей, полюбоваться густым листопадом.

Медведь смешно повел чёрным лоснящимся носом, медленно поплёлся вперёд. Вот он поднялся на задние лапы. В глазах озорной блеск. Фёдор бросил свёрнутую тужурку. Из медвежьих лап полетели в разные стороны клочки стёганого холста.

Десятифунтовый молоток рудоискателя, под которым со скрежетом и искрами рассыпался крепкий камень-роговик, мелькнул в воздухе. Медведь оказался бывалым бойцом. Он стремительно взмахнул лапой, и удар молотка угодил ему не в голову, а в лопатку. Второго удара не последовало: разъярённый зверь стиснул человека в своих объятиях. Из ощеренной медвежьей пасти вырывалось горячее и спёртое дыхание. Фёдор что было силы вцепился руками в шею зверя. В глазах Фёдора замелькала густая рябь, заплясали деревья. Ещё несколько мгновений, и зверь сомнёт человека. И вдруг – неве-

роютное: Фёдор почувствовал, как с него сползли медвежьи лапы, как свободно и легко дышится.

С молотком в руках перед Фёдором стояла девушка. Она принялась строго журить:

– Смел и силен ты. Сила есть, ума наберись. Пошто зверя без хитрости хотел одолеть? Нешто так делают, как ты!

Фёдор не однажды встречался с медведями. Молоток всегда служил верой и правдой. А сегодня при свидетеле случилась оплошность. Стоило Фёдору отступить несколько шагов назад и спрятаться за могучую лиственницу – всё могло кончиться иначе. Сейчас Лелеснов от души сожалел, что вслед за первым не появился второй зверь. Тогда-то он наверняка доказал бы, на что способен.

Девушка заговорила снова, на этот раз примирительно:

– Рубахуними, помойся в роднике. Я тем временем трав насобираю.

Вскоре она возвратилась и мягко сказала:

– Будем латать кожу.

На кровоточащие борозды ложились холодные листья подорожника. Фёдор украдкой посматривал на девушку. Та заметила, строго спросила:

– Чего глазами прилип?

Фёдор смутился. Девушка ему поглянулась: невысока ростом, статна корпусом и приятна на лицо, двигалась бесшумно и легко. После неловкой заминки Фёдор робко спросил:

– Кто ты и откуда будешь?

Спасительница промолчала, вроде не слышала вопроса. С шумом разорвала на ленты свой передник и туго притянула подорожник к ранам.

– Дёшево отделался. А всё-таки час-другой повремени на месте, чтобы кровь корочкой взялась. Как пойдёшь, спешить не вздумай, не то потом царапины разъест.

Оба помолчали самую малость, и девушка засобиравалась.

– Тебе сидеть, а мне в путь пора. Бывай здоров! При новой встрече со зверем будь поосторожнее.

Фёдора словно кто подбросил. В голосе – тревога.

– Куда же ты? Мясо на костре изжарю...

Девушка взглянула на кожаную перемётную сумку, в которой Фёдор хранил куски горных пород.

– Видать, служивый ты. А служивый не по мне. Прощай!

С лёгкостью малиновки девушка порхнула в заросли. Фёдор пришёл в себя, когда почти затих шорох кустов, во весь голос крикнул:

– Сказала бы хоть, как зовут и где тебя искать!

Издали ответил смеющийся и звонкий голос:

– Время не припело, молодец! Когда-нибудь, может, и узнаешь!

* * *

Указами Петра Первого повелевалось всех пришлых и даже беглых людей с горных заводов «неволею не высылать, дабы тех заводов не опустошить и промыслов не остановить».

Тот, кто бежал от крепостного гнёта и добровольно приходил к Демидову в надежде укрыться от властей, попадал из огня в полымя. На шее туго затягивалась петля договорной кабалы. Выбраться из неё человеку становилось почти невыносимо. Демидовские доглядчики зорко стерегли «охочих» людей. При побеге же объявлялся двойной сыск – и со стороны Демидова, и со стороны воеводских канцелярий. От демидовского вездесущего ока человека могла укрыть, пожалуй, лишь одна могила.

Пойманному беглецу не было пощады. Секли плетью нещадно, горячим железом выписывали указные знаки на коже, бросали в рудничную подземную мокреть. От тяжкого изнурения работой, голода, гнилого спёртого воздуха человек в самое короткое время возносился, в назиданье другим, в царство небесное.

Пришёл однажды в Колывано-Воскресенскую рудничную контору человек лет пятидесяти от роду и объявил:

– На господина Демидова желаю робить!

Приказчики глазами барышников долго прощупывали пришлого. Крепок и кряжист, как листовенничный сутунок. От такого прок в работе будет. По душе приказчикам пришёлся.

– Где писался по последней ревизии?
– В обской деревне Кривощёковой, что на самом Сибирском тракте.

– Паспорт или какой другой письменный вид от воеводской канцелярии имеешь?

– Коли имел, не пришёл бы...

Приказчики только и ждали этих слов, как мыши в чулане, зашелестели бумагой. Заскрипели перья.

– Как прозывается?

– Иван Солёный, сын Петров.

– Солёный, говоришь? Почему так?

Пришлый недоумённо пожал плечами.

– Откуда мне знать. Солёный и всё...

– Ну и ладно, раз Солёный, будь им. Ставь в конце бумаги крестик и на работу с богом.

– Отчего крестик-то?

Солёный взял бумагу, быстро пробежал глазами по ней и под тощими приказчиковыми завитушками бойким росчерком начертал размашистую жирную подпись.

– Вот так у нас подписывают!

Удивлённые приказчики было стухнули – как бы беды на свои головы не накликают. Но Солёный оказался тонким провидцем и рассеял душевное смятение.

– Род мой извечно крестьянский. А грамоте обучился в детстве через любознательность и большое понятие от сельского дьячка...

По знанию грамоты Солёному выпадало некоторое облегчение в работе. Зимой, как и большинство демидовских работников, ходил в бергайерах³, копал руду и время от времени вёл письменный учёт добытому.

После памятной встречи с медведем Фёдор Лелеснов, с разрешения приказчиков, часто брал с собой Солёного. Сам Фёдор не умел ни читать, ни писать и нуждался в надёжном помощнике по письменной части. Солёный быстро постигал самые

³ *Бергайер – дословно «горотесец», работник, добывающий руды.*

сокровенные тонкости рудоискательского дела, оказался общительным и задушевым товарищем, бывалым и находчивым человеком.

При рудном поиске ли, на отдыхе ли в глазах Фёдора одно видение – девушка с молотком в руках. «Где-то она сейчас? Почему я тогда дал ей уйти, не узнав имени и где живёт?» Теперь в девушке Фёдору всё казалось загадочным: и нескрываемое опасливое отношение к служивому человеку, и неожиданный уход, и её последние слова, подающие какую-то тайную надежду на будущую встречу.

Однажды ночью у костра Фёдор рассказал товарищу про наболевшее. Тот выслушал и совсем не к месту закатился звучным смехом, потом посуровел и сердито выговорил:

– Чудной ты! Нешто при таком ротозействе ухватишь сердце. А вот взял бы да следом потопал и, глядишь, не упустил бы девку. – Солёный пыхнул козьей ножкой и с загадочной уверенностью повторил: – Наверняка не упустил бы!

После этого разговора Фёдор не однажды приставал с назойливыми вопросами:

– Отчего так говоришь? Нешто знаешь ту девицу?

Солёный ответил уклончиво.

Лето кончилось. Правда, ещё стояли погожие тёплые дни и в воздухе плавали длинные паутины, но дыхание осени легко угадывалось по первым серебристым утренникам, по багряным и золотистым разливам в зарослях калины, березняка и осинника.

В этот раз рудоискатели ушли далеко от Колывани и обыскивали незнакомые места в верховьях Чарыша. Беды было мало оттого, что в глухие горы забрались, да в провианте просчёт получился, запасённой толчи не хватило.

В тихих речных заводях возле затонувших коряжников острой легкой добычей налима и тайменя, в оцепенении карауливших рыбную молодь. Наваристая, но не заправленная уха, вкусная рыба без хлеба приелись. А где достанешь хлеба, толчи или, на худой конец, немолотого зерна? Кругом глухомань, безлюдье, беспорядочные каменные нагромождения, высокие гор-

ные кручи, чёрные пропасти. Пришлось навялить и накоптить рыбы, чтобы добраться до человеческого жилья.

В горной теснине, на берегу говорливого ручья, рудоискатели неожиданно наткнулись на жильё – приземистую избу, рубленную в угол.

– Вроде добрались, – облегчённо вздохнул Солёный.

– Только радости мало, – угрюмо ответил Фёдор. – Взгляни-ка получше.

Стены избы были глухими, лишь высоко, под самой крышей, проглядывали маленькие подслеповатые окна. Стёкла заменял туго натянутый бычий пузырь. Тесный двор – настоящая крепость – обнесён высоким, плотным, без единой щели частоколом из гладких ошкуренных брёвен. Преодолеть такой забор мудрено: концы брёвен напоминали острия отточенных пик.

– Ничего не понимаю... жильё без людей не бывает, – с искренним недоумением сказал Солёный.

– Так-то оно так. Только не всякий человек приходу другого рад. То жильё раскольников, по-ихнему скит. Раскольник с иноверцем и разговаривать не станет, не то что из беды выручать.

– А вот посмотрим сейчас! Не думаю, чтоб голос человека без ответа остался...

В ответ на стук в массивную калитку из глубины двора послышался собачий лай, шарканье ног. Со скрипом открылась калитка, показалось испитое мужское лицо с пушистой и красной, как лисий хвост, бородой.

– Чего надоть?

– Пристанище ищем.

Калитка открылась чуть пошире, раскольник властным голосом сказал:

– Проходи один.

Калитка захлопнулась, загредел засов. У самого крыльца избы хозяин снял с ног самодельные обутики, заставил то же сделать гостя, подал деревянное корытце с водой.

– Ноги мой...

В избе полумрак, терпкие запахи сохнущих трав, калины. При входе постороннего человека по избе заматались тени.

Солёный не различал лиц обитателей избы, но понял, что среди них, кроме мужчин, были женщины и дети. Тот же мужчина, но уже строже, чем в первый раз, спросил:

– Чего надоть?

– Хлебного припасу хотели купить. Весь у нас вышел, впереди дорожка длинная...

– Сами по хлебушку наскучали, перебиваемся рыбой, звериным мясом да кореньями. – Мужчина громко засопел и неожиданно напрямик отрезал: – Табачищем, зельем сатанинским, от тебя разит за три версты. Поклон тебе, иди своим путём...

Рудознатцы было направились дальше, как над частоколом показалась знакомая медная борода.

– Эй, подойдите ближе... вот вам на первое пропитание. – Из рук мужчины зазмеилась верёвка с глиняным горшком.

– Кашу опрокиньте в свою посудину.

Над головами уходивших рудознатцев что-то резко просвистело, со звоном ударилось о камни. Солёный поднял увесистый медный пятак – тот самый, который он как плату за кашу опустил в пустой горшок...

После бесхлебья жёсткая просяная каша показалась слаще пасхальной ковриги. Ели её осторожно, чуть не по крупинке, жевали старательно, до щемящей истомы в скулах. Каши при еде без оглядки хватило бы на один приём, при строгой же бережливости рудознатцы растянули её на два дня, пока не добыли у крестьян хлеба и крупы.

Весь обратный путь Солёный не переставал удивляться:

– Скушно с такими... Одному богу молятся, да по-другому, двумя перстами крест кладут. И откуда такое? Прав ты, Фёдор, нелюдимые, черствушие, как сухари... Много я в жизни видел, ох, много! – а с раскольниками повстречаться не случилось. Доведись с ними жить – подохнешь, лучше дважды солёным быть.

* * *

В деревне Кривощёково жил крестьянин Иван Неупоков. Достатка большого не имел, но, как говорят, живота из-за бес-

кормицы туго не перетягивал, лохмотьями не тряс на людях. Трёх человек содержал – жену и двух дочерей. Кормился не только пашней. Поздней осенью, когда в обских затонах жировала хищница-нельма, резвились стаи диких уток и гусей перед отлётом на юг, Иван добывал рыбу и дичь, а по зимнему первопутку подряжался в казённый извоз. Почти всю зиму охотчие крестьяне возили соль с Барабинских и Кулундинских промыслов в казённые амбары. Отсюда соль по строгому наказу воеводских канцелярий выбиралась населением по обязательной норме – два фунта в месяц на каждую душу. Казна имела оттого немалую выгоду. В степных озёрах соль лопатой гребли, и по-настоящему не было ей самой малой цены, казна же торговала по пятьдесят копеек за пуд.

Соляные целовальники строго следили, чтобы каждый житель неукоснительно и без остатка выбирал установленную норму. О том в судных избах делались отметки в специальных ярлыках. Страшные кары опускались на головы тех, кто уклонялся под разными предлогами от покупки дорогой казённой соли. По указам воеводских канцелярий, «виновных» нещадно драли плетью, томили в каталажках, под караулом заставляли отрабатывать стоимость невыкупленной соли. Людей, которые самовольно добывали и продавали «воровскую» соль, по законам предавали смертной казни, а их имущество казна продавала с молотка, «дабы другим неповадно было чинить оное». Выходило так: кто не хотел за «недосол» подставлять спину под плети, тот мирился с пересолом на столе.

До Томской и Кузнецкой воеводских канцелярий дошли слухи, что крестьяне многих сёл промышленляют воровской солью. Летней порой приехал в Кривощёково целовальник с пятью солдатами и устроил строгую проверку ярлыков.

Дошла очередь и до Ивана Неупокоева. Долго шарил мужик в карманах одежды, в самых потаённых избяных застрехах⁴, весь домашний скарб переворошил, а ярлыка не отыскал.

⁴ *Застреха – нижний, свисающий край крыши у избы, сарая и т.п., а также брус, поддерживающий нижний край крыши.*

От довольной улыбки уголки рта целовальника уползли к самым ушам.

– Слава богу! Сам собой объявился соляной воришка!

– Какой я воришка! – взбунтовался опаматовавшийся Иван. – Вся деревня знает, что за прошлые месяцы соль сполна выбрал!

Целовальник хихикнул, широко развёл руками.

– А вот нету ярлыка-то! Выходит, ты и есть наипервейший вор. Эй, солдаты! Под караул его и в канцелярию! Небось там расскажет про всё по порядку.

Несколько недель Иван сидел в каталажке при воеводской канцелярии. Не раз в сутки его допрашивали. Не одну палку обломили солдаты о спину подследственного. Иван крепился и верил, что правда своё возьмёт. Тревожило другое – без пользы уходили золотые деньки сенокоса. А как коротать корове длинную и лютую зиму без сена? Скотина – тварь бессловесная, ни на что не пожалуется, а если падёт – без ножа зарежет хозяйина. «Отпустили бы домой сейчас, ещё можно вовремя поставить сено». Мысли о доме ещё больше бередили душу Ивана. Наконец тюремный страж громко объявил:

– Собирайся домой, да поживее!

Возрадовался было Иван, да безо времени. Страж с холодным достоинством пояснил:

– Не один, с воеводой и под конвоем поедешь.

Следствие так и не установило вины Ивана в прямом воровстве, но солдаты увели со двора и продали Иванову корову в возмещение стоимости невыкупленной соли.

Воевода счёл свой приезд в деревню бессмысленным, если не предпринял бы мер к укреплению у крестьян духа смирения и покорности. По его приказу солдаты согнали всех мужиков на лужайку за деревней, прикатали высокую телегу-рыдван. На ней соорудили обширный дощатый помост. Мужики зябло ёжились в ожидании невиданного зрелища. Не было такого, чтобы в маленькой деревне в присутствии самого воеводы и при стечении всего народа хлестали плетью человека. Канцелярский писец глухим могильным голосом пробубнил вое-

водский указ. Солдаты сграбастали Ивана и, как он отчаянно ни брыкался, заволокли на помост, повалили на живот.

Сам воевода отсчитывал удары и подзадоривал солдат зычным гиканьем:

– А ну, наддай крепче, заверни покруче!

Не в меру усердствовал рослый рябой солдат с рассечённой губой. Опухоль вздёрнула губу к самому носу. То были отметки Ивана. Плеть свистела в руках солдата и ложилась на спину с резким, злым потягом.

– Так, так! Хорошо, молодцы!.. Стоп, молодцы! – скомандовал воевода и про себя со страхом подумал: «Из камня вытесан, дьявол. От ста ударов не пикнул, будто не плети, а банный веник по спине ходил. Такому в глухом углу не попадайся...»

– А теперь, – гаркнул воевода, – угостите солью, что ему причитается!

Кровавое месиво спины солдаты припудрили мелко истолчённой солью. Иван не выдержал невыносимой саднящей боли, впал в беспамятство. Очнулся дома лежащим посреди избы. Возле хлопотали жена и старшая дочь Феклуша. По спине бежали струйки холодной воды – от этого боль утихала, прояснялись взор и сознание.

Пришедшие мужики-соседи облегчённо вздохнули и поспешили по домам. «Слава те, господи, в память пришёл мужик...»

Из Бердской судной избы вернулся кривощёковский староста, внушительного вида человек, рослый и плечистый; походка уверенная и бодрая; широкая, окладистая борода пышным веером легла на грудь. Увидев его, воевода встрепенулся. Забегали, заискрились глаза, голова ушла в плечи. Ни дать ни взять – свирепый коршун, готовый броситься на жертву.

– Отчего в твоей деревне, козлиная борода, мужики вместо казённой воровскую соль потребляют? Так-то справляешь свою должность! Видно, и по твоей спине плеть наскучила!

В ответ на строгость староста и ухом не повёл, не заёрзал у ног воеводы, слёзно не взмолился о пощаде, с достоинством изрёк:

– Кривощёковские мужики, голову положу на плаху, не воры, не ослушники. Что касательно Ивашки Неупокоева,

так он, как есть ни в чём не повинен. Вот и ярлык его с надлежащими отметками. Запомнил мужик, что оставил его в судной избе для выправки.

Поначалу воевода было прикусил язык, потом строго приказал:

– Привести ко мне того Неупокоева Ивашку!

Солдаты возвратились с виноватыми постными лицами.

– Не могли приволочь Ивашку, недвижим, тяжёл, как каменная глыба. Только что и жив у него один язык. Я, говорит Ивашка, от той посолки вовек воеводской науки не забуду.

Слова понравились воеводе. Звучный смех потряс его грузное тело, согнал с лица ненастье.

– Говорите, вовек не забудет? Каков молодец! А? Выходит, не зря потрудились ребяташки! Мыслью так я, что отныне Ивашку надобно называть Солёным. Слышали, мужики?..

Неупокоевская изба ютилась сиротой на самом выезде из деревни. Вечером послышался глухой конский топот. Жена Ивана размашисто и часто закрестилась.

– Пронесло тучу, уехали, мучители!

Превозмогая боль, Иван порывисто встал на ноги и крепко наказал семье:

– Сидите неотлучно здесь. Кто спросит – говорите, что в горенке во сне забылся. А я вернусь мигом.

Прежде чем изумлённые домочадцы успели раскрыть рты, Иван, как был в одних портках, выскочил во двор.

...Воевода полагал за час-другой добраться до Бердского острога. Там предстоял сытный ужин с обильным хмельным возлиянием. Дорога вышла на широкую приобскую луговину с тальниковыми забочками, заболоченными мочажинами и бесчисленными озёрами. Здесь густо пахло пресной застоявшейся водой, перезревшими травами. С укромных днёвок с плеском и шумом срывались и спешили на ночную кормёжку утиные стаи. Воздух стонал от певучего свиста крыльев, нетерпеливого кряканья.

«Эка суета», – подумал благодуществующий воевода и неожиданно ощутил щемящие позывы в животе. От дурной дере-

венской пищи или от дорожной тряски приключившаяся нужда властно ссадила воеводу с экипажа.

– Вот там, у поворота озера, обождите! – крикнул солдатам и проворно юркнул в кусты.

Больно хлестали по лицу упругие ветки, звенели потревоженные комариные полчища. Воевода сейчас ничего не замечал. И лишь когда утихомирилась боль в животе, увидел перед собой человека, словно восставшего из-под земли. Глаза у того дико блестели, руки крепко сжимали увесистый берёзовый стяжок.

...Прошло времени больше положенного, а воевода не являлся. Обеспокоенные солдаты повернули обратно. Криками и ауканьем до хрипоты надорвали глотки. Потом бросились усердно искать. Когда густая темнота летней ночи обволокла землю, солдаты нашли бездыханного воеводу...

Долго тянулось безуспешное следствие об убийстве воеводы. В конце концов на пухлом следственном деле появилась резолюция: «Обвинить в одном убийстве никого не можно и предать суду божию, пока убийцы сами собой объявятся».

Ровно через год Иван Солёный стал «нетчиком» – самовольно и неизвестно куда выехал из деревни со своей семьей.

За нетчиков сельское общество обязывалось уплачивать подушные подати. Как ни тяжело было кривощёковским мужикам, но они не оговорили Ивана чёрным словом, вслух не высказали родившегося подозрения в убийстве воеводы.

* * *

С верховьев Чарыша Фёдор Лелеснов и Иван Солёный принесли полные сумки рудных камней. Пробные плавки показали высокое содержание отменной меди в руде. Приказчик Сидоров долго вертел в руках медные плиточки, соскребал ножом с поверхности чёрный налёт, глазами влюблённого ловил блеск металла. «Хороша медь! Ничего не скажешь против», – сам себе говорил приказчик и с сожалением добавлял: «Только не возьмишь сейчас те руды...»

В первой половине восемнадцатого столетия на землях Юго-Западной Сибири кочевали некоторые племена из Джун-

гари. Возглавлявший Джунгарию властный и воинственный хан Галдан-Церен с открытой враждой встречал появление новых русских поселений, особенно рудников и заводов. Нередко по указке хана подвластные ему вооружённые кочевники предавали огню и мечу вновь возникшие поселения.

В один из таких набегов кочевники засыпали шахты медного Чагирского рудника Демидова на Чарыше, до основания снесли крепость. После того на крепостных сооружениях Кольвано-Воскресенского завода усиленные караулы днём и ночью несли неусыпную службу. В полной исправности и готовности содержались оружие и огневые припасы. Приказчики заставили начальника охранной команды, находившейся на хозяйском коште⁵, обучать всех работных людишек «огненному бою». Из Петербурга по настоятельной просьбе Демидова в остроги, крепости и форпосты Иртышской укреплённой линии полетели предписания «о зорком смотре за неприятелем» и оказании при необходимости помощи в обороне Кольвано-Воскресенских рудников и заводов действительного статского советника Демидова.

Опасения демидовских приказчиков, считавших чарышские руды недоступными, подтвердились. Конники Галдан-Церена в немалом числе подошли к Кольвано-Воскресенскому заводу. Потоптались в нерешительности на месте короткое время; утрашённые внушительным видом крепости, ушли и больше не появлялись. Военная тревога постепенно сама по себе улеглась.

После того приказчик достал специальный журнал, в котором раньше записал рудное месторождение, открытое Фёдором. Немедля составил и ведомостичку на выдачу за открытие десяти рублей наградных. Только против фамилии Лелеснова в последней графе ведомости приказчик поставил своеручно жирный крест, а деньги опустил себе в карман. Ведомость пошла в Невьянск приложением к отчёту об израсходовании денежных сумм на расширение рудников и заводов. Хитрый приказчик в письме хозяину сообщал о «надёжности» откры-

⁵ Кошт – расходы на содержание, пропитание, иждивение; средства на жизнь.

того рудного месторождения – думал исхлопотать дополнительное вознаграждение и снова положить себе в карман.

Неподалёку от Колыванского озера примостилась невысокая гора с безлесными отлогими скатами. Гору венчают несколько складок с выходами синих, красновато-бурых, жёлтых камней с чёрными извилинами расселин и прожилок.

В летние солнцепёки гора кишела змеями. Они порой сплетались в тугие живые клубки. Гору прозвали Змеевой. Ещё до прихода демидовских людишек рудоискатели Костылевы – отец с сыном – нашли здесь признаки медных руд. Вскоре Костылевы осели на вечное житьё в Чаусском остроге ведомства Томской воеводской канцелярии. Долго испрашивали они заслуженное вознаграждение у казны, но остались ни с чем: открытие позднее оказалось в черте рудников и заводов Демидова.

О рудных сокровищах Змеевой горы ходили диковинные слухи. Говорили, что под каменным покрывалом горы текли реки расплавленного золота и серебра. Но к ним не было доступа смертному человеку. Зорко охранял сокровище Горный змей – коварное чудовище о семи головах. От одного его пронзительного свиста всё живое превращалось в прах. Люди с опаской обходили Змееву гору. Небольшая речушка Змеевка огибала её с юга на запад. Речушка отчаянно петляла, путала след в густых талах, в высоких камышах и осоках, будто боялась: попади на глаза чудовищу – выпьет воду до самого каменного дна.

– Пойду на Змееву гору, – твёрдо решил Фёдор. – Ходили же туда Костылевы, и не раз. Живыми вернулись. Чем хуже мы? Не такие, чтобы робеть. Может, того чуда и в помине не бывало. А простых змей доводилось мне сотнями на костре сжигать.

Поддержал Иван товарища и предложил:

– Проси у приказчика лошадь с повозкой.

С приближением вечера на Змеевой горе гасли краски. Откуда-то снизу с каждой минутой настойчивее поднималась чернота, густела, заполняла впадины. Становилось свежо, даже прохладно. Лишь на хребтинах ещё искрились холодею-

щие вечерние лучи. Над холмами струилось, трепетно дрожало тепло, отнятое камнями у полуденного солнца.

Восточнее Змеевой горы чернела высокая сопка. Позже прозвали её Караульной. Сама природа оправдывала такое название: с сопки далеко просматривались окрестности.

Рудоискатели расположились на южном берегу речки Змеевки. Место удобное, с ветру защищено густым кустарником. За кустарником начиналась весёлая луговина с буйными, сочными травами. Для лошади – настоящее приволье.

Натянутый парусиновый полог Иван охватил по земле замкнутым кольцом из волосяных вожжей; конские потники, сбрую разбросал по разным местам. Фёдор с нескрываемым удивлением наблюдал за Иваном.

– Колдуешь?

Иван спрятал в бороду довольную улыбку – понравилось неведение молодого учителя.

– Бывало, дальше пешими хаживали. А сейчас лошадь запросили. Вот для чего. Слухом пользовался – змея конского поту не переносит, через волосяную верёвку не переползёт. Выходит, привередливая тварь.

Несколько дней рудоискатели ходили у подножия горы, приглядывались. На наружных выходах Фёдор замечал оруденелые наплывы нежно-зелёного цвета – признаки меди, замеченные ещё Костылевыми. Страшного, о котором говорили люди, не встречалось. Даже змеи здесь попадались редко – уползали выше и грелись на раскалённых камнях.

Фёдор решительно объявил:

– Хватит в хоровод играть! Завтра поедем на гору...

Склоны горы усеяны мелким щебнем. Под ногами он осыпался со звонким цоканьем, увлекал за собой чахлые, пожухшие травы. Спугнутые змеи наполняли воздух шипением и шорохом. Рождались звуки, напоминавшие отдалённый мелодичный свист. Приходилось непрерывно жечь факелы из промасленной пакли – густой, едкий дым отпугивал змей.

Под гребнем самого южного холма зиял глубокий чёрный провал – след древних разработок. Крутые роговиковые обрывы

подёрнулись бледно-зелёной мшистой плесенью. Местами сквозь неё проступали узорные переплетения жёлто-охренных, медно-лазурных и искрящихся кварцевых прожилок. Из провала веяло сырой прохладой. Сколько потребовалось времени и сил чудачкам, чтобы выбрать крепкую горную породу при помощи мягкого медного кайла⁶ и таких же клиньев и скребков? Всякий раз при встрече с давно заброшенными рудными разработками Фёдор задавал себе этот навязчивый вопрос, мысленно уносился в седое таинственное прошлое. В воображении вставали смутные образы людей-великанов, бескорыстных тружеников. Фёдору доводилось находить под толщами горных обвалов скелеты чудачков, мешки из звериных шкур, по самую горловину набитые рудами. Не из-за великой корысти, а по жестокой необходимости древние люди вгрызались в камень, чтобы от природы взамен получить скудное пропитание.

Фёдор улавливал сходство между собой и чудачками. Сколько раз он смотрел в глаза опасности, выходил победителем в смертельном единоборстве с ней! А ради чего? Единственно в угоду корысти Демидова и его приказчиков. Дары земли умножали их богатство. Рудоискателю из того доставалось ровно столько, чтобы в обрез хватило силы для поисков новых рудных кладов...

По верёвке Фёдор спустился вниз. От подошвы провала в разные стороны уходили горизонтальные выработки без малого в рост человека высотой. Входы в них – настоящие звериные пасти – густо усеяны острыми каменными выступами – клыками. В выработках темно и душно. Сверху срывалась густая холодная капель, звонко била по камням.

Не день и не два рудоискатели шарили в старых чудских копиях. При свете факела изломы горных пород поражали глаз разнообразием своих форм, цветов и рисунков. Сине-дымчатые и серовидные струеватые роговики поблескивали вкрапленными кварцевыми жилками, слюдяными глазками и горными хрусталиками. Разноцветные и разнотонные шпаты,

⁶ *Кайло – горный ручной инструмент для откалывания кусков ломких пород, остро-конечный длинный стальной клин, насаженный на деревянную рукоятку.*

кварцы и мергели были украшены тонкими веточками горной сини, лазури, медной зелени, пятнами багрово-красной и жёлтой охры.

Фёдора увлекли поиски. Однажды чуть не на четвереньках пробрался в конец самой длинной выработки и принялся за работу. Гулко звенел, разбрызгивал по сторонам искры увесистый молоток. Фёдор невольно любовался неповторимой красотой подземелья. На острых каменистых выступах от факельного света загорались трепетные волшебные огоньки.

В крепкой роговиковой породе всё чаще встречались рыхлые охренные жилы. Работа пошла быстрее, Фёдор не сбавлял жару – подстёгивало любопытство и неукротимое желание глубже проникнуть в тайны молчаливого камня.

От сильного удара молотка неожиданно над головой зашевелился со зловецим шорохом острозубый свод. Не успел Фёдор отпрянуть, как на него посыпался тяжёлый каменный град.

...Фёдор не знал, сколько времени находился в беспмятстве. Очнулся в кромешной тьме: факел погас. Первое, что уловил слух, был резкий, пронзительный свист. Он заставил вспомнить про Горного змея.

Фёдор приподнялся с мокрых скользких камней. Кружилась голова, ныли спина и плечи, по лицу и шее скатывались тёплые струйки. «Кровь, – догадался Фёдор, ощущал себя, резко повернулся. – Кости целы...»

Впереди сочился серый полумрак. Вспомнилось, что вход в подземелье – за поворотом выработки. Фёдор пополз. И опять тот же свист, но более явственный и близкий. Лицо обдал приятный холодный ветерок, рождённый незримым полётом летучих мышей.

Вот и выход. Мысль о Горном змее бесследно исчезла, когда Фёдор на дне провала увидел Ивана, который надул щёки, чтобы свистнуть.

– Что с тобой? Сколько часов искал тебя, грудь и глотку от науги разрывает!..

На верху провала Иван долго отпаивал водой товарища, тряпичными, песочными присыпками унимал сочившуюся кровь.

Перед уходом на стан приключилось второе несчастье. Откуда-то с каменистой кручи сорвалась змея, в шею ужалила Ивана.

Фёдор приказал лечь на щебень, разрезал ранку и припал к ней. Долго и старательно высасывал вместе с кровью змеиный яд. Когда вокруг ранки спала опухоль и появилось здоровое красное пятно, уверенно сказал:

– Теперь сто лет живи, ничего не будет.

Фёдор томился от вынужденного безделья. Пока заживали ушибы и ссадины, многое передумал. «Не будь Ивана, вряд ли выбрался бы я из каменной ловушки... А может, и принял бы смерть чудака».

У Ивана в эти дни светлело на душе при воспоминании о недавнем. Ведь Фёдор, спасая его, рисковал собой: змеиный яд мог легко попасть в рассечённые губы. Внутренне рудоискатели теперь чувствовали, что ещё крепче связаны незримой верёвочкой настоящей дружбы.

Утрами речную луговинку затягивал тканый полог молочного тумана. От холодной сырости тяжелели, никли травы, плетями обвисали ветви тальника. Только около полудня сквозь туман дружно прорывалось солнце. Его лучи, окрепшие, напоённые теплом, обласкивали землю. В тальниках дробно стучала капель, по травам мягко шелестела, сползая вниз, искряная роса.

К этому времени Иван успевал привозить на лошади собранные раньше в шахте породы. Фёдор подолгу колдовал над камнями, сортировал по рудным признакам. Почти в каждом из них по зелёной окраске угадывалась медь.

Не одну сотню камней разбил Фёдор. Посерел и осунулся от трепетных надежд. А жилы упорно не показывались.

– Пустое дело, – махнул рукой Солёный, – пора уходить от Змеевой горы.

Фёдор промолчал.

На изломах камней всё чаще проглядывали жёлтые пятна и крапины. Лелеснов ковырнул ножом. Вместе с рыхлой охрой посыпались мелкие хрусталики. Невольно вспомнились слова первого учителя, умершего рудознатца Саввы Исаева: «Где

охра, кварц и горный хрусталик – там и ищи самородное золото с серебром». И только теперь Фёдор нашёлся ответить, задорно и загадочно:

– Может, пустое обернётся богатством.

От смутной уверенности заработал с удвоенной силой. Яркое солнце не могло скрыть густого искромёта под молотком. Камни пружинили, подскакивали, как живые. Укрощённые силой человека, скупо распадались на куски.

И вдруг на каменном изломе брызнул жаркий багряный блеск. Фёдор пригнулся к земле и долго копался в охре.

– Нашёл! Нашёл!

Поражённый Солёный было шархнул в сторону. Какое-то мгновение ему казалось, что другом овладел приступ страшного душевного расстройства.

– Ну, чего ты? – спросил Фёдор, малость остывший при взгляде в лицо Солёного. – Не видишь разве?

На ладони Фёдора поблескивали тонкие лепестки и волосики самородного золота самого высокого цвета, пролегли бледно-матовые красивые веточки, нитяные прорости серебра.

– Выходит, здешняя руда хитростью сохраняет свои богатства. Доселе было известно, что самородное золото и серебро жилами залегают, а... – У Фёдора дух перехватило от крепких объятий Солёного, еле досказал: – А-а в Змеевой горе – гнездами...

* * *

Густо дымил Колывано-Воскресенский завод. Гладким зеркалом поблёскивал на солнце заводской пруд. Нередко сюда, к радости мастеровой детворы, с озера Белого, что в нескольких верстах от завода, налетали утиные стайки, шумно резвились, взбивая крыльями радужную водяную пыль.

Низко над заводским посёлком Колыванью и над прудом плавали клубы душливого рудного перегара. В ветреную погоду дым уносило из Колывани, и тогда работный люд с жадностью вдыхал крепкие смолистые запахи сосны, пихты и ели. Зато подветренные деревья не переносили заводской ядовитой

потравы. От мышьяковистых и сернистых испарений желтела, с сухим звоном осыпалась хвоя, и безжизненные деревья становились добычей лесорубов.

Радовался демидовский приказчик Сидоров. Дело наладил так, что из плавильных печей огнедышащим, неугасаемым потоком шла багряная медь. И стояла та медь со всеми заводскими и дорожными расходами сущие гроши. В Невьянске довольный Демидов потирал руки, вынашивал смелые планы расширения заводского действия на Алтае. Даже соображения Сидорова на этот счёт запросил.

Предстоящие хлопоты не страшили. Была бы хозяйская воля, работные людишки, нужный припас – и заводы вырастут, как грибы после благодатного дождя. Не боязно теперь и джунгар. Хотя и в силе Галдан-Церен, а уверился приказчик после памятного случая, что не посмеют снова подойти и тем более напасть кочевники на крепость, в которой пушек прибавилось едва не вдвое.

От головы до пяток приказчика прожгла весть об открытии в Змеевой горе. От сладких и в то же время тревожных раздумий бешено стучало в висках. Приказчик хорошо понимал, что не устоит против опасного соблазна – набить свои карманы золотом и серебром.

– Придержи язык за зубами... Будет хозяйское повеление, тогда дело гласности предастся, и награду получишь, – сказал он Лелеснову, когда тот вернулся со Змеевой горы. Про себя Сидоров смекнул: «Пока суд да дело, рук не опускай, Харлампий... золотишко с серебром втайне от хозяина добудь, чтоб по гробовую доску иметь беспечальное, в полном достатке житьё-бытьё». От такой думы душа таяла. Вставала во всей красе, кокетливо к себе манила неизведанная жизнь – не под хозяйской палкой, а вольная, беспечная. Мыслилось приказчику, что где-нибудь в неизведанной глуши заводишко поставит, начнёт ковать деньгу. Когда придёт богатство, гнев Демидова не страшен.

«А вдруг хозяин дознается прежде!» Осиновым листом на бесприютном осеннем ветру трясся приказчик от этой мысли.

Глаза прыгали вверх, пальцы сами складывались в щепоть, чтобы вымолить у всевышнего защиту от напасти. Знал приказчик: не прибьёт его разом, как шелудивого пса, а упечёт на тот свет пытками ада хозяин за дерзкое намерение, поэтому колебался, выжидал и прогадал немало...

* * *

В царствование Анны Иоанновны процветали небывалое казнокрадство, мотовство и роскошь временщиков, высших сановников. Пустела государственная казна. Императрица обратила внимание на процветавшее дело Демидова. Царствующая особа повела тонкую игру. Своим указом предписала коммерц-коллегии, которая в это время управляла горной промышленностью России взамен упразднённой берг-коллегии, «иметь смотрение за партикулярными⁷ заводами, чтобы они плавилы железо, и послать на каждый такой завод шихтмейстера⁸ или другого офицера». Было в указе и более существенное – приказание о постройке в Томском и Кузнецком уездах «сильных заводов» и, при случае надобности, об изъятии заводов Демидова в казну.

Главная канцелярия Сибирских и Казанских заводов по предложению тайного советника Василия Татищева, в соответствии с царским указом, направила на Алтай комиссию во главе с майором Угримовым и казначеем Гордеевым. По последнему санному пути Угримов приехал на Алтай. Как и подобает царскому слуге, устроил тщательный осмотр демидовским горнорудным предприятиям, нашёл их в надлежащем порядке.

За внешней строгостью демидовские приказчики подметили полную нераспорядительность и халатность майора. Свою должность справлял вяло, без души, будто предвидел бесцельную трату сил и ума. Перед отъездом Угримова из Екатеринбурга на Алтай Демидов имел с ним встречу. На майора она подействовала, пожалуй, сильнее, чем все инструкции

⁷ *Партикулярный – частный; здесь – завод, принадлежащий частному лицу.*

⁸ *Шихтмейстер – низший чин горного офицера.*

и наставления Главной канцелярии. Демидов старался держаться непринуждённо и просто, играл в откровенность. Такое поведение могущественного владыки гор льстило самолюбию безвестного майора.

– Скажу вам, голубчик Иван Алексеевич, моё дело в Колывани захудалое, ничтожное. Самый малый пустяк. А прикипело моё сердце к Колывани оттого, что ещё не изведена она, душа же просит простора.

Угримов охотно, с подчёркнутым расположением чокался хрустальным кубком с Демидовым. От действия доброго вина у него рождалась самоуверенность. Сейчас казалась посильной любая услуга Демидову, чтобы быть у него не на последнем счету.

Демидов непрестанно наполнял кубки новыми всё более крепкими винами. Когда майор перешагнул все границы откровенности и готовности услужить, Демидов перебил его наигранно учтивым голосом:

– Премного ценю благожелательность вашу. От вас требуется немного. В своих устных докладах и письменных отчётах из Колывани подтверждайте мною сказанное, что всё дело выведенного яйца не стоит. Остальное, дабы не опорочить вашего доброго имени, станет на своё место моими хлопотами. А особливо, – Демидов перешёл на властный полужёпот, – надобно утвердить высшее горное начальство во мнении, что руды в тамошних краях ненадёжны, истощаются и в конечном пресечение придут в непродолжительное время...

Чёрной осенней ночью чистокровные лошадки доставили наглухо закрытую карету к дому на одной из второразрядных улиц Екатеринбурга. Изрядно захмелевший майор, однако, сохранил ясность рассудка. До самой горницы его провожали верные слуги Демидова и на прощание выложили подарок щедрого хозяина – мешочек, а в нём полпуда мелкого самородного золота...

Угримов принял от демидовских приказчиков Колывано-Воскресенских горнорудные заведения в казну по специальной «оценочной» ведомости. Ими теперь стало управлять Томское горное правление. Стоимость принимаемого оказалась намного

завышенной, и Демидов без труда вернул подарок, преподнесённый майору.

Сидоров кусал локоть с досады за свою оплошность. Из опасений огласки, противной Демидову, Угримов заменил приказчиков новыми людьми. Сидоров уехал в Невьянск с пустыми карманами и гложущей тоской на душе...

Угримов завёл строгие порядки. Ни одна бумажка не уходила из Колывани в прочие присутственные места без просмотра им, ни один человек не выезжал из ведомства без страшного клятвенного обещания о том, что будет поступать и говорить строго по наставлениям самого майора. Клятва отбиралась священником в церкви, с целованием креста и евангелия.

Фёдор Лелеснов принёс доношение о своём открытии в надежде на вознаграждение. Угримов любезно принял и усладил рудоискателя похвалами и обещаниями.

– Открытие достойно восхищения! Доложу, как водится, по команде. Награды не минуют тебя. Ты же до начала разработок никому ни слова, в отвращение какого-либо воровства и хищничества.

С верным человеком Угримов направил в Екатеринбург обычные отчёты о заводском действии, а заодно послал и тайную весточку в Невьянск об открытии в Змеевой горе.

Демидов вручил обласканному нарочному секретную бумагу за печатями, а с ней щедрое вознаграждение Угримову за сохранение тайны Змеевой горы.

* * *

В начале зимы в Колывани появилась восемнадцатилетняя девица Настя, дочь приезжего работного человека Ивана Белоусова. Пригожа собой, высока, стройна, жизнерадостна. На вечеринках, стоило заняться песне, и голос Насти поднимался над другими, переливался на самых высоких нотах.

Ходила Настя пружинящей кокетливой походкой. Не без умысла – знала, что её провожают восхищённые взгляды парней.

В Колывани и окрест её на многие сотни вёрст подходящая невеста – редкость, сокровище бесценное. Поэтому у Насти

поклонников хоть отбавляй. Тесным хороводом обступили её. Каждый ждал, что она обласкает, пригреет приветливой улыбкой, одарит обнадеживающим взглядом. Случалось, Настя и взглянет на кого-либо из парней в отдельности. Тот вне себя от радости. После вечеринки в провожатые начнёт набиваться. Настя пожмёт плечами, залиvistым смехом, как ножом, по сердцу полоснёт.

– Куды провожать-то? Изба моя в трёх шагах отселе. Иди-ка отоспись перед работой, больше проку будет...

Бывало и так, что парни погорячее нравом засылали сватов к старику Белоусову. Тот выговаривал с мягкой укоризной, возвращая предсвадебные подарки:

– Жених-то не княжий сын, а такой же работный, как и я. Деньги вколотил в подарок, а сам зубы на полку, живот, как хомутину, накрепко верёвкой затянул. Не годится эдак-то!

Потом старик беззлобно говорил справедливые слова, от которых сваты немели и уходили прочь не солоно хлебавши:

– Супротив жениха ничего не скажу. Только, кроме дочери, у меня нет никого на свете близкого. Кого захочет, того и пусть выбирает в суженые. Перечить и приневоливать не стану.

Колыванские парни вконец сбились с толку. Почти каждый про себя твердил о Насте: «Вроде и не бука девка, на улыбках вся, а подступу никому к ней нет...»

С некоторых пор Настя заметила, что два парня – Фёдор Лелеснов и плавильный подмастерье, невзрачный и стеснительный Кузьма Смыков – держались в стороне от неё. Фёдору до Насти вроде никакого касательства нет. Взглянет Настя на него приветливо, а он бровью не поведёт – как с кем разговаривал из парней, так и дальше продолжает. Кузьма же под Настиним взором превращался в затравленного зверька – собирался в комок, глубоко в плечи прятал голову.

Быть бы Насте довольнёненькой тем, что без границ властвовала на вечеринках. Так нет ведь! Отшельничество двух парней, особенно Фёдора, больно задевало девичье самолюбие.

На каждой вечеринке Настя невольно подмечала что-то новое во внешности и поведении Фёдора. Вот и сегодня украд-

кой взглянула на его руки. «Сильные, должно быть. Ладони с добрую подовую лопату». И Настя почему-то зажглась озорным желанием, чтобы Фёдор пожал её руку. Сейчас же с улыбкой выдумала: «Моя рука в его лапище затеряется, как в мешке...» Настя видела, как Фёдор вёл себя с парнями. При разговоре больше слушал и лишь в редкую стёжку вставлял слово или уместную шутку. И опять-таки Настя говорила себе: «Не пустослов, репъём к юбке не цепляется, как иные...» Видеть Фёдора для Насти постепенно становилось необходимо, хотя он, как и прежде, даже не подходил к ней.

А однажды случилось такое. Настя пришла на вечеринку. Как и обычно, поначалу отшучивалась от поклонников. Потом через их головы стрельнула глазами в угол на лавку. Фёдора не оказалось на этот раз. Настя тотчас же встала и решительно объявила, будто нечаянно вспомнила:

– Отец велел к сроку быть. Пошла домой.

С уходом Насти как бы злой морозный ветер пробежал по избе, в толстые ледяные панцири заковал людей. Поняли парни с девками: без Насти вечеринка – что свадьба без звонкой балалайки.

А в другой раз всё пошло как полагается. Настя смеётся, шутит, и вечеринка оттого не постная. Только угодливо гогощущим парням невдомёк, что Настино настроение от Фёдора исходит, который сегодня на прежнем месте в углу сидит.

Кончилась вечеринка, и Настя вслед за Фёдором из избы вышла. На улице тронула было парня за плечо и виноватым голосом сказала:

– Проводил бы, что ли...

– Боишься нешто?

– Люди не волки, а инда обижают.

Шли рядом. Руками нет-нет задевали друг друга. Фёдор молчал. Больше от недоумения: Настя как-то необычно и первой заговорила с ним.

Фёдор знал, что обиженные на него из-за Насти парни не станут перед ним поперёк дороги. От этого родилось чувство неловкости и виноватости.

Настя же без умолку говорила обо всём, что приходило на ум. С каждым шагом она как-то незаметно вторгалась в душу Фёдора. И ему начинало казаться, что рядом шагает хороший и давнишний знакомый. От этого рассасывалось чувство неловкости.

Впереди – пригорок. Плотно утоптаный снег жирно лоснится при лунном свете. На самой вершинке пригорка Настя поскользнулась, упала со сдержанным криком и примолкла. Фёдор растерянно топтался на месте, не зная, что предпринять.

Выручила сама Настя.

– Помог бы подняться-то...

Фёдор уловил в её голосе сдержанный упрёк, порывисто бросился к ней. Сейчас ему показалось, что луна куда-то спряталась, и в наступивших потёмках Настя угадывалась по частому, прерывистому дыханию. Вот её дыхание совсем близко и опалило щёку Фёдора. И вдруг Лелеснов мягко отстранил от себя Настю. Та спросила обиженным голосом:

– Пошто так?..

На освещённом лице Фёдора хорошо заметна загадочная, мягкая улыбка. Настя круто повернула и было решительно зашагала домой. Очнувшийся Фёдор остановил её, участливо спросил:

– Чай, больно ушиблась-то?

– И вовсе не больно, – ответила Настя и с нескрываемой досадой выпалила: – Ты какой-то не такой, как другие, не из догадливых.

Насте и в голову не пришло, что в эту минуту перед глазами Фёдора стояло видение – незнакомая девушка с молотком в руке...

* * *

Получив весть об открытии в Змеевой горе, Демидов принялся настойчиво хлопотать о возвращении Колывано-Воскресенских горнорудных заведений. В угоду ему Угримов всё чаще жаловался в Главную канцелярию «на безлюдье, дикость тамошнего края и ненадёжность рудных мест к простиранию заводского действия».

Из Невьянска, с демидовского подворья, глубокими ночами частенько выкатывались крытые возки под надёжным караулом. Иные держали путь в Екатеринбург, иные и подальше – в Москву и в Петербург. Хитрый заводчик отправлял «нужным» людям дары. Одни получали дорогие картины в тяжёлых, под листовым золотом рамах, диковинные статуэтки, вазы, канделябры, люстры из редких минералов, другие – роскошные бухарские и персидские ковры, узорное каслинское литьё, третьи, самые влиятельные, – золото и серебро в изделиях и слитках. «Долг платежом красен. Да воздастся сторицей за утраченное», – думал Демидов и не ошибся.

Вскоре и Главная канцелярия в представлениях в берг-директориум начала настойчиво повторять строки угримовских отчётов. Задаренные петербургские сановники только и ждали того, чтобы в один голос высказать своё мнение: «Какой прок от тех рудных мест и заводишек. Поруха одна для казны, если не больше... Места тамошние ненадёжны от неприятеля и бедны рудным содержанием. Вернуть их Демидову и делу конец, а казне сушее облегчение...»

Демидовское прошение, испещрённое благожелательными резолюциями во многих инстанциях, беспрепятственно дошло до самой императрицы Анны Иоанновны и украсилось кратким, но выразительным повелением: «Быть по сему».

Тем временем в Томском горном правлении поручик Лукашов сочинил оценочную ведомость на возврат горнорудных заведений Демидову. По ней приказчики и приняли всё сполна.

Приказчик Сидоров возвращался в Колывань из Невьянска. Перед отъездом он получил строгий наказ не рыться в Змеевой горе, пока не получит особого разрешения. Сам Демидов отобрал клятву в том, затем отправил приказчика в праведную избу, где чинили страшные пытки над ослушниками хозяйской воли. От душераздирающих криков, тошнотворных запахов человеческой крови и горелого мяса приказчику, жидкому на расправу, сделалось дурно. Горло сжали железные клещи, затряслись от страха ноги. В ошалелых глазах стоял густой осенний туман. Приказчик вышел из избы и еле пересёк двор

пьяной, заплетающейся походкой. Улыбающийся, довольный преподнесённым уроком, Демидов спросил невинным голосом:

– Видел? Понравилось, чай!

Приказчик рухнул пластом наземь, жалобно заверещал, как синица в лапах ястреба:

– Как не видеть, благодетель! Видел, видел! Не дай бог такого изведать на старости лет!..

– Вот то-то же! Теперь езжай с богом да не забывай, против чего крест клал...

В ознобе Сидоров сел на повозку. Всю дорогу, как живое, стояло в глазах видение страшного демидовского суда, в голове вертелась неотступная мыслишка: «Люют хозяин, запрет, как волк ягнёнка, коли прознает про какое своеволие или утайку».

И всё же страх постепенно рассеивался, в глазах загорались алчные огоньки.

С приездом в Кольвань приказчик утешил Фёдора:

– Жди. Награда будет.

Фёдор резонно заметил:

– Дорога ложка к обеду.

Приказчик понизил голос до полушёпота и предупредительно сказал:

– Не вздумай хозяину напомнить, не то плетей изведает в достатке, кандалами награтишься...

– Не пужай, – сказал Фёдор. – Всё равно доношение подам.

– Что ты, что ты! В уме ли? И не думай даже, – замахал приказчик руками. – Преизрядно хозяин поистратился в тяжбах, оттого лютее прежнего стал. Рука у него тяжёлая, враз дух вышибет...

Фёдор с Солёным всё-таки написали доношение.

Прошло много недель. Приказчик вызвал обоих рудоискателей, потряс над головой какой-то бумажкой и с состраданием заговорил:

– Видно, не в рубахах родились, ребятушки! От самого хозяина сия бумага получена, а в ней строгий наказ отменно отстегать вас плетью за дерзкую просьбу. – Приказчик закатил глаза. Сухое лицо передёрнула притворная судорога. – Только грех великий за послушание я решил взять на свою душу. Тот наказ оставлю

впусте, и через то умножится радение ваше в рудных поисках. Мотайте на ус: молчание – золото. А теперь ступайте по домам.

В другой раз приказчик снова утешил Фёдора:

– А ты не роняй голову. Как только солнце снег с земли сгонит, снова пойдёшь на рудный поиск. Подсказывает сердце мне: рудный клад сыщешь побогаче Змеевского. Тогда-то награда не минует тебя, потому как отныне все мы под одним хозяйским началом ходим.

Слова приказчика, как иглами, задели Фёдора.

– А я не пойду больше руду искать! Проку оттого ни на полушку. В Колывани куда спокойнее и подручнее робить.

Сказал Фёдор и осёкся. Знал: ни за что на свете не променял бы прозрачный горный воздух, ночёвки у костра на дымный посёлок. Да и не волен Фёдор сам себе работу выбирать. Что заставят, то и делать будет.

Приказчик не обрушился горным сокрушающим обвалом. Принялся миролюбиво наставлять.

– Ни к чему горячишься, Фёдор. Веру в тебя немалую имею и от рудных поисков не уберу. Смекай о том своей головой. А сейчас... Эх, была не была!..– В голосе послышалось озорство, будто приказчик намеревался преодолеть трудное препятствие.– На свой страх перед хозяином дерзну! Поди-ка, не повесит за своевольство. Бери, Фёдор, десятирублёвик в награду! Получишь за новое открытие – возвернёшь.

Рудоискатели перебросились короткими взглядами и без слов поняли друг друга.

– За милость спасибо, Мокеич, – сказал Фёдор и решительно отрезал: – Только не возьму десятирублёвика, коли не заслужил.

Приказчик не прятал довольной улыбки, всё обернулось как нельзя лучше. Он без особого труда перехватил доношение в Невьянск и думал утешительное: «Запугал рудоискателей так, что не пискнут отныне...» И не столько от этого в душе горлалили петухи. Демидов жаловал за открытие Змеевой горы сто рублей. Приказчик ощущал пальцами, как в кармане приятно скользили новенькие ассигнации.

«Все, до единой копеечки, моими стали!»

Малолюднее становилось на вечеринках. Некоторым парням удалось сыграть свадьбы в зимние месяцы. В Кольвани поубавилось число девиц, и без того невеликое. Теперь с Настей гуляло в хороводах не более десятка подруг. И те засиделись в девках оттого, что неприметны, неказисты на вид. Парней же по-прежнему избыток.

После памятного вечера Настя заметно для всех притихла. Угадывала девичьим чутьём: не от стеснительности тогда Фёдор так равнодушно ответил на её желание. «Видно, не по сердцу я ему...» Жгучим огнём опалила душу Насти обида на себя за то, что бессильна перед Фёдором. «Неужели я так неприметна, что не нравлюсь ему?..»

Все считали Настю красивой. И она вдруг оживилась от желания проверить – так ли это. Прошлым летом ей доводилось видеть своё отражение в озёрной воде, ломкое, нечёткое. Кроме-то смотреться не во что. В доме работного человека все пожитки на пальцах перечтёшь. У Ивана Белоусова тем более. Как у странника: что поместится за плечами, то и его.

В Кольвани у престарелой и одинокой бабки Агафьи жительствовавший пробирный мастер саксонец Иоганн Юнганс. По саксонскому обычаю он часто брил бороду перед треснувшим ставным⁹ зеркалом. Кроме Юнганса, имели зеркала в Кольвани немногие мастера-иноземцы да сам приказчик.

Когда бабка оставалась дома одна – отбою от девок не было. Всем хотелось поглазеть на себя. Пришла туда и Настя. Бабка, как увидела её, всплеснула руками, часто зашепелявила посохшими губами:

– И-и, мила-а-а-я! При твоей красе зеркало ни к чему. Всё при тебе, голубка. Лицо что месяц, омытый дождями. Губы ярче радуги-дуги. В глазах – синь горная редкой чистоты...

Настя примёрзла к зеркалу. Чем пристальнее вглядывалась, тем сильнее трогала её лицо улыбка.

Бабка помяла шершавыми пальцами-костяшками пышную, шелковистую Настину косу и снова принялась за своё:

⁹ Ставное зеркало – зеркало, которое могло стоять на столе.

- Такая красна девка самому царевичу в невесты под стать!
- Неужто, бабуся, вправду это?
- Истин крест!

Настя вихрем сорвалась с места, осыпала градом поцелуев морщинистое лицо растроганной бабки. И вдруг схоронила буйную девичью радость.

– Может, и так, – задумчиво сказала Настя. – Только тот, что сердцу мил, не смотрит на меня.

– Не смотрит, говоришь? Да нешто у него глаз нет! – удивлённая бабка перешла на невнятный шёпот, будто раскрывала секрет своей молодости: – Ты того, меньше к парню взглядом прилипай. А коли заметишь в его глазах искорку – понастойчивее будь. Не устоит против тебя. Ей-боженьки!..

Пуще прежнего зазвенела Настя на вечеринках. Первой становилась в хороводы, заводила песню. Стала горазда на разные затеи, озорные шутки.

Однажды через подруг Настя объявила, что не придёт на вечеринку. Парням, что дружно ходили в парах с пришедшими девками, Настино отсутствие куда ни шло. Остальные же потолкались самую малость и рты перекосили в зевках. Кое-кто начал поглядывать на дверь, как вдруг в избу ввалилась до неузнаваемости выряженная девка, принялась по-смешному кривляться, молча цепляться к парням. Те определили, что Анисья Поднебеснова явилась ряженой.

С рябой и мужловатой Анисьей ни один парень не водил компании. Своё девичье одиночество Анисья скрашивала тем, что посредничала. Заметит, что у парня с девкой размолвка наступила, разобьётся, а вернёт им мир да согласие. Бывало и так, что Анисья из зависти злой сплетней или пустым наговором навеки разбивала пары. Девки её не чуждались, но втайне побаивались. Парни же не упускали случая позубоскалить над неуклюжей внешностью Анисьи. Чтобы прогнать гложущую скуку, сегодня парни усердствовали в насмешках:

- Пройдись по избе, Оня, курочкой-наседкой!
- Когда замужество придёт, до последних портов заложим всё, а приданое тебе справим!

– Хошь ножкой топнула бы, что ли!

Каждый знал, что от топота больших, мужских ног Анисьи гудели половицы. Избу потряс общий смех. И тут кто-то из девок в защиту Анисьи присоветовал ей:

– Укажи на кого хошь из просмешников, того и заставим проводить тебя!..

Парни притихли, в тесную кучку сбились. Анисья вцепилась в руку Ивана Синегорова, самого надоедливового своего ухажёра, с силой потянула к двери. Остальные парни радёшеньки, что напасть прошла мимо них, и не мешали девкам вытолкать Синегорова. Тот отчаянно упирался.

– Свихнулись, что ли! Пустите – всё равно не бывать по-вашему...

У самой двери Синегоров рванулся изо всех сил, калачом под смех всей компании покатился по полу. Анисья снова к нему. Руку ко лбу поднесла, будто волосы хотела поправить, рванула с лица размалёванную тряпку-холстинку. По избе прошёлся сдержанный крик изумления, потом сменился шумным весельем собравшихся: на них смотрела не Анисья, а Настя. Довольная удавшейся выходкой, она громко смеялась. Ошеломлённый Иван Синегоров было бросился к Насте. Она шутиливо погрозила пальцем, осадила парня:

– Э-э, нет, дружок! Чутья у тебя ни капли. Желанная узнаётся за семью стенами, а ты за холстинкой не угадал!..

После вечеринки Иван Синегоров и Андрей Травков едва лбами не столкнулись на перекрёстке двух колыванских улочек. Перебросились скупыми словами, давая друг другу понять, что, мол, не тебя, а меня Настя пожелала иметь провожатым. Каждый из них не думал уступать другому. А Настя оказалась уже на улице. Шла медленно, в глубоком раздумье.

Иван Синегоров первым подступил к сопернику с крепко сжатыми кулаками.

Быть бы драке до семи скуловоротов, не подойди случайно Фёдор.

– Чего напетушились! Пустое затеяли. Поберегите силу – пригодится.

Парни покорно разошлись по сторонам.

Бабкина наука не помогла Насте. С каждым днём истощался запас хитроумия. Труднее становилось выдумывать увлекательные затеи и весёлые шутки. Правда, парни стали настойчивее домогаться руки Насти. Только и всего. Настя украдкой бросала на Фёдора короткие взгляды. В его глазах, открытых и невозмутимых, не улавливалось желанного огонька.

Настя предчувствовала, что вот-вот растает её напускная, холодная гордыня, и она сама начнёт искать сближения с Фёдором. «А вдруг всё обернётся, как в первый раз?..» От тревожного сомнения холодело на сердце, и Настя, против своего желания, упорно твердила себе: «Надо выдержать. Не подходить и не заговаривать первой. И виду не подам, что сохну по нему».

На вечеринках Настя одна, дома – другая: задумчивая, грустная. Любимая работа не увлекала, не спорилась, как бывало. Настя принялась довязывать пуховый платок, который начала ещё прошлой зимой. Петли, не в пример связанным ранее, получались вытянутые, большие – палец проскочит.

Поглядел Иван Белоусов на такую работу, головой сокрушённо покачал:

– Не платок, а сеть рыболовная.

Настя работу в сторону и – к дверям. Бесшумной тенью на пути встал старик Белоусов. Стал мягко увещевать и пытаться Настю.

– Постой, дочка... Который день приглядываюсь и замечаю: гнетёт что-то твою душу. По избе ходишь темнее осенней тучи. Сдаётся, приспела пора замуж... Коли так, говори без утайки. Ить я тебе один родитель и советчик. Чужие люди они в редкость свою душу наизнанку вывёртывают, больше пройдут мимо, сторонкой, до других им дела куда мене, чем до себя.

На Настю повеяло родным, близким. Она подошла к отцу, увидела в его глазах доброе участие. Стало как-то неловко от недавнего желания выбежать вон из избы.

– Не тревожься, тять, обо мне... так я просто... пройдёт всё.

Настя заметила, как отец прощупывает её с головы до ног прощупательным, встревоженным взглядом. От верной догадки о причине отцовского беспокойства лицо Насти залила густая краска.

– И ничего-то со мной не случилось, тятя... какая была, такой и осталась.

– Верю, дочка, не уронишь позора на мою седину. Не из таких ты. А в замужество, без ошибки скажу, пора тебе. Не весь век хороводиться на вечеринках. Ить и парни есть видные... Скажу тебе прямо – весь пожиток у меня на плечах висит, а с жениха, коли люб тебе, кроме чарки хмельного, и нитки не попрошу.

Настю сейчас подмывало желание броситься отцу на шею, без утайки и до конца рассказать обо всём, что терзало душу. И всё-таки она сдержалась. Белоусов прижёт толстую самокрутку, густо задымил.

– Чем, к примеру, плох Фёдор Лелеснов. С какой стороны ни глянь – самый подходящий парень.

На этот раз Настя не сдержала нахлынувших чувств. Крепко обняла отца, перебила его разговор жарким поцелуем.

– Какой ты, тятя, зрячий! В человеке всё наскрозь видишь. Фёдор-то вот где у меня!

Белоусов взглянул на руку дочери, лёгшую на сердце, удивлённо спросил:

– Так за чем же тогда остановка?

Настя горько усмехнулась.

– За тем, что Фёдор глаза от меня отводит в сторону...

– Эвона что... – понимающе протянул старик и утешил: – Тутка не всё потеряно, Настюша. Дай время, сам во всём разберусь...

* * *

Весна капризничала, как малое дитя. Тепло неожиданно сменялось иссушающим землю холодом. Ледяные наплывы – бельма – украшали замёрзшие ручьи. По крепкому насту ветер гнал с сердитым шорохом колючую позёмку. И лишь во второй половине апреля подобрело солнце и облакало землю теплом.

В эту весну Фёдор уходил на рудный поиск с гнетущим чувством неопределённости. Перед глазами прежнее неумирающее видение – девушка-незнакомка. Не было желаннее, кроме неё, человека для Фёдора. Но она недосягаема, безвестна. От этого

в душе рождалась тоска, грызла, как тяжкий недуг. «Где она, удастся ли повстречать её?»

А тут другое навалилось. Стоило минувшей зимой чуточку забыть таинственную незнакомку, и Фёдор без труда сыграл бы свадьбу с красавицей Настей.

– Сник ты, Фёдор. Угадываю: здесь тревожит. – Солёный клал руку на грудь и, как старший по возрасту, по-отечески поучал: – Сердцу поперёк дороги, Фёдор, не становись, иначе обиды на себя за всю жизнь не пересилишь. А жизнь с обидой на себя не в утеху – в тягость обернётся.

В минуты передышек Солёный ложился на спину. В прозрачной весенней высоте тянулись без конца птичьи караваны. Землю будил радостный призывный клёкот. Солёный, словно откликаясь птицам, вскакивал на ноги, весёлый, возбуждённый, с петушиным задором набрасывался на Фёдора.

– Весне рады птицы и звери! А ты? Бирюком вокруг смотришь. Не годится эдак-то! Хошь мы подневольные и бездельные, а весне отдай своё – плечи расправь, полной грудью вздохни!

Фёдор вяло возражал:

– Птицу к родному гнезду тянет. Зверь концу зимней спячки и бескормицы рад. Мы ж-то люди всё-таки...

– Вот то-то и есть! Ни с птицей, ни со зверем не сравнишь. Слов нет – высоко взлетает птица. Задолго тонким чутьём зверь верно весну угадывает. А человек своей душой должен выше птицы возноситься, чутьём вернее зверя быть...

Фёдор долго и удивлённо пожимал плечами, с лёгким раздражением говорил:

– Чего ты хошь от меня? Прилип, как горячая смола к холстине.

– Вот того и хочу, чтобы голову выше плеч держал... Наш брат подневольный больше мается и потому надеждами на лучшее живёт, и жизнь легчает вроде. В сердце у тебя гвоздь застрял. Стало быть, ты живёшь не без надежды на встречу с желанной. От такой надежды одна светлынь полуденная в душе должна быть. Понял?

Однажды Солёный неожиданно не совсем уверенно сказал:

– Прежде, Фёдор, ты рассказывал мне о той красной девке. Сдаётся мне сейчас, знакомое в ней есть для меня...

– Пошто молчал-то? Спрашивал ведь я тебя! – Фёдор сорвался с места.

Солёный ощутил, как его ноги оторвались от земли, перед глазами в бешеном хороводе завертелись деревья и горы.

– Да ты с ума свихнулся, что ли? – беззлобно ворчал он в тщетной попытке вырваться из крепких объятий. – Эдак можешь до смерти закружить, все косточки переломать...

Фёдор бережно поставил Солёного на землю. Преображённый родившейся надеждой, сказал с шутливой угрозой в голосе:

– Теперь попробуй умолчать!

– А что пробовать-то? – Солёный тяжело перевёл дух и степенно пояснил: – Сам знаешь, не люблю слова на авось кидать. В самом скором времени увидишь, ту ли девку встречал в малиннике, которая мне знакома. А пока не стану пустословить. Вот так-то.

Поступь весны становилась увереннее. Снега покоились лишь в глубоких горных ущельях, лесных чащобах. Оттаявшая земля источала тонкие живительные запахи.

После обещания Солёного Фёдор сильнее зашепшил в рудных поисках. За день рудоискатели оставляли позади многие вёрсты.

Круто вверх поднимался каменистый утёс. Сквозь тонкие каменные расселины незримо сочилась ключевая вода, скапливалась ниже, с ворчаньем текла змеистым ручейком между спа-

товыми, кварцевыми и охренными камнями, со звоном срывалась в обрыв и на солнце напоминала расплавленное золото. Фёдор долго ходил возле утёса, приглядывался, примерялся. Солёный до этого не торопил так время, как Фёдор, сейчас же не вытерпел бесплодных поисков.

– Утёс как утёс. Только руда в нём не сыскивается. Чего впустую топтаться, пошли дале.

Фёдор упорно продолжал своё. Когда на отлогом зелёном склоне утёса обнаружил маленькие островки чахлой травы болезненно-бледной окраски, пояснил другу:

– Трава поблекла от подземных испарений. Где есть они, сильные водяные ключи, кварц и шпат с охрой, – там и самые руды залегают. Здесь и остаёмся...

Не один день рудоискатели до семи потов махали молотками. Камень упорно не хотел пускать человека в свои владения. От ударов утёс угрожающе гудел, пугал внезапными осыпями, кропил струйками ледяной воды. От этого Фёдор ещё больше укреплялся в желании проникнуть в каменные толщи.

Порох – верный помощник рудоискателя, и они берегли пуще сокровища, применяли лишь в крайней необходимости и при уверенности, что не зря потратят.

– Что ж, спробуем порохом, – сказал Фёдор. И принялись оба с Солёным углублять расселину железными клиньями и долотами.

Полетел над горами гул взрыва. Густое каменное крошево разметалось по сторонам. Обнажилось чрево утёса. Фёдор с жадностью собирал зеленоватые камешки увесистой породы.

– Вот и руда сыскалась. По весу полагаю – богата медью. А залегают совсем мелко. – И в утешение чуть обескураженному Солёному весело сказал: – Счастливый ты, Иван! Пойду с тобой на поиск, и руда сама на глаза просится, знай в сумку клади. Или ты в портах и рубахе народился? А может, крещён не раз? Сказывают, таким людям первый друг – счастье...

Горный день угасает неохотно и долго держится на вершинах гор и остриях елей. Лишь на короткое время бросает весенняя ночь чёрное покрывало на землю.

Солёный долго не мог заснуть. Лежал на спине с открытыми глазами и смотрел в тёмно-синюю глубину неба. Казалось оно ему сейчас церковным сводом, под которым горели зажжённые свечи. Душа просила исповеди. Но это желание сдерживали мучительные сомнения. Не думалось, что Фёдор предаст огласке совершённое в прошлом. Нет. Солёный опасался своим признанием охладить дорогую для него дружбу Фёдора.

Далеко за полночь костёр прогорел. Тускнели последние угли. Фёдор проснулся, встал, поёжился от освежающей прохлады.

– Чего ради не спишь?

– Так, думки разные в голову ползут, – ответил Солёный и порешил, что не расскажи сейчас о себе Фёдору – долго ещё придётся носить на сердце тяжелый камень.

– Вот ты днём говорил, будто я не раз крещён. Угадал. – Солёный заговорил приглушённо. Потом голос окреп, слова заторопились. Поведав самое потаённое из своего прошлого, он заключил:

– Вот и выходит, что я дважды окрещён. Через второе крещение грех великий на душу взвалил...

Упавшая звезда прочертила огненную дугу на небосклоне. Где-то с горной кручи с грохотом сорвался камень. Ночная птица испуганно прокричала в ответ из ельника. В минуту наступившей тишины Солёный ощутил удесятерённую силу прежних сомнений. Они давили грудь, обжигали мозг. В висках стоял громкий и частый перестук. Фёдор потрянул головой, прогнал раздумье.

– Крепкого характера человек ты, Иван. Не всякий так постоит за людей и за себя, как ты. Не тревожь раскаянием душу за смерть воеводы. О нём и пес дворовый не заскулит.

– Ох, и спасибо же! Ведь тебе первому и последнему открылся через большое мученье. Угадывал, что не осудишь и верно поймёшь...

Утром Солёный, преобразившийся, помолодевший, попросил Фёдора:

– Разреши мне самому избрать обратную дорожку на рудник. Спешить особо некуда – рудные камешки в сумках. Иди туда, куда поведу.

Солёный шёл с небывалым проворством. С лёгкостью горного козла перепрыгивал через ручьи и расщелины. В разговорах много шутил и смеялся. Когда заговорил о близком сердцу Фёдора, обнадёжил:

– Не кручинься! Всё впереди у тебя. А девку ту непременно същем. Не я дважды окрещённый, если не същем...

После двух дней пути Фёдор стал узнавать места, где бывал раньше. Вот и та развесистая пихта, за которой пряталась девушка.

– Здесь я встретился с ней...

Солёный промолчал и первым нырнул в малинник, ощетилившийся упругими зелёными ростками проклюнувшейся листвы. За малинником без конца тянулось густое разнородное. Часа через два Солёный остановился на поляне у скалистого крутяка.

– Оглядишься как следует. Что заметишь – скажи...

От цветения огоньков и марьяных кореньев склоны занялись пожаром. По нежному сочно-зелёному молодотравью долины буйно расплескались заросли нежно-голубых васильков, белоснежной ромашки, тёмно-синих колокольчиков. В подвенечное убранство вырядилась гибкая черёмуха.

Фёдор взглянул ввысь. Там – беспорядочные нагромождения камней, а между ними – уродливые низкорослые кусты. Ещё выше – голые обрывы.

– Ну что?

– Ничего не вижу, – ответил Фёдор.

– Хорошо, что опытный взгляд не зрит орлиного гнезда, – сказал удовлетворённый Солёный и добавил: – А ну, посмотри сюда!

Совсем рядом и только сейчас Фёдор заметил, что природа не могла сложить так каменные плиты. Одни стояли на рёбрах, другие накрывали их. Получалось подобие каменных изб, но без окон.

– Когда человек прячется, для него темнота – первый помощник, – загадочно пояснил Солёный и неожиданно громко заухал ночным филином. Приключись самое необычное, Фёдор

поразила бы меньше. Зашевелилась каменная плита и, словно из подземелья, вырвалась, с громким радостным криком бросилась на шею Солёному девушка.

– Отец, отец пришёл!

Из каменных провалов, образовавшихся вдруг, оглядываясь, выходили люди. Широкая счастливая улыбка не закрыла глаз Солёному. Не ускользнул от них недоумённый взгляд дочери. Смущённая при виде Фёдора, она скрылась за плитами.

– Она? – спросил Солёный, улыбаясь.

– Она! – выдохнул Фёдор.

– Зовут Феклушей.

* * *

С первыми лучами солнца в потаённом посёлке рождалась жизнь. Дома оставались лишь дети, которые научились оберегать тайну убежища не хуже взрослых. Остальные растекались в разные стороны по неприметным для постороннего глаза тропинкам. Уходили за несколько вёрст от убежища, сообщая добывали пропитание. На самых укромных горных полянах, скрытых густыми зарослями кустарников, ковыряли землю под ячмень и просо. Тяжело приходилось женщинам. На пятнадцать поселян всего двое мужчин, да и те – седебородые старцы.

Длинные майские дни проходили незаметно. Вместе с Солёным Фёдор вскопал не одну полянку. Следом неотступно шла Феклуша. Из её проворных рук зерно ложилось на землю густым дождём. Приятно смотреть на такую работу. Легко и непринуждённо шла девушка по земле. Не останавливаясь, она исподтишка восхищённо наблюдала, как в руках Фёдора играла лопата, остриём ослепительно поблёскивала на солнце. Пласты от сокрушающих ударов рассыпались на мелкие комки. После того не требовались грабли, а Феклуша подзадоривала:

– В такой земле полныни родиться!

Фёдор улавливал шаловливые нотки в голосе, на минуту бросил работу. Его улыбка без слов говорила Феклуше о многом.

В обед девушка подавала мужчинам крупяной суп в добела выскобленных деревянных мисках. Солёный ел жадно,

с шумом. Фёдор же терял аппетит. Феклуша замечала это и старалась показать, что проголодалась. Поев, громко стучала деревянной ложкой по опустевшей миске, звонко смеялась.

– Хороший работник за столом узнаётся!

Фёдор спохватывался, вмиг навёрстывал упущенное. Началось у него это неуклюже. Пролил суп, смущённый своей неловкостью, виновато косил глаза на Феклушу.

В первый день прихода в Незаметный Солёный напрямик сказал другу:

– Коли по сердцу девка – считай своей невестой. Ни за кого замуж не выдам, кроме как за тебя. Свадьбу-пир сыграем, когда пожелаешь...

Слова друга радовали, но Фёдор не отважился на разговор о сердечных делах с Феклушей. Другой сказал, выпалил бы про всё, а ей не мог: язык не слушал сердца.

Проницательный Солёный быстро подметил всё и журил Фёдора без злобы, по-отцовски:

– В рудах понятие немалое имеешь, медведю тропки не уступишь, а перед девкой в кусты пятишься.

Однажды утром Солёный объявил:

– Харч кончается, а впереди работа...

Фёдор тут как тут:

– Схожу до ближайшей деревни.

– Не к тому говорю. Пойду сам. Каждая дорожка мне знакома. А ты проплутаешь. К вечеру обернусь. Тем временем с поляной управитесь.

Фёдор понял, что друг решил твёрдо, и заершился, разводя руками:

– За малого ребёнка принимаешь. Той поляны не хватит до полудня! Сказывай, что делать после.

Солёный прижёт на дорожку козью ножку, спокойно объяснил:

– Рад бы, да не знаю. С ребяtnей дед Филипп остался. Он всему голова, у него и выпроси, где надёжней поднять землю. Ну, прощайте.

...Не поднимая головы, Фёдор знал, что за ним следит пара глаз. И от этого закипел в работе, лопата как бы сама собой

врезалась в мощный дёрн, и как бы сами собой ложились один к другому маслянистые пласты веками не тронутой земли.

Феклуша разбрасывала зерно, загребала широкими деревянными граблями. Изредка о чём-нибудь спрашивала. Фёдор отвечал невпопад, коротко «да» или «нет» и с новой силой вымещал недовольство собой на лопате.

Фёдор кончил работу. Высоко поднятая лопата остриём нечаянно воткнулась не в землю, а в ногу. На просечённом обутке оказалась кровь.

– Ой, что ты наделал, Федя!

Фёдор встрепенулся – впервые из уст Феклуши услышал своё имя.

– Давай помогу тебе...

Рана оказалась неглубокой, но Феклуша долго и старательно присыпала её золой из потухшего костра.

– Вот так.

Солнце подходило к полуденной высоте. Над поляной струился нагретый воздух. В кустах шелестел ветерок, помогал распускаться листе.

Выпрямившись, Феклуша оказалась лицом к лицу с Фёдором.

– Неужели не замечаешь, что люблю? – Кажется, из груди Фёдора вырвался болезненный стон. Не скрывая лукавой улыбки, Феклуша задорно сказала:

– А ну, смотри сюда...

Фёдор раньше замечал на опрятном сарафане из тонкого холста грубую выцветшую заплатку. Феклуша оторвала её одним усилием. Фёдор увидел, что под лоскутком толстой холстины сарафан был цел, и немало удивился.

– Узнаёшь?

– Ничего не понимаю...

Тогда Феклуша мягко пояснила:

– То обрывок куртки, память о твоей схватке с медведем. Не любила – не хранила бы память о тебе.

Простые слова девушки были для Фёдора убедительнее жарких признаний.

– Феклуша!..

Не успела на землю опуститься вечерняя прохлада, как возвратился Солёный. Стрельнул коротким понимающим взглядом в молодых и многозначительно сказал:

– Дела наши хороши... – Потом, чтобы скрыть верную догадку, простодушно добавил: – От деда Филиппа за работу спасибо. Поднимем поляну в Косматой пади, и на том аминь.

Через два дня Солёный, будто к слову пришлось, напомнил Фёдору:

– Пора судёнышку в Колывань отплывать.

– Чего так? – встревожился Фёдор.

– А то... против положенного срока пятые сутки пошагали.

С тихой грустью Фёдор уходил в путь. Знал, что Феклуша, кроме него, ни на кого на свете не взглянет, а сердце тревожил назойливый вопрос: «Когда же свидимся?»

Угадывая мысли друга, Солёный рассеивал грусть-тоску обнадёживающими словами:

– Скоро... Скоро!

* * *

На осеннюю слякоть лёг глубокий сырой снег. Сразу же ударил первый морозец. Затвердело, захрясло снежное покрывало, самый злой ветер не мог бы сорвать его. Под тяжёлой ношей круто – вот-вот сломаются – гнулись мохнатые ветви елей и пихт.

По верным приметам умудрённые жизнью старцы предсказывали обильный урожай на следующее лето. Охотники спешили по прочному насту на первый звериный промысел, пока свирепые бураны не замели леса и горные увалы сыпучим снегом.

Приход зимы – утеха для колыванской работной ребятни. В уголке заводского пруда, очищенном от снега, день-деньской неумолчно звенят голоса. От топота множества ног гулко потрескивает неокрепший лёд.

В зимние месяцы до наступления маловодья в пруду, на заводе самая напряжённая работа... Ядовитой копоти обжигательных и плавильных печей в эту пору особенно много. Заснеженные крыши поселковых домишек становятся пепельно-серыми. Вблизи завода чёрный снег ноздреват, словно побит прожорли-

вой червоточиной. Внутри завода настоящее пекло, невыносимый удушливый смрад и полумрак от сернистых и свинцовых испарений. Истекающие из печей потоки жидкой, как водичка, меди быстро блекнут – не источают слепящего ярко-белого сияния, а отсвечивают густым и дрожащим багряно-красным заревом. В формах – изложницах – медь остывает с отрывистым потрескиванием, дышит иссушающим жаром.

Под окрики доглядчиков рабочие снуют, как грешники в аду. Уставшие и разопревшие, уловив бесконтрольную минутку, поочерёдно выбегают наружу, по-рыбьи раскрытыми ртами жадно хватают морозный воздух. Слезятся глаза. Грудь раздирают невидимые звериные когти. В продолжительном приступе сухого, лающего кашля рабочих рождается звук, похожий на тот, что ночью издаёт болотная птица выпь. Рабочие низко приседают, хватаются за животы в тщетных попытках откашляться.

Трудно приходилось Солёному. Работал он на засыпке плавленных печей. Когда опрокидывал в огненное жерло корытца с рудой или углём, невыносимый жар с треском закручивал в мелкие колечки бороду и усы. От сухости першило во рту и в горле.

Теперь Солёному и грамота не в облегчение. Минуты передышки уходили на запись выхода металла при рудной плавке. Глубже запали глаза, сильнее обозначились морщины. И, пожалуй, не столько от натуги и переутомления.

Фёдор работал на добыче руд в Воскресенском руднике. Через каждые два-три дня приезжал в Кольвань с попутными рудовозами.

В свободное от работ время Фёдор и Солёный не сидели празднично. Пока густая темень на землю не опустится, стучали топорами. Медленно, но уверенно поднималась вверх вместительная изба в четыре покоя. Ровно такая, чтобы, кроме семьи Солёного, хватило места для молодожёнов.

Приказчик, как заметил хлопоты рудоискателей, хитрую, довольную ухмылку спрятал в прокуренную бороду. «Это хорошо: орёл вьёт гнездо – себе крылья подрезает. Значит, к месту привязан, никуда не улетит... Видно, жениться Фёдор надумал».

После этого работные люди по тайному наказу приказчика во внеурочные часы не раз и не два приходили на помощь. Однажды вроде бы случайно приказчик сам прибрёл к стенам растущего пихтового сруба. Погладил оструганные, не успевшие поблекнуть от времени стены и к Фёдору пристал, как репей к конскому хвосту.

– Для чего такую хоромину затеял? Много ли одинокому, холостому парню места надобно? Не иначе, жениться надумал. Так оно и есть! По глазам вижу.– И вслед за этим приказчик сердито забрюзжал: – Пошто, Фёдор, скрытничаешь? Пошто взялся дом рубить без совета и согласия старших? Кто я такой в Кольвани? Хозяйские глаза, уши и разум. Говорил ли раньше мне о своём намерении? Нет. Не годится такое.

Фёдор осмыслил, что приказчик может чем-нибудь напороть делу, степенно и учтиво пояснил:

– Хотел тебе сказать, Мокеич, да ты сам вопросом опередил меня. Не обессудь за промашку.

– Кого же в жёны хошь взять? Уж не Белоусову ли Настю?

– Не-е. Дочь Солёного Ивана,– ответил Фёдор и не заметил, как из груди приказчика вырвался сдержанный вздох облегчения.

Приказчику за шестьдесят перевалило. Сух, как прошлогоднее перекасти-поле, но костью широк и глаза светятся молодо, по-озорному, кошачьими когтями царапают душу. Смолоду приказчик стороной обходил женщин, а как в годы вошёл, будто подменили человека. Вот уж истинно: седина в голову – бес в ребро. Проходу не давал работным девкам, а пуще всего вдовам молодым да неудачливым жёнам. Крутил и так и этак, как мышкующая лисица хвостом, а своего разными путями добивался. Правда, не всегда сходило с рук гладко.

Случалось, разгневанные работные теряли всякую сдержанность и старательно выбивали на спине и боках обидчика кулаками дробь под стать барабанной. После того приказчик надолго ложился в постель. Набожная и строгая жена-кержачка обильными примочками стирала с кожи мужа пятна густой синевы.

За битьё приказчик не затаивал обиды на работных. Воспринимал как должное. Месяц-другой ходил тише воды, отворачивал вон скорбную рожу при встрече с самыми пригожими молодками. Потом входил в прежнюю колею и в домогательствах становился ещё настойчивее.

Колыванские бабы и девки при встрече с приказчиком не выдерживали взгляда его горячих глаз, скоромной улыбки, испуганно шарахались в сторону. Потом долго и отменно ругались, истово крестились: «Вынесло лешего на дорожку! Штоб тебя, охальника, к матушке-земле пригнуло. Твоему грешному телу на вертеле в жару преисподнем обугляться! Прости меня, господи, за злой язык мой...»

К Насте приказчик давно приглядывался, да подступа не находил. Знал: выйди Настя замуж за Фёдора, тогда поминай, как звали. За кем другим, а за Фёдором Настя была бы как за каменной неприступной стеной. У приказчика давно родилось намерение окрутить Настю с парнем тихого десятка, который не то что рук, а глаз не поднял бы в Настину защиту. Таявший душой от тайных и утешительных надежд, приказчик невпопад проявил участие к женитьбе Фёдора.

– Показал бы допрежь, какова собой девка. Может, порча али какая хвороба нутро гложет. Такому-то орлу сказочная царевна под стать...

Фёдор знал приказчиковы слабости и ответил резко:

– Не тебе жену выбираю. Не суйся, куда не просят! Понял?

– Но, но, потише! Забыл, с кем разговариваешь, гусёнок.

Фёдор подался вперёд со сжатыми кулаками величиной едва ли не в человеческую голову. Приказчик смекнул: изведай сейчас таких кулаков – не встанешь на ноги совсем. И поспешно зашагал на мировую.

– Остынь, кипяток! Так ить, без злого умысла сказал я. От себя на свадьбу трёшку брошу. Раскинь умишком – жалованье за целый месяц.

Слух о предстоящей женитьбе Фёдора облетел Колывань. От удивления и скрытой зависти девки приглушённо зашущукались на вечеринках. Зато парни, что за Настей ухаживали и счи-

тали Фёдора главным соперником, воспрянули духом. Теперь его не стало на дороге. А Настя реже появлялась на вечеринках. Если приходила, то вела себя необычно – притихла, словно ручеёк в пору крепкого заморозка...

Парни теперь смелее подходили к Насте. Не заискивали до унижения, как бывало, говорили в полный голос, не скрывали окрепших надежд. Каждый считал себя достойным внимания Насти и потому не думал уступать дорогу другому. Оттого после вечеринок стало больше драк. Парни колотили друг друга с молчаливым остервенением, без жалоб на скуловороты и глубокие пробоины в головах.

Настя же вроде не замечала происходившего вокруг и упорно не называла своего избранника. Как и прежде, домой уходила одна. И вот как-то позвала провожатым Кузьму Смыкова. Смущённый Кузьма заупирался было, но перед властным настоянием Насти сдался. Она забросала спутника вопросами:

– Отчего, Кузьма, сам в себе живёшь? Ни разу нигде твоего голоса не слыживала. Нешто говорить тебе не о чем?

Кузьма пыхтел от смущения. Словам не хватало сил сорваться с непослушного языка. Настя подумала: «Видно, робок, что заяц луговой. Ни к чему таким быть парню...» Только хотела распрощаться на своротке дороги, как из-за угла ближней избы выскочили трое парней. Лютыми зверьями набросились на Кузьму. Где больше, туда старались угодить кулаками. Настя что было духу закричала:

– Вы что, окаянные, с цепи сорвались! Кузьма как есть ни в чём неповинен! А ну отходи в стороны!

Парням слова нипочём. С удвоенной силой стали наседать на Кузьму. Тогда Настя выхватила из плетня толстую, в руку, хворостину. От хлёткого удара Матвей Поднебеснов с воем бросился наутёк. Кузьму словно кто сразу подменил. Теперь уже сам стал чаще опускать кулаки на спины и головы парней. Изловчился как-то и ударом под самый дых срезал Ваньку Синегорова. Тот долго слепым котёнком ползал по снегу, не в силах встать на ноги. Андрюшка Травков не выдержал натиска Кузьмы, переметнулся через плетень в заснеженные огороды.

Настя поняла, что только при ней Кузьма робок. А так парень, как и многие. Но от этого не стало легче на сердце. Как ни говори, а Кузьма – не Фёдор.

На другой день Иван Белоусов пришёл к Фёдору на место постройки. Пересчитал венцы в срубе. Двенадцать оказалось.

– Не высока ль изба-то? Из такой зимним ветрам подручнее печное тепло выдувать...

– Не-е, дядя Иван. Пригонка плотная – комар носу не подсухнет. Да и мох положен с длинным изгребьем – подбивка в пазах добротная. К тому же я не привычен к избяной духоте.

– Немало дней в году под небом ночуешь, оттого и не по тебе изба, – уточнил Белоусов и, к удивлению своему, подметил, что заговаривает с Фёдором не о том, о чём хотел. И только, как уйти домой, задал вопрос, с которым пришёл:

– Вправду говорят, что жениться надумал?

– Вправду, дядя Иван.

Фёдор без утайки рассказал про сокровенное старику Белоусову, которого уважал за прямоту и честность.

– То хорошо, – одобрительно заметил Белоусов. – Всяк в своё время женится. И тебе приспела пора. От души желаю тебе, Фёдор, удачи в женитьбе и счастья в жизни.

Дома Белоусов напрямую сказал Насте:

– Твоя правда – женится Фёдор. Жаль, да делать нечего: сердцу не прикажешь.

Заметив слезинки на ресницах дочери, как мог утешил:

– Не печалься, дочка. И твоя судьбина сыщется. Таким, как ты, в девках не вековать.

* * *

Фёдор с нетерпением ждал, когда сойдёт снег и отзвонят ручьи, чтобы по весеннему первопутку перевезти семью Солёного из Незаметного под защиту кольванских крепостных стен. Изба, если не считать мелких недоделок, готова. Крыша на ней не похожа на другие: не плоская, как блин, а островерхая и высокая, наподобие боярской шапки. Сделать такую посоветовал пробирный мастер Юнганс, чтобы летом дождь без

запинки скатывался, а зимой ветры легко сдували снег. И окна отличные от соседских – высоко над землей прорублены, широкие, чтобы света в избе в достатке было.

В ожидании зимние дни тянулись бесконечно долго, особенно когда Фёдор за ненадобностью вогнал топор в пихтовый сутунок¹⁰ едва не по самый обушок¹¹.

Теперь Фёдор жил сладкими мечтами о Феклуше. Невольно думалось и о другой – о Насте. Нет слов – хороша собой Настя, и Фёдор от души желал ей счастливой судьбины.

Вслед за отцом Настя не раз отваживалась заговаривать с Фёдором, вопреки советам бабки Агафьи. Фёдор бывал приветливее, мягче прежнего. Но Настя скоро поняла, что не для неё такая перемена, и стала чуждаться Фёдора. Увидит – незаметно шмыгнёт в сторону. Если лицом к лицу столкнётся, молча пройдёт мимо, состроит безразличный, невидящий взгляд. Про себя же Настя говорила не то с раздражением, не то со злостью: «За моим замужеством дело не станет». И притворно звенела во весь голос на вечеринках...

В погожий день масленой недели Фёдор в задумчивости вышагивал по заснеженным улочкам Кольвани. И вдруг сзади – тонкий и радостный перезвон поддужных колокольцев.

Едва Фёдор успел отпрянуть в сторону, как мимо бешено пронеслись подводы. Необычные – украшенные разноцветными лентами. Только и заметил Фёдор широкую улыбку на лице Насти, возбуждённой быстрой ездой да понурую голову её отца.

Почти следом в легких санках ехал приказчик. Поравнялся с Фёдором, властно осадил гнедого жеребчика.

– Садись! Малы санки, а места хватит, до Смыковых подвезу.

Фёдор сразу понял, что происходит: «Стало быть, за Кузьму Смыкова Настя выходит... Стой, стой...» Фёдор припомнил, как в последнее время приказчик зачастил к старику Белоусову и отцу Кузьмы. «Его рук дело, эта свадьба», – подумал Фёдор и резко сказал приказчику:

¹⁰ *Сутунок – чурбан, обрубок; простенок меж окон, складываемый из обрубков.*

¹¹ *Обух – тупая утолщённая часть топора, противоположная лезвию.*

– Незванный гость не к месту на свадебном пиру. Ты же поспедай к столу, чай сватом будешь...

Охватило желание сказать приказчику что-нибудь дерзкое, пронять до самых печёнок, но санки сорвались с места, утонули в снежном вихре...

Приказчик сидел на почётном месте за свадебным столом – под образами. Родственники жениха на лету схватывали каждое желание гостя-благодетеля. Шуточное ли дело – приказчик на свадьбу выложил из своего кармана пять серебряных рубликов! Потому перед ним сейчас миски с лучшей пищей, чарка, до краев наполненная хмельным. Приказчик не спускал восхищённых глаз с Насти, громко бахвалился перед женихом:

– Во невесту тебе сосватал! Сочней и краше спелой ягодки! Не твоим бы устам смаковать сию ягодку. Да таков уж я: люблю добро людям творить.

Белоусов подпрыгнул на скамье и взбеленился:

– Похваляешься Настей больше родного отца! Не ставь в заслугу сватовство. С моего согласия свадьба, вот и всё!..

Приказчик прищурился, сквозь узкие щелки между век брызнули недобрые огоньки.

– Знай, сверчок, свой шесток! Не то плетей прикажусыпать, в подземной работе вконец замордую. Через мои старания молодые пришли к венцу и за свадебный стол.

Задетый за живое, захмелевший Белоусов не сдавался.

– Не пужай чёрта адом! Спина моя так исписана, что плётке некуда лечь. Не боюсь тебя и плетей твоих: жизнь моя – короткая верёвочка...

Жених потупил взор. От неожиданного спора затихли гости. И быть бы неминуемой грозе за свадебным столом, если бы не Настя.

– Полно, Харлампий Мокеич, – сладко пропела она и указала на Белоусова: – Он – отец кровный, ты – посажённый. За мир да согласие меж вами! – Настя подняла чарку и в один приём до дна выпила хмельное. Гости загалдели, зашевелились. Неловкого напряжения как не бывало.

Приказчик оттаял от лучезарных, смеющихся взглядов Насти. Казалось ему сейчас, что слышит не Настин говор, а ласковое манящее журчание горного родничка. Так и подмывало испить из него живительной водицы, как после утомительной дороги под палящим солнцем.

Лукавая Настя всё свадебное пиршество держала приказчика во власти своих обворожительных улыбок. Приказчик истолковывал их по-своему, и оттого молодело сердце, млела душа в сладкой истоме, занимались слабым румянцем щёки.

Белоусов верно угадывал душевные порывы, тайные намерения приказчика и бессильную злобу на него глушил хмелем. Под конец гульбы подобревший и совсем отмякший приказчик закричал во всё горло:

– Слушай меня! Сему застолю не робить три дня! Веселиться, как душа велит!

Белоусов оторвал от стола отяжелевшую голову.

– Вот то хоро-о-шо-о! Похва-а-а-льно-о!

* * *

Весна, не в пример прошлой, дружно прошагала по земле. Отцвели долины и горные склоны. Солнце набирало силу с каждым днём. Блекла весенняя синева неба. С крутобоких хребтов сползали последние снежные пятна.

Бывало, такой порой Фёдор далеко уходил от Колывани. Нынче же приказчик медлил с отправкой рудоискателей.

– Повременить надобно. Лето – впереди. Успеется пошарить по самым потаённым горным застрехам. На заводе уйма дел...

Неожиданно Сидоров снял от плавильных печей самых сильных и молодых работников и послал в отдалённые лесные курени¹² для выжигания древесного угля.

– Пусть подышат свежим воздухом.

Работные искренне недоумевали. Оставшиеся еле поспедали у рудной плавки. Повелительнее загремели голоса догляд-

¹² *Курень – пространство в лесу, где рубили дрова и выжигали из них уголь.*

чиков – нельзя упускать подходящего случая к приумножению выплавки меди.

Из пруда через плотинные прорезы сильно, взхлёб била вода. Бешено, до ряби в глазах вертелись водоналивные колёса, в полную силу вздыхали воздуходувные меха у горнов и печей. Приказчик не забыл занять работой жён и дочерей работных. Тех, что постарше, заставил кухарить в артелях углежогов и бергайеров, возить руду, уголь, рубить хворост для починки плотины и гатей¹³, осыпать угольные кучи.

От Воскресенского рудника до Кольвани прямая дорога через лес и увалы не длиннее трёх-четырёх вёрст. Любил по ней ходить Фёдор. Безлюдье и тишина. В минуты уединения перед глазами особенно отчётливо вставал образ Феклуши. Вот она – статная, гибкая. Лёгкий ветер играет прядями распущенных волос. На лице жаркая улыбка, зажжённая солнцем. Через густую сетку полусомкнутых длинных и чёрных ресниц куда-то пристально смотрят её глаза. Затем ею овладевает громкий смех радости и счастья при виде его, Фёдора... «Что-то поделывает она теперь. Ждёт, небось, не дожётся... Не пустил приказчик меня за ней по весне, теперь бы здесь была...»

Фёдор вздрогнул. Моментально исчезло видение. За берёзками с клейкой, журчащей на ветру молодой листвой и в самом деле послышался сдержанный, вкрадчивый женский смех.

Фёдор сделал осторожный шаг вперёд и окаменел. Никогда и в мыслях не чаялось увидеть такое. На траве сидел приказчик Сидоров. Длинные руки едва не дважды обвилились вокруг женской талии. Лицо женщины скрывала лохматая приказчикова голова. Переливался смеющийся лукавый голосок:

– Силушка – что у медведя! На бабий хоровод достанет! Чай, не изработался...

Женщина легко выскользнула из объятий приказчика, запрокинула голову, и Фёдор узнал в ней Настю. Она увидела Фёдора, испуганно и громко ойкнула и метнулась прочь.

¹³ Гать – настил из брёвен или хвороста для проезда, прохода через болото или топкое место.

Сейчас Фёдор понял, почему в числе других работных уехал на выжиг угля Кузьма Смыков, а Настя, не в пример другим молодым бабам, попала на лёгкую работу – стала кашеварить на Воскресенском руднике рядом с домом своим. Легко разгадалась и тайна прежних частых наездов приказчика на рудник...

Душу Фёдора распирала чувства неловкости и смущения, обиды и возмущения. На какой-то миг перед ним восстал Кузьма Смыков, беззащитный и безликий. Жалость к Кузьме, озорное искушение постоять за его честь овладели Фёдором.

А Насти и след простыл: ящерицей уползла в кусты и была такова.

Приказчик, не веря в происшедшее, прилип к траве. В глазах застыл ошалелый, непонимающий взгляд. Испуг и удивление перекосили раскрытый немой рот. Как по пустому деревянному ушагу, глухо ударил кулак Фёдора.

– А-а-а-ай! Убивают!

Второй удар утихомирил приказчика. На полянке тревожно всхрапнул и заржал конь. Фёдор сгреб в охапку обмякшее тело, уложил в телегу. Умный конь без понуканий пошёл вперёд.

...Давно затих стук колёс о лесные корневища, а Фёдор стоял на прежнем месте. Душа просила разрядки, и Лелеснов неожиданно и громко захохотал. Чуткие берёзки, как от ветра, запрядали листвой. Где-то отозвалась продолжительным «игу-гу-у» иволга.

На самом виду Колывани приказчик очнулся, взял в руки вожжи. В голове – церковные перезвоны, грудь судорожно колыхалась от нехватки воздуха, перед глазами мелкая и густая рябь.

На другой день приказчик от страшной боли в шее оборачивался назад по-волчьи – всем туловищем. Из-за опасения широкой огласки случившегося немедленно отправил рудоискателей в горы.

– Забудь, что приключилось. Молчание – золото. Понял меня? – сказал приказчик Фёдору. В глубине души впервые и робко зашевелилась обида за побой. Старел безвозвратно, видимо, Мокеич, коли тайно роптал против привычки...

Почти всё лето рудоискатели обшаривали причарышские горные дебри. В преддверии осени возвратились в Колывань. Фёдор сразу же к приказчику с прежней просьбой.

– Разреши, Мокеич, за невестой съездить...

– Разве не привёз? Пошто с рудного поиска не заехал к ней?

В голосе, глазах приказчика Фёдор заметил притворное удивление. Однако сдержался, виду никакого не подал и вразумительно пояснил:

– Как заедешь-то, коли невеста в другой стороне и в большой дали от Чарыша. Не по пути, стал быть...

– А-а, – понимающе протянул приказчик и сухо отрезал: – Малость повременить придётся...

Через неделю пробирщик Юнганс нашёл высокое содержание металла в руде, которую принесли рудоискатели. Приказчик снизошёл к Фёдору.

– Ладно уж... разрешаю на время от дел отлучиться. Только свободных лошадей нет для твоей невесты. Где хошь бери...

Юнганс плохо понимал по-русски. Сейчас же верно уловил, что происходило между приказчиком и Фёдором. На удивление приказчику, Юнганс протянул Фёдору руку.

– На... карош мейстер всегда надо выручайт... взайт...

Как ни упирался Фёдор, а не смог уйти от Юнганса, прежде чем не взял предложенных прогонных денег, которыми платили за наём лошадей...

Фёдор и Солёный поехали в Незаметный. К самому посёлку подъезда не было, и лошадей пришлось оставить в низине, где пожухшее разнотравье свалилось в колтуны. Рудоискатели шли полянами, знакомыми с памятной весны. Неубранный ячмень низко кланялся в ожидании первых заморозков. Солёный брал в руку наполовину осыпавшиеся колосья, с неподдельным сокрушением бубнил:

– Вот она, лень-матушка-то! Нешто видано такое, чтобы кормилец под снег уходил...

Фёдор горячо восстал за поселян.

– Работников-то раз-другой и обчёлся. А может, какая хворь навязалась, или ещё что...

К потайным жилищам подошли молча, с какой-то смутной тревогой. Никто не ответил на глухое уханье филина, не вышел с громким криком навстречу. По разрушенному каменному убежищу, по разбросанным немудрёным пожиткам рудоискатели заключили, что не по своей воле ушли поселяне из насиженного гнезда.

Друзья терялись в догадках. «Может, джунгары полонили?» От этого на лбу Фёдора выступил холодный пот. Но стоило подумав трезво – предположение отвергалось полностью. Кочевники передвигались по открытым проезжим дорогам, временно оседали стойбищами лишь на берегах рек, в широких долинах с ключевой водой. В тесном каменном мешке им делать нечего.

Может, обитателей Незаметного обнаружил чей-нибудь посторонний взгляд, и они ушли сами, чтобы предупредить надвигающуюся опасность? Но почему они тогда не известили о том Солёного и Фёдора, как условлено ранее?..

Ни с чем вернулись друзья в Колывань. Неприютным холодком встретила их новая изба. Чёрным налётом покрылся невымытый и нескоблённый пол. Не хвастали белизной и гладко оструганные стены и потолки. Густые сетки паутин прочно затянули углы. Пахло сыростью и пылью. Друзья же не замечали ничего.

* * *

Медь выплавки Колывано-Воскресенского завода оставляла густой чёрный след на пальцах. Оттого и прозвали её чёрной. «Чернедь» на Невьянском заводе устраняли многими переплавками, пока медь не принимала натурального багрово-красного цвета. На то уходило немало времени и лишних расходов.

Демидов решил разгадать тайну «чернеди». «Может, она чёрная от примесей других металлов? Коли так, то те металлы без пользы на огне горят», – смутно, но верно предполагал Демидов и усиленно выискивал в Петербурге и Москве лучших в то время знатоков горного дела – саксонцев. Некоторые из них соглашались поехать на Алтай единственно ради выгод, закре-

плённых контрактами. Иные, напротив, уезжали в неведомую глушь из-за стремления познать горное дело глубже и шире.

Приказчик Сидоров со скрытой неприязнью встречал иноземцев. И не потому, что не верил в их искусство. Просто не желал иметь при деле посторонних, цепких и искушённых глаз. «То не русские. Язык вольный. Как бы через иноземцев каких вредных речей, а паче доносов не приключилось...» – думал приказчик и придирчиво следил, чтобы приезжий знаток строго исполнял только свою должность, а дальше – ни шагу.

В числе других саксонцев приехал на Колывано-Воскресенский завод пробирный мастер Иоганн Юнганс, человек застенчивый и добродушный. Юнганс и после положенного времени каждый день подолгу и безустально суетился в заводской тесной пробирне, в опытном горне¹⁴ без конца плавил руды и всякий раз менял состав шихты¹⁵.

Любопытный пробирщик через многие опыты установил, что колыванская медь чернеет от присутствия в ней свинца. Свинец удалось легко отделить от меди, как более тяжёлый продукт плавки. Опытный глаз подметил в свежих изломах свинца необычный серебристый блеск. Юнганса зажгла новая догадка. Он твёрдо уверовал, что свинец содержит серебро, и стал упорно искать способ его отделения. Шло время. От бесплодных поисков лицо Юнганса осунулось, подёрнулось свинцовым налётом. Болела голова, беспокоили частые колоты в груди. Нередко Юнганс не уходил домой и засыпал прямо в пробирне, где-нибудь на рудной куче или на рабочем столе-верстаке.

При виде спящего иноземца работные люди с укоризной качали головами – не было такого на их глазах, чтобы учёный человек так издевался над собой без всякого принуждения со стороны. Будили осторожно, смущённо совали в руки принесённую не от большого недостатка пищу.

– Загрёшь эдак, Яган... не годится без роздыху и харча суточно торчать здесь.

¹⁴ Горн – печь для накаливания и переплавки металлов.

¹⁵ Шихта – смесь материалов, идущая в плавку в металлургических печах.

Юнганс отчётливо улавливал доброе, участливое отношение русских бородатых мужиков, широко и благодарно улыбался. По блеску в глазах работные угадывали, что саксонец одержим каким-то тайным стремлением и ни за что не отступится от него. Работные отходили в сторону. В их душе недоумение сменялось молчаливым уважением к человеку, который не чурался труда...

Однажды Юнганса за рукав вытащил из пробирни соотечественник, штейгер¹⁶ Филипп Трегер. Как ни упирался Юнганс, а пришлось оторваться от захватывающих опытов. У Трегера свободного времени хоть отбавляй. Ехал он сюда не за тем, чтобы живот надрывать в работе, не предусмотренной контрактом. Трегер в России жил не первый год. Семью имел в Петербурге. Ради денег приехал.

Стояла поздняя весна. Спускался тихий и прохладный вечер. На берегу заводского пруда безлюдно. Соотечественники тихо разговаривали на родном языке и не спеша шли. Берег узким мыском вклинивался в воду пруда. Мысок зарос густым кустарником, и по другую сторону его ничего не видно.

Юнганс увлечённо рассказывал о своих опытах. Из-за мыска неожиданно послышался громкий всплеск, будто утинная стая шлёпнулась на воду, и раздался слабый захлёбывающийся крик:

– По-о-о-гиге-е!..

Трегер, хорошо слышавший крик, на тревожно-недоумённый взгляд Юнганса спокойно ответил:

– Ребятишки купаются, шутят, – и круто свернул в сторону.

Мгновенье, и Юнганс продрался сквозь кусты на другую сторону мыска. Далеко от берега убежал ветхий, заброшенный мостик, с которого когда-то черпали воду из пруда. Юнганс сразу всё понял. Прогнившая тесина переломилась над глубиной, по воде плавали круги. Юнганс, как был в одежде, бросился на помощь невидимому утопающему. На воде показалась макушка непокрытой женской головы...

¹⁶ Штейгер – горный мастер, сведущий в практическом горном производстве.

Тем временем на берег прибежали люди, миром вернули в чувство тетку Марфу, мать Кузьмы Смыкова. Оглянулись, когда стихла суета, прошла растерянность, а Юнганса нет. Его нашли дома, под одеялом. От озноба стучали зубы, посиневшая кожа от проступивших пупырышков стала корявой, как самая мелкая и частая тёрка.

Простудная хворь на месяц свалила Юнганса в постель. Больного часто навещал заводской лекарь и пользовал отменными лекарствами. В отсутствие лекаря постоянными гостями были работные. Помимо целебных травяных настоев приносили лучшую пищу, какую сами видели на своих столах только в христов праздник: мёд, яйца, пшеничный хлеб. Передавая принесённое одинокой бабке Агафье, тепло наказывали:

– Скажешь Ягаше, чтобы ел всё без остатка. Тогда и на ноги подымеется...

После случая на берегу работные ласкательно звали пробирного мастера Ягашей. Каждый произносил это имя на русский лад с выражением глубокого уважения.

Юнганс, как только встал на ноги, пошёл в пробирную для прежних опытов. Он словно колдовал. То заставлял приготовить известь, то нажечь пепла от осиновых и берёзовых дров. Работные зорко оберегали мастера от тяжёлой работы. Как по команде, набрасывались на неё.

Однажды ночью, в перерыве между сменами, Юнганс остался в пробирной один. Горн гудел от бушевавшего в нём расплавленного серебристого свинца – «веркбляе». Юнганс добавил туда пеплу и извести, включил воздуходувные меха. Вскоре на поверхности расплавленного металла образовалась и стала расти шапка густой ноздреватой пены. Через верхнее отверстие в горне Юнганс постепенно выпускал пену – окисленный свинец, или глёт. Когда расплавленная масса села ниже отверстия, Юнганс принялся снимать пену черпаком.

Из огненного зева горна бил невыносимый жар. Бритое лицо Юнганса стало медным. В висках – частый звонкий перестук, словно невидимые лёгкие молоточки где-то рядом били по наковальне. Едкие свинцовые пары до отказа заполнили

пробирню. Наконец, пены не стало. Юнганс приник к смотровому оконцу в горне. Огнедышащая поверхность расплавленного металла «бликовала» – струилась от нежных, красивых радуг. Юнганс включил дутьё. Растаяли радуги. Затвердевший металл саксонец стал поливать горячей, затем холодной водой. Металл вскоре окончательно остыл. То было настоящее «бликовое» серебро – «бликзильбер», упругое и вязкое.

Усталость повалила Юнганса на рудную кучу. Тяжёлый нездоровый сон моментально сомкнул веки.

В утреннюю смену, как и обычно, рабочие принялись будить мастера сначала несмело, потом настойчиво. От страшной и верной догадки отпрянули в сторону.

Пришёл заводской лекарь, взглянул в посиневшее лицо Юнганса, определил свинцовое отравление.

Из горна извлекли серебряный слиток весом свыше двадцати семи фунтов.

Сидоров стоял с обнажённой головой около умершего, удивлённо думал: «Чудной саксонец был. Через смерть добился своего. А ради чего пёкся? Правда, жалованье от хозяина получал большое, но похоронить не на что: до последнего алтына всё раздавал работным... Чудак!»

Вся Колывань хоронила саксонца. Позже не одно поколение рабочих вспоминало тёплым, душевным словом любознательного и добронравного Иоганна Юнганса. В родительские недели его могила ярче других пестрела от живых весенних цветов.

* * *

Штейгер Филипп Трегер с приездом в Колывань узнал, что соотечественники получают несравненно больше, чем он, жалованья, и сразу же стал просить прибавки. Приказчик молчаливо выслушал, холодно ответил:

– Не могу. Контракт подписал сам хозяин. С него и спрашивай.

Против русских штейгеров Трегеру платили в шесть раз больше, и поэтому на его просьбы из Невьянска приходил неиз-

менный отказ. Трегер и слушать не хотел, что по знанию горного дела стоял намного ниже своих соотечественников, и затаил обиду на хозяина. Краем уха он прослышал об открытии Лелеснова и живо заинтересовался им. «Если только в рудах Змеевой горы содержится самородное золото и серебро, то сама императрица пожелает овладеть ими. Демидову же придётся уйти из Кольвани. За открытие можно ждать монаршей награды...» Сам собой выпал удобный случай отомстить Демидову и заодно погреть руки.

Трегер шёл к поставленной цели осторожно и не спеша. Стоило прежде всего добиться расположения Фёдора, чтобы вызвать на откровенность в предстоящих разговорах.

Своим первым встречам с Фёдором Трегер старался придать характер чистой случайности и всякий раз растягивал широкое лицо в притворной улыбке. Трегер хорошо говорил по-русски. Разговор постепенно с пустяков переходил на более серьёзное. Хитрый штейгер не упускал подходящего момента, чтобы незаметно для самолюбия Фёдора поучать его в горном деле.

Как-то Трегер пришёл домой к Фёдору и начал исподволь подливать масла в огонь:

– Ай как неуютно живёт русский штейгер! Холод и запустение в квартире. А где же семья? – И как бы совсем вскользь бросил: – Тебе, Фёдор, за одно Змеевское открытие полагается жить по-иному...

Через несколько дней Трегер, что называется, подступил с ножом к горлу.

– Ты штейгер, я – тоже. Скажи сущую правду о Змеевой горе. Всё останется между нами. Если руды стоящие, можно получить награду, минуя Демидова. От самой императрицы. Я берусь за то...

Трегер в подробностях изложил свой план получения награды и вопросительно смотрел на притихшего коллегу. Заметив нерешительность его, поспешил успокоить:

– Мы ничего не теряем от того. Награду просить будем не у Демидова. Если и не дадут, так он не узнает о нашей просьбе. Попытаемся. Как говорят у вас, спыток – не убыток...

Фёдор и Солёный долго ломали голову над предложением. Почему-то думалось совсем не о награде, а о другом: чтобы к богатствам Змеевой горы на пользу себе, наконец, приложил руку человек, иначе терялся смысл рудных поисков.

– Но есть строгий наказ хозяина попридержаться тайну, – напомнил Фёдор.

Солёный на то сказал:

– Кто знает... может, такую канитель тянет приказчик, а не хозяин. К тому же Демидов не указ императрице. А нам его гнев нипочём. Всё при нас, собрались и тягу, ищи ветра в поле, облачка на осеннем небе...

И порешили...

Фёдор побывал с Трегером на Змеевой горе, показал место, но из-за спешки не рассказал про свойства руд. Трегер взял у Фёдора и по-хозяйски завернул в тряпицу лепестки и волокнистые самородного золота и серебра.

– Награда будет!

Приспела первая оказия, и Сидоров отправил серебро, выплавленное Юнгансом, в Невьянск. На серебро накинута не одна одежка. Положили в кованный железный ящик под двумя замками и сургучными печатями в деревянных углублениях, чтобы не ломались. Ящик укутали в мягкую козлину, туго стянули ремнями и положили в плотный крепкий сундук из берёзовых досок. Углы скрепили свинцовыми пломбами. Оттиски печатей и пломб начальник караульной команды завода вёз с собой для контроля в Невьянске при сдаче груза. Ему же Сидоров вручил доношение об открытии серебра в колыванских рудах.

Приказчик лишь приблизительно писал хозяину о способе отделения серебра и свою неосведомлённость оправдывал внезапной смертью Юнгана. В предчувствии хлопот Сидоров в душе отменно ругал себя за nepозволительное равнодушие к опытам Юнгана. Стоило в своё время внимательно присмотреться, и смерть Юнгана не принесла бы нежелательных забот.

Тут, как на грех, из Кузнецкой воеводской канцелярии чиновники нагрянули с проверкой списков работных – по свежим

следам искали разбойных людишек, а заодно нетчиков, скрывавшихся от уплаты государственных подушных податей. Приказчик поначалу открещивался от напасти указом царя Петра о берг-привилегиях. Придиры-чиновники вежливо дали понять, что настали иные времена. Пришлось уступить. Но пока шла рюда, приказчик втихомолку выправил списки и контракты, прежние фамилии пришлых заменил на новые и через надёжных людей строго предупредил о том всех работных. В эти дни жители Колывани не называли друг друга по имени и фамилии – боялись выболтать чиновникам про затею приказчика.

По списку дошла очередь до Солёного, и чиновники враз заёрзали на стульях:

– Это что за птица? Неслыханная фамилия! Не иначе, как прозвище, за которым скрывается другой человек! Где сейчас он?

Приказчик всё успел предусмотреть. Ткнул пальцем в графу списка «откуда прибыл». Там значилось: «С уральских заводов действительного статского советника и кавалера Акинфия Демидова».

Обезоружил чиновников и потом с достоинством пояснил:

– Находится тот Солёный в отлучке... за поиском руд.

Чиновники пображничали день-другой и отбыли восвояси. Для порядку о своём приезде наложили резолюцию: «В сих списках не значится беглых, беспаспортных и в смертоубийствах повинных людей...»

Приказчик облегчённо вздохнул. Каждый работник был на счету, потеряй хотя бы несколько, и хозяйская немилость обрушится на голову.

В ожидании распоряжения Демидова о разработке Змеевой горы приказчик весь извёлся. Торопил время, как недужный человек, жаждущий исцеления.

Велик соблазн перешагнуть через запретное. Но как только этот соблазн залазил в душу, приказчик начинал усердствовать в молитвах и причетах – отгонял от себя видение страшной демидовской расправы: «Избави мя, господи, от бесовских лукавых помыслов! Награди терпением мученика, не сделай ослушником. Милостиво продли дни мои...» Когда молитвы не помогали,

приказчик давал полную волюшку неуёмной и нестареющей мужской страсти и тем прогонял опасное искушение.

Однажды душевный покой нарушило неприятное происшествие. Филипп Трегер неожиданно исчез из Колывани. Его соотечественники без достаточных оснований заподозрили убийство и пришли в крайнее смятение. Приказчик посадил несколько человек в лодки. Они долго царапали илистое дно пруда железными кошками, натаскали кучу затонувшего хлама, но Трегера так и не нашли. Затем старики, ребята и все, кто был свободен от работ, с громким ауканьем, прочёсывали заросли в окрестностях Колывани.

Насмешливо, с издёвкой перешёптывались чуткие вершинки елей о тщетном старании людей. Люди заглядывали под каждый кустик, шарили на увалах и в оврагах. В путаном петлянии теряли верную дорогу. Тогда остальные принимались искать уже не Трегера, а заплутавших...

Вскоре всё прояснилось. С вновь построенного Барнаульского медеплавильного завода возвратились рудовозы. Узнав о происшедшем, в один голос поклялись перед крестом, что видели живым и здоровым Трегера возле деревни Бурановой, вблизи Барнаульского завода. Сразу же погасли страсти. Колывань успокоилась. Лишь приказчик не находил места от дурных предчувствий. «Почему Трегер так далеко зашёл без моего ведома? Ранее дальше Пихтовского рудника не хаживал...» Сидоров перебрал в мыслях всё, что могло объяснить причину тайного ухода Трегера, и не нашёл подходящей.

В спешном порядке пришлось затевать настоящее следствие. Прежде всего приказчик произвёл дотошный обыск в квартире Трегера. Там ничего не оказалось, кроме отживших век, никому не нужных пожитков. Не было сомнения, что Трегер покинул Колывань безвозвратно. Потом приказчик допытывал рудовозов:

- Говорил ли что вам Трегер?
- Рудовозы ежились, переминались с ноги на ногу.
- Об чём ему с нами говорить... и слова не проронил.
- Что видели у него?

– Нешто заметишь. На возу сидел штейгер... Да, да, – спохватился самый старший по возрасту рудовоз, – как прыгал с возу штейгер, то уронил деревянный ящичек. Раскрылся ентот ящичек, и на землю рудные каменя посыпались...

– Каменя, говоришь?! – переспросил приказчик и почувствовал, как жаркая вспышка догадки больно обожгла мозг. «Неужто донос в Петербург повёз! Кому-кому, а мне первому хозяин всыплет. Как же так? Что же делать? Ну, погоди же, продажная немчура! Ещё посмотрим, чья возьмёт!»

Перо бешено бегало по бумаге. Спотыкаясь, сеяло густым чернильным дождём. Было не до чистописания. Пространное доношение в Невьянск приказчик густо залепил сургучными печатями.

Лучшие в Колывани лошади мчали нарочного¹⁷ и четырёх вооружённых солдат по трактовой дороге. Был им строгий наказ от приказчика: схватить Трегера, если догонят, представить Демидову. Но приказчик просчитался. Трегер предвидел запоздалую погоню и не скупился на прогонные деньги ямщикам. От быстрой езды в ушах Трегера только ветер залихватски посвистывал.

С приближением к столице Трегером настойчивее овладевали утешительные до сладости думки: «Скоро, скоро настанет расплата, господин Демидов! Узнаешь, кто таков штейгер Трегер».

От мысли о награде и предстоящей встрече с семьёй в укромной, но уютной квартире на Васильевском острове блаженная улыбка озаряла лицо, глаза сами собой смеялись.

* * *

В Колывань к своему родственнику Ивану Белоусову нагрянул крестьянин деревни Калманки Фёдор Маслов. И неспроста. Когда остались один на один, Маслов извлёк из заплечного мешка блестящие камешки, найденные в горе недалеко от речки Ельцовки, притока Калманки.

¹⁷ Нарочный – гонец, посылаемый с важным поручением.

– Может, драгоценные... Если так, то объявлю Демидову, награду получу...

Белоусов долго вертел в руках камешки и, не дав толку, решил показать приказчику. Тот немедля вызвал Фёдора.

– Видывал? Сдаётся, не просто блистание издают, а благородным металлом напоены.

Фёдор взвесил камни на руке, обшарил глазами по изломам, заключил:

– Без металла. Такие ранее доводилось видывать. Прозываются они яшмами, порфирами, агатами.

Приказчик упёрся на своём:

– Ежели в них нет металла, то рядом с ними есть. Такому раскрасавцу-камню под стать соседствовать с золотом либо серебром.

По воле приказчика Фёдор с Солёным пошли осматривать места, указанные Масловым. Как пришли, Солёный со слов Фёдора записал в путевом журнале: «В горе с издалека оказывается блистание, и в ней камень видом скрасна, гладкий, грановитной...»

В другом месте, в пятнадцати верстах от деревни Кабаново, нашли камень «видом чёрный». На правом берегу речки Калманки сыскался камень «с темна светлый, да по Аную реке под Канкараколом камень гнёздышками признаками светел, который знать даёт, что разработан чудскими народами».

Фёдор нашёл несколько вещей, сделанных из того камня древними людьми: брошки, кувшин, чашу. Это ещё раз подтвердило правоту Фёдора. Признаков рудного золота не нашлось и рядом.

Рудоискатели шли обратно не прямым путём, отклонились в сторону в надежде встретиться со сведущими людьми, узнать о судьбе обитателей Незаметного. Встречные сочувственно качали головами, вздыхали в ответ на расспросы, но не могли порадовать ничем: не видали такого захолустного посёлка, в глаза не видывали его жителей.

Рудоискатели ещё раз заглянули в посёлок, просмотрели все каменные щелки. Знали, что среди незаметненцев не было

ни одного грамотея, но втайне почему-то надеялись найти какую-нибудь письменную весточку. Терялись всякие надежды на успех в поисках. Рудоискатели покинули Незаметный с тяжёлым сердцем и невесёлыми думами.

В широкой долине густо пахло отцветающими травами. Басовито жужжали пчёлы. Сбегавший со склона ручей весело и бойко тренькал в каменном завале. В самой долине он бежал спокойно и бесшумно, узнавался лишь по извилистому провалу в буйной зелени долины, по сочному и густому наливу трав на берегах.

В тени развесистой дикой черёмухи рудоискатели пережидали полуденный солнцепёк. Покой нарушил гулкий топот конских копыт. «Может, джунгары?..» – мелькнула мысль. Такая встреча не обещала хорошего.

Не успели рудоискатели схорониться, как перед ними появились конные – русский казачий разъезд. Старшой строго спросил:

– Кто такие и откуда будете?

Фёдор спокойно ответил:

– Демидовские будем... руды ищем, а сейчас в Колывань идём.

Старшой отмяк, когда Фёдор показал письменный вид, или проходную грамоту, от руднично-заводской канцелярии.

– Редкая встреча! Не попадалось ли вам, служивые, каких-либо тайных поселений, раскольничьих скитов?

Казаки сказали, что посланы Кузнецкой воеводской канцелярией для розыска потаённых убежищ беглых людишек и раскольников. Старшой с достоинством и гордостью пояснил:

– Прошлым летом много нашли таких логовищ. Выселили поселенцев на прежние места жительства.

...До Колывани оставалось добрых пятьдесят вёрст. После встречи с казаками рудоискатели прошли весь путь за один день.

Наутро приказчик оказался на Воскресенском руднике. Фёдор, не теряя времени, отправился туда знакомыми дорожками. В пути одолела жажда. Не доходя до рудника, по косогору спустился к речке Локтевке. К самому берегу подбежал густой ельник. Здесь тихо и прохладно. На крутых изгибах речки слы-

шен невнятный шорох воды. Фёдор облокотился на каменвалун, долго и жаднопил. Оторвался от воды и застыл: недалеко на таком же камне сидела женщина, расчесывала мокрые волосы. Она сидела боком к Фёдору и, как ему казалось, ничего не видела. Фёдор бесшумно скользнул с камня в намерении скрыться незамеченным. Как только первая ветка ельника царапнула его по лицу, женщина торопливо повернула голову. Фёдор узнал смеющееся лукавое лицо Насти, на миг задержался на месте.

– Здравствуй, куда же ты торопишься? – пропела Настя и подалась вперёд. В одной исподней рубашке она шла с лёгкостью русалки и манила смеющимся сверкающим взглядом.

– Не бойся, бирюк¹⁸! Я одна-одинёшенька! Не то что в прошлый раз!

Неприкрытая Настина краса притягивала и страшила. Хотелось сорваться с места, ветром пролететь по ельнику и где-нибудь скрыться, долго-долго лежать с закрытыми глазами, чтобы забыть увиденное. А Настя расцветала в новой жаркой улыбке, без слов двигалась вперёд. Вот она, как на пружинах, подпрыгнула, и Фёдор почувствовал, как её руки сжали ему шею, мокрые волосы коснулись лица.

– Никуда не уйдёшь, пока сама не отпущу... понял или нет? Никуда!..

Из груди Насти вырывалось частое дыхание, в глазах сверкали молнии. Фёдор ощутил, как им овладевает безволие. И в эту минуту встала перед глазами Феклуша. К рукам вернулась сила, и Фёдор отстранил Настю.

– Пошто так делаешь, ошалелая? С приказчиком, теперь со мной! Кем тебе Кузьма доводится?

Настя, построжевшая и остывшая, стояла на одном месте. В глазах – обида и горькая насмешка. И вдруг она заговорила зло, отрывисто:

– Люблю тебя, потому и лезу! А Кузьма с приказчиком по мне вот что! – Настя сочно плюнула на камень, начисто рас-

¹⁸ Бирюк – одинокий, угрюмый, нелюдимый человек.

тёрла босой ногой. Потом круто повернулась и поспешно ушла на прежнее место, где лежал сарафан.

Фёдор шагал напрямую, через самую гущу ельника. Корявые ветви хлестали по лицу. Вдогонку неслись колючие Настины слова, в уши хлестал обидный смех.

– Мужик называется! Ха-ха! Тебе со святыми монахами по пути! Только и мужского, что имя!..

Фёдор застал приказчика перед самым его отъездом с рудника. В Колывань ехали вдвоём дорогой, потемневшей от рудной пыли. Приказчик был сдержан в разговоре и, видимо, удручён нежелательным соседством. Всю дорогу Фёдор рассказывал о рудных поисках и только в Колывани отважился на просьбу.

– Отпусти, Мокеич, меня с Солёным ден на десяток. Зимой отробим, где пожелаешь.

– Это для чего ещё? – спросил встревоженный приказчик и вдруг заюлил хитрыми глазами, словно прозрел в мыслях. – Не бугровать¹⁹ ли уж? Ай клады заприметили где?

– Не-е... семью Солёного привезти.

– А-а-а! Невесту, стал быть, заодно. Тут подумать надо. От твоего кулака в моей шее и поднесь боль ощутима. Зря поперёк дороги становишься, Фёдор. Ой, зря!

Фёдор насупился. С минуту молчал, обдумывал и вспыхнул как порох.

– Не пускаешь? Без твоей подмоги невесту привезу. За Настю не кори! Бог свидетель, что заслужил кулака. И наперёд от того не зарекайся!

Приказчик тайл в душе восхищение: «Ну и характерец! Настоящий кремешок кресальный! А вот хитростью бог обидел. Прямодушен, как малое дитя...» Потом вернул поспешно уходившего Фёдора.

– Чего вспылит? Нешто годится такое со старшими? Я ить так сказал... любое дело без думки не вершу. И надумал я сей-

¹⁹ *Бугровать – раскапывать древние могильные курганы и извлекать золотые вещи. Бугрование строго преследовалось законами.*

час для тебя утеху – ступай за невестой. И лошадьми на этот раз помогу, хотя почти все в работе.

За словами согласия скрывалась надежда: «Авось пооботрётся угловатый камешек, кругленьким да податливым станет...»

* * *

Филипп Трегер благополучно добрался до Петербурга. День-другой блаженствовал в кругу домочадцев и друзей-соотечественников. После занялся делом.

Радужные надежды штейгера омрачались непредвиденными проволочками. Не так просто оказалось обратить на себя внимание императрицы или её приближённых. Во все выезды самодержицы стража не подпускала к ней посторонних людей и на пушечный выстрел. Отчаявшийся Трегер написал тогда обстоятельное доношение на имя главноуправляющего царским кабинетом Ивана Антоновича Черкасова. Доношение застряло где-то в канцелярских приёмных.

Шли дни, а Трегер пребывал в томящей душу неизвестности. Порой овладевали им приступы малодушия, невольно думалось: «Ничего не выйдет из моей затеи. Демидов хитёр – сумел себя оградить от напасти прежде, чем я появился в Петербурге...»

Черкасов всё же получил доношение Трегера и при первой возможности представил на резолюцию императрице Елизавете Первой. Та заинтересовалась доносом и в разговоре с Черкасовым высказала своё недовольство:

– Каково, барон, а? Демидов золото с серебром добывает, а императорская казна впусте! Проверьте. Если тот немец говорит сущую правду – награждать немедля... – Императрица прервала речь, после заминки спокойно пояснила: – За лживый донос сами знаете, как наказать...

По приказанию Черкасова колыванское золото и серебро немедленно апробировали на монетном дворе. Искусные пробирщики подтвердили, что металлы самые натуральные и высоких проб.

Трегер дрожал от счастья. Не раз и не два роскошная придворная карета на глазах у всех соседей увозила его из дому. В заключение всего Черкасов приказал выдать Трегеру двести рублей из кабинетских сумм. Было отчего гордиться перед малопреуспевающими соотечественниками!..

Императрица, решив отвлечься от государственных дел, уехала в Москву и беспечно проводила время в роскошном дворце гостеприимного князя Головина в окружении ближайшей свиты.

Как только стало известно о доносе, Демидов стремглав поскакал в столицу, бросив самые неотложные дела. План у Демидова прост. Личным свиданием с императрицей хотел предварить кляузу саксонца, откровенно признаться в открытии серебра и золота и добиться монаршего покровительства своему Кольвано-Воскресенскому заведению. Узнав в пути, что императрица в Москве, Демидов с удовлетворением подумал: «Тем лучше. Ближе конец задуманному...»

Императрица приняла Демидова приветливо:

– Здравствуй, уральский отшельник! Никак присосало тебя к камням, что так долго глаз не явишь! Рада видеть, рада видеть!

Во всё время в Москве хорошее настроение не покидало императрицу. Князь Головин считал, что в том первая заслуга – его. Ведь не кто-нибудь, а именно он создавал все условия для безмятежного времяпрепровождения царствующей особы. За обильным столом, за игрой в карты, при осмотрах достопримечательностей древней столицы разговоры о серьёзном растворялись в остроумных шутках кудесника-хозяина. Даже самые прожжённые придворные в эти дни оглашали головинские покои, против обыкновения, откровенным смехом. На всём, что предлагалось вниманию императрицы, лежала печать беззаботности и веселья.

В тот день императрица облачилась в светло-вишнёвое платье из китайского шёлка с малиновыми разводами. Шурша бесчисленными складками и длинным шлейфом, она проследовала к карточному столику. В числе приглашённых на игру оказался и Демидов. Он играл с предосудительным азартом

юноши, делал высокие ставки на никудышную карту и, конечно, проигрывал. И, проигрывая, бросал сверлящие, вопрошающие взгляды на императрицу. Та отвечала невинной благосклонной улыбкой. Порой даже смеялась. «Вроде императрица ничего ещё не знает», – успокаивал себя Демидов и всё смелее шёл на риск в игре на утеху высокопоставленной компании.

Под конец игры императрица сквозь смех и совсем непри-
нуждённо заметила:

– Ох, Акинфиевич, так легко, без сожаления проигрывает в карты тот, кто подвалы денег имеет. Слухом пользовалась, будто свои серебрянники чеканишь. Так ли это?

Взгляд у императрицы стал испытующе-насмешливым. Демидов понял, что ошибся в своём тайном предположении. Прогнав минутное смущение, заюлил:

– Где нам, пресветлейшая повелительница, твоим нижай-
шим подданным, такими делами заниматься. Ума, силёнок нехватка. Да и воли твоей на то нет...

После обеда фрейлины повели императрицу на отдых. К дверям спальни метнулся Демидов и в поклоне прилип лбом к полу. Императрица спросила коснеющим, тяжёлым языком:

– О чём просишь, Акинфиевич?

Демидов рассказал про историю с открытием серебра в колыванских рудах, но умолчал про Змееву гору.

– Прошу единственно, повелительница: возьми под своё высокое начало те рудники и заводишки, дабы не последовало мне каких утеснений со стороны разных канцелярий. Истинную правду рассказал и в подтверждение тот слиток серебра, добытый через искусство немца Юнганса, к твоим стопам верноподданнически преподношу...

Императрица разверзла полусонные веки. В глазах затеплились приветливые огоньки.

– Спасибо за подарок, Акинфиевич. О просьбе твоей обещаю подумать.

...Императрица провела в Москве не один месяц. После встречи с Демидовым здесь её удерживали не одни развлечения. На глазах свиты она сохраняла прежнюю беззаботность

и весёлое настроение, в кругу же близких сановников без лишнего шума вершила государственные дела. Дважды вызывала она специалиста-металлурга бригадира Беэра. Разговор вёлся в строгой тайне.

Второго июля 1744 года Елизавета издала секретный именной Указ. Во главе специальной комиссии Беэру предстоял далёкий путь на Алтай, чтобы проверить сообщение Трегера. В дорожном ларце из узорного сафьяна бригадир вёз царский Указ: «...на Кольвано-Воскресенских заводах как серебряную, так и золотую руду, так и протчие минералы, какие тамо найтица могут, надлежащим порядком осмотреть... и как в тех, так и в протчих местах, где разведать можете о каких минералах, чего ещё на свете не произошло, потому уж учинить свидетельства, и пробы и обстоятельные описи по Вашему искусству и благорассуждению с собою привезть и объявить нам».

В дороге бригадир истомился. Невесёлые мысли бродили в его голове. От них зябко ёжилось тяжёлое, не привыкшее к таким утомительным переездам тело. «Хитёр Акинфий Демидов. Просто не ухватишь. Словно рыбьей чешуёй одет. Императрица – повелительница, а влиятельные сановники – вершители человеческих судеб. Без мала с ними всеми Демидов накоротке».

Сын тульского кузнеца Акинфий Демидов, богатейший заводчик России, он же князь Сан-Дonato, никогда не отдал бы своего без жестокого боя. Знал про это бригадир, и потому предстоящее рождало боязливый трепет в душе. Но повеление императрицы – жёсткий закон. Выполнишь его – жди милостей, нет – уступи место другому, останься вечно неприметным и жалким.

В своих опасениях бригадир зашёл слишком далеко. На самом деле всё свершилось намного проще: царский указ возымел непреодолимую силу...

* * *

После встречи с Фёдором на речке Настя сникла как-то сразу. С людьми разговаривала неохотно, отвечала на вопросы сбив-

чиво и невпопад. Померк озорной блеск в глазах. Теперь в их глубине – бесконечная грусть и тихая задумчивость. От уголков глаз на виски и лицо убегали прямые, еле приметные морщинки – ни дать ни взять трещинки на молодом льду от удара чем-то лёгким. Похудела и осунулась Настя.

У вершины горы Синюхи, в каменной чаше, покоилось небольшое озерко. Вода в нём холодная и безжизненная, иссиня-чёрного цвета. Жители Кольвани и окрестных поселений считали воду горного озера святой. По крутым каменистым тропам сюда карабкались больные для исцелительных омовений. Некоторые после того поднимались на ноги. И, конечно, не от водицы – просто-напросто потому, что болезнь иногда сама отступала от человека. После каждого такого случая росли толпы больных на берегах безвестного озера.

Старик Белоусов с затаённой тревогой глядел на дочь, понимающе вздыхал. Настя вышла замуж не против своей воли, но и не по велению сердца, а из легкомысленного желания досадить Фёдору.

Отец советовал:

- Сходила бы на Синюху к святому озерку, искупалась.
- Ох, никакая водица не поможет!..

В первое время Насте казалось, что Фёдор удручён её замужеством. Чтобы убедиться, так ли это, Настя решилась на отчаянный поступок – на свидание с приказчиком. Она хорошо знала дорогу через лес, по которой Фёдор ходил с рудника домой. И знала, когда он возвращался с работы. Устроила так, что Фёдор стал свидетелем свидания. Противны были липкие объятия постылого человека. Задержись случайно Фёдор на руднике дольше обычного, неизвестно, чем кончилась бы затея Насти.

Тогда думалось Насте, что Фёдор начнёт укорять и стыдить её, а приказчика оставит в покое. Но получилось совсем наоборот. Фёдор выступил в защиту чести Кузьмы, а до Насти – ровно никакого касательства. Опять-таки обидное до слёз равнодушие. Хотелось тогда Насте выскочить из кустов и больно ударить палкой Фёдора. Не за приказчика, конечно, а за себя. Еле удержалась от искушения.

И всё-таки позже обрадовалась случайной встрече на глухом берегу Локтевки. В тот памятный час на стороне Насти были явные преимущества. И тем горше было отчаяние, что Фёдор не для неё: будь она чуточку желанней – не убежал бы прочь, как испуганный зверь.

Прошла обида на Фёдора. В душе – одна пустота. Она тяготила, пригибала к земле. Чтобы разогнать тоску, Настя в свободные от работы дни ходила за грибами.

Лес хранил задумчивое молчание. Далеко лишь уносился весёлый перестук неумоимых тружеников дятлов.

Стояла самая грибная пора. Большая охотница Настя до грибов. Бывало, больше всех набирала. Доверху наполнит корзины разноцветными шляпками, а не уймётся – сыщет новые грибные поляны и ну ножом, как серпом, с новой силой работать до приятного, лёгкого покалывания в спине и ногах от частого нагибания. И не для себя резала Настя грибы, а для менее удачливых подруг.

Увлёкшись, Настя незаметно ушла совсем не в ту сторону. И ушла бы ещё дальше. Сквозь мелколесье неожиданно ударил ослепительный блеск. Минута, и Настя оказалась у озера Белого. С низких берегов в воду убегал густой лентой сочно-зелёный камыш. Озеро большое, но по красоте несравнимо с Кольванским – плоское, как лист стекла, и потому неприметное и грустное.

Веяло освежающей прохладой. Настя подошла к кромке камыша. В воздух винтом взвилась перепуганная дикая утка, разразилась истошным, громким криком. В просвете камыша чернел нос лодки-дощаника. «Сесть в лодку, уплыть на середину озера... прыгнуть в воду и конец...»

Настя вздрогнула.

По дороге, которая огибала берег, покатился стук тележных колёс. «Не иначе, как углежоги», – подумала Настя и села отдохнуть на выворотень²⁰, занесённый сюда ветром по вешней воде.

От набежавшего ветерка в камышах захлюпала вода. По кустам и камышу пробежал тревожный шум. По озеру, не защи-

²⁰ *Выворотень – дерево, вывороченное с корнем.*

щённому от ветра, покатались частые и мелкие волны с тонкими белыми гребешками. «Потому и Белым, видно, называется», – не совсем верно заключила Настя и обернулась. Стук колёс затих рядом, за камышовой излучинкой. Настя пошла туда – надеялась встретить попутную подводку, чтобы доехать до дому.

Почти лбом с Настей стукнулся человек, вынырнувший из-за камыша.

– Настенька! Вот не чаял-то!

Перед Настей стоял приказчик, улыбающийся, окрылённый неожиданной встречей. Он смотрел в одну точку и медленно двигался вперёд, будто приготовился ловить пугливую сказочную жар-птицу.

На миг Насте показалось, что идёт к ней оживший выворотень. И руки раскинул, как посохшие, хрупкие корневища. Хотелось ударить по ним, чтобы осыпались на землю мелкой крошкой. Настя даже в стороны поглядела. Но в густой траве не видать палки.

– Настенька! – простонал приказчик. – Чего же ты? Одни ведь мы, как есть одни! Кузьма на куренях, Федьки тю-тю! Иди же ко мне, ягодка наливная, перепёлочка луговая!

И вдруг в ушах приказчика затарахтел раскатистый гром. Плетями упали руки.

– Если ты, старый пёс, ко мне притронешься пальцем, душу к чертям в ад пошло! За тебя в ста грехах отпущение получу!

Не ожидал такого опешивший приказчик. По дикому выражению лица понял, что Настя не собирается шутить. Тогда решил действовать по-иному.

– Скаженная, пошто орёшь во всю глотку! Здесь тебя никто не услышит. В долгу ты у меня, как в шелку, пора и поплатиться! По воле не даёшься – силушкой возьму! Чай, знаешь, не изболелся и работой не извёлся ещё Мокеич!

От угрозы Настя только передернула бровями. Потом засмеялась громко и раскатисто – так, что камыши вздрогнули.

– А ну попробуй, трухлявый пень, догнать меня! От издыху падёшь на землю, с душой простишься! Ха-ха-ха!

Настя метнулась в сторону, потом резко повернула к озеру, где стояла раньше. Приказчик не по годам легко гнался сле-

дом. Настя долго кружилась вокруг выворотня, пока приказчик не запнулся о корневища и не плюхнулся в жидкую прибрежную тину. Тогда Настя прыгнула в лодку и сердито пригрозила:

– Спробуй погнаться. Под корень снесу голову веслом! Понял?

Зашуршала по камышам лодка. Птичьими крыльями захлопали по воде лопашные вёсла. Буровить бы Насте воду до другого берега. Так нет ведь! Отъехала самую малость, стала на дно лодки и принялась насмешливо подтрунивать:

– Бывайте здоровы, Харлампий Мокееч! Да, забыла! Чуть левее возьми. Там прокос в камыше. До исподнего разденься. Одежду-то от грязи как следно прополощи. Отожми по порядку да обсохни! Не то хворь простудную зацепишь, сляжешь и, не дай бог, не подымешься. На кого меня, сиротину, оставишь-то?

– Настенька! Вернись!

Слова прозвучали глухо, фальшиво. Совсем не так хотел произнести их приказчик. Просьбу истую, душевную хотел вложить в них. Не вышло. Душила приказчика злоба на свою оплошность, на дерзкую выходку Насти.

От быстрого хода у носа лодки пенились белоснежные, шумливые бурунчики. Настя причалила к противоположному берегу, отыскала малоприметную пешеходную тропку. По ней через лесок, срезая замысловатые петли, поспешила в Колывань.

Случай у озера встряхнул Настю. Смеющаяся и возбуждённая, предстала она перед отцом.

– Чего так? Ай какая радость выпала? – спросил тот.

– Не-е, отец! Поозоровала малость, на душе светлее стало!

Белусов повернул в разговоре. И не хотел этого сказать, а как-то само собой вырвалось:

– Новости объявились. Фёдор Лелеснов невесту привёз.

Настя не смутилась в лице и, как могла, безучастно сказала:

– Каждому своё: одному – радость, другому – тоска...

* * *

С тех пор как Филиппа Трегера видали рудовозы, не было о нём ни слуху ни духу. И вдруг грозное письмо Демидова.

Притих Мокеич от предчувствия неминуемой расправы. С него одного взыщется вина за донос. Не усмотрел, не перехватил вовремя кляузника.

Февраль выдался на редкость погожим, безветренным. Над землёй лениво порхали крупные снежинки, косматые, как девицы ресницы. Безмятежная дремота сковала горные хребты. От многоснежья обмелели долины, убавились в росте леса.

Однажды цепенящую тишину разорвали, разметали бойкие перезвоны ямских колокольчиков, густые всхрапывания троек. В Кольвань явились неожиданные гости – комиссия знатоков горного дела.

Завертелся волчком озадаченный приказчик: от хозяина не было не только какой-либо инструкции на этот счёт, но и простой весточки. Дивовались все в Кольвани: никогда не скапливалось такого большого числа высокопоставленных чиновников.

Бригадир Беэр на первое время успокоил приказчика мягким заверением:

– Наехали мы сюда по велению самой матушки-императрицы единственно ознакомиться с дикими краями да промежу протчим и с заводскими устройствами...

Демидов не баловал своих приказчиков добрым обхождением и милостями. Приказчик Сидоров растаял в улыбке от манеры обхождения Беэра, но всё же послал нарочного в Невьянск – боялся, как бы не натворить неугодного хозяину.

Членом комиссии оказался и Трегер. От этого важничал немало. При встречах с кольванцами вместо приветствия молча и неопределённо пожимал плечами, как бы говоря: «Видел где-то вас, но припомнить не могу».

Несколько дней комиссия исподволь присматривалась к заводским делам, для видимости вела кое-какие записи. Беэр на выбор вызывал к себе рабочих от плавильных печей и горнов, подробно, с дотошностью расспрашивал о рудных плавах. В конце беседы с каждого рабочего отбирал клятвенное обещание не разглашать того, о чём говорили.

Неожиданно для приказчика Беэр изменился: стал неприступно важным сообразно своему чину, сдержан и строг

в разговоре. Вызвал как-то Сидорова, зашелестел добротной гербовой бумагой. Сидя за столом в парадной форме, начальственным тоном пояснил:

– Именем ея императорского величества с сего часу запрещаю плавить руды впредь до особого указания. Ранее выплавленное серебро немедленно сдай по ведомости комиссии.

В голове приказчика закружилось, завертелось страшное: «Истинный конец приходит... Я, старый пестерь, уши развешил от сладких речей. Хозяин заперет насмерть, на растерзание поганым псам тело вышвырнет».

Бээр, после короткой паузы, строго приказал:

– Завтра поутру приготовь лошадей. Поедем осматривать рудные места. Без опозданий чтобы у меня. Понял?

Приказчика будто горным обвалом придушило. Широко разинутым ртом жадно и без пользы хватал воздух. «Как есть про всё прознал... и про Змееву гору. Подлинно конец...»

– Без заминки и полностью исполню волю вашу, высокогородный господин, – сказал Мокеич неподатливым языком и утрашился своего голоса – погребального жужжания мухи, безнадежно застрявшей в цепкой паутине.

Бээр не раз выезжал с комиссией на Змееву гору. Знатоки горного дела подолгу копались там, где Фёдор сыскал самородное золото с серебром.

От стен разноса неохотно, с сухим скрежетом откалывались куски синевидного и рыже-бурого роговика. Люди до слёз всматривались в причудливые изломы. И напрасно. Бездушный камень безмолвно и ревниво охранял тайну Змеевой горы, упорно не хотел обрадовать человека блеском серебряных или золотых прожилок. Порядочно поизмаялись знатоки от бесплодных поисков. Дружно, в один голос заявили:

– В сей породе нет золота с серебром. Пустая порода.

Бээр взбеленился, принародно отругал притихшего Трегера:

– Где же то золото и серебро, о которых ты, каналья, сбрыхнул самой императрице? Не думаешь ли так просто избежать возмездия! Да знаешь ли ты, что ожидает тебя, обманщик и плут?

По Трегеру скучали хлесткие плети, а может, унылый кандалный звон по самый конец жизни. Спас случай, на который втайне надеялся сам виновник.

Из кучки рудокопов вышел человек, слегка сутулясь, спустился к Безру, помял грубой пятернёй буйную бороду и спокойно предложил:

– Слухом пользуюсь, высокородный господин, маешься ты со своей братией и Филиппкой Трегером в отыскании золотишка. Не спуститься ли мне в шахту древних чудаков на счастье?

Безра покорило. Слишком самоуверенно прозвучал голос безвестного человека. В голубых же глазах неопределённая улыбка. Не успел сорваться с губ Безра ответ, человек трижды перекрестился и ловко юркнул в разнос. Вернулся оттуда быстро с кусками породы.

Знатоки мало верили человеку. Сбились в тесную кучку, ждали, ехидненько посмеиваясь. Один Трегер как стоял в стороне, так и остался. Сейчас им никто не интересовался. Все отворачивались от оскандалившегося неудачника.

Безр взглянул в смеющееся лицо человека, определил: «Годами молод, а бородачи русская в самый пояс упёрлась».

Человек выдернул из-за опояски увесистый молоток, стал простодушно поучать онемевших знатоков:

– Чтобы найти золото с серебром, надобно знать свойства здешней породы. Крепка она, но не вся. Внутри попадают крапины охры, а в них залегают металлы, и не жилами, а гнёздами. Оттого пристойнее камень дробить не надвое, а на многие куски. Чем мельче, тем надёжнее поиск. Вот и посмотрим теперь...

Человек с азартом принялся за дело. Как по наковальне, звенел молоток. Колочие каменные брызги сеялись по сторонам. И вот по излому камня посыпались золотые лепестки, крупичицы. Знатоки смотрели удивлёнными глазами. Безр, явно обрадованный, несколько минут рассматривал золото на ладони, затем сердито спросил Трегера:

– Кто же нашёл сие золото?

Трегер подскочил к Безру, рухнул в ноги, виновато заскулил: – Федька Лелеснов то! Истинно он открыл шахту... и мне показывал, только секрета породы я не знал. Повинен я в корыстном умысле. Перед вами, ваше высокопревосходительство, и всевышним каюсь: грешен.

Безр даже не взглянул на Трегера. С улыбкой кружился возле Лелеснова. Про себя же снисходительно подумал о Трегере: «Да пусть его... Что прошло, то быльём поросло, хотя по законам и достоин наказания».

После того Колывань утонула в клубах удушливого дыма. Комиссия стала поспешать в делах. Без труда были разгаданы секреты плавки Юнганса. Из колыванских руд плавил с успехом серебро, из змеевских добывали самородные металлы. Приказчик блуждал по заводу тенью. Оказался он человеком не у дел – всем распоряжались члены комиссии. Безр послал императрице специальный доклад и свои соображения относительно «надёжности» здешних рудных месторождений. Донос Трегера подтверждался. При этом, однако, Безр не сообщил императрице фамилию первооткрывателя Лелеснова, а лишь упомянул, что при осмотре Змеевой горы в числе прочих присутствовал «русский унтер-штейгер». Безр жаловался на «крепость змеевских руд, кои не только кайлом или клиньями, но и порохом при шурфовании²¹ добыть трудно».

К концу лета Безр выехал из Колывани в столицу. Вместе с гвардии поручиком Булгаковым он вёз под усиленным караулом тридцать семь пудов серебра да несколько фунтов золота.

На заводе прекратилась рудная плавка до особого случая. Входы в чудскую шахту на Змеевой горе Безр приказал опечатать и бдительно охранять. Для присмотра за всем оставался член комиссии берг-лейтенант саксонец Иоганн Самуэль Христиани.

Перед отъездом Безр ещё раз обнадеживающе заверил Фёдора:

– Жди награды. Непременно получишь. Спасибо.

²¹ Шурфовать – делать разведочные раскопки.

Вместе с тем Беэр никак не мог простить себе случая на Змеовой горе. Стоило разбить на мелкие куски породу, и тайна самородного золота и серебра открылась бы без посторонней помощи.

Чтобы скрыть собственный конфуз от злоязычной людской молвы, Беэр назвал чудскую шахту в честь комиссии «Комисской».

* * *

После встречи с казаками Фёдор с Солёным решили скрытно побывать в Кривощёкове и не ошиблись в расчётах: семья Солёного оказалась там. Они привезли её в Колывань. Теперь ей не страшны казачьи наезды: от них надёжно защищают крепостные стены.

За два месяца до приезда комиссии Фёдор сыграл свадьбу. Приказчик «бросил» молодым трёшку из ста рублей, жалованных Демидовым Фёдору. Сам на свадебной гулянке был, но вёл себя тише, чем у Смыковых. Пил умеренно, в сторону от невесты отводил взгляды. Восхищался ею лишь про себя: «Ничего не скажешь, хороша девка. Не уступит, пожалуй, по обличью Насте».

Приказчик раньше других ушёл домой. На прощанье не удержался от отеческого наставления:

– В любви да согласии жить вам, молодые! По сердцу пришились, вижу, друг другу. Думается мне: любая загвоздка в жизни для вас нипочём. Будьте счастливы.

Вырвались такие слова у приказчика оттого, что вспомнил свою незадачливую молодость, неудачную женитьбу на строгой и сухой, как лежалый черен, кержачке. От горьких упреков душу на всю жизнь отравила чёрная тоска. «И где глаза были у меня? Ни виду, ни души у Агафьи. В лесу не мог ровней палки выбрать. Эх, головушка бесшабашная! Поэтому и к другим бабам, как к солнцу, по сей день тянет».

Новобрачные и родители невесты с почтением проводили приказчика за калитку.

С женитьбой Фёдора в новую избу пришли семейный уют, чистота до блеска. Прежнего запустения и беспорядка как не бывало. И всё через старания Феклуши.

Дружная семья строила свои нехитрые планы. С отъездом Беэра Фёдор воспрянул духом и не раз говорил Феклуше:

– Получим награду – по-иному заживём. Одежки накупим всем. Корову с лошастью заведём.

Феклуша бросала лучистые взгляды на Фёдора. Верила его словам больше, чем церковной проповеди, и не скрывала гордости и восхищения мужем. Солёный не разделял восторга зятя и дочери.

– Награда не в диковинку тебе. От Демидова получил – раз, от Трегера – два... Может, и бригадирова награда такая же будет.

Фёдор трезвел от горьких слов тестя, умолкал. Но в душе не угасала робкая надежда. Не мог же бригадир при стечении всей комиссии бросать напраслины...

Приказчик, оставшись не у дел, круто изменил поведение. Против прежнего чаще заговаривал с работными. И разговор то был иным, почти душевным. В голосе слышались участие, тихое смирение. Фёдора дружески хлопал по плечу, пел утешительно:

– Потерпи чуток, не за горами твоё второе счастье. Его превосходительство на обещания скуп. У него слово – гранит. Коли пообещал – без заминки выполнит.

Как приказчик ни старался вырваться из власти мрачных предчувствий – не получалось. В глазах одно видение: живые, страшные неумолимой жестокостью картинки демидовской расправы. От недобрых мыслей овладевало малодушие. Всё чаще рождалось греховное и навязчивое искушение – наложить на себя руки. Но смерть без исповеди и святого причастия страшила.

Перед наказанием Демидов отпускал грехи виновному. На всякий случай. Бывало, человек не выдерживал и половины того, что причиталось от щедрого хозяина, испускал дух, но приобщался к царству небесному молитвами священника.

Чёрная окалина тоски-кручинушки обволокла сердце приказчика. Пожух он, как степная трава в стойкое бездождье, ниже пригнулся к земле...

Пустела Колывань. Весной, после посадки в огородах, Христиани отправил всех заводских работных добывать руды на Семёновский и Пихтовский рудники. Лишь Фёдор и Солёный остались дома в награду за заслуги перед комиссией.

Фёдор и на час не расстался с Феклушей. Вместе работали на огороде, часто выезжали к склонам Синюхи, чтобы нарубить молодого пихтача для изгороди. И Фёдор, сидя в повозке, тесно прижимался к Феклуше. От близости к ней зримая громада гор Фёдору казалась такой же невесомой, как погожее ласковое небо.

Дорога нырнула в густой сосновый подлесок. Здесь стояли крепкие запахи разогретой смолы, прелой хвои. Тянул приятный освежающий холодок. Над подлеском густые шапки – кроны вековых сосен. Тихо. Под колёсами повозки, как на костре, потрескивали посохшие ветки. Совсем близко весело журчал родник.

На повороте дороги лошадь неожиданно остановилась. По её тревожному всхрапыванию Фёдор предположил: «Может, зверь...» – и прислушался.

Сквозь гомон родника донеслись сдавленные хрипы и смолкли. Фёдор спрыгнул с повозки и, наказав Феклуше крепче держать лошадь, метнулся в сторону от дороги.

На небольшой полянке – кряжистая сосна. Из густого сплетения корявых сучьев туго натянутой струной спускалась верёвка. Из стороны в сторону, вздрагивая, раскачивалось чьё-то тело. «Успею спасти...» – мелькнула мысль. Мгновение, и Фёдор оседлал сук. Резкий взмах топора. Человек мешком упал на землю. На помощь подоспела Феклуша. Вдвоём оттащили неостывшее тело к роднику. Долго и старательно качали за руки и за ноги. Наконец человек вздохнул, раскрыл глаза. Опамятовавшись, узнал Фёдора, со строгой укоризной спросил:

– Пошто из петли вытащил? Не затем туда лез, чтобы снова зреть белый свет. Что доброго тебе сделал?

То был приказчик. Он наотрез отказался вернуться в Колывань. Тогда Фёдор пригрозил:

– Силой возьму. По рукам и ногам свяжу. Всему народу объявлю о твоём позоре. Поедешь – я и жена будем немые, как скалы. Никто никогда не узнает, что было на полянке.

Угроза ли подействовала, жажда ли жизни охватила после короткого беспомыслия, но приказчик сдался, покорно вскарабкался на воз...

Через несколько дней Сидоров шумно влетел в избу к Фёдору. От довольной улыбки на потном лице наполовину стёрлись морщины.

– Спасибо, Фёдор, что к жизни вернул старого дурня! Письмо из Невьянска получил. Хозяин наш, батюшка Акинфий Демидов, царство ему небесное, преставился... помер волей божьей.

Приказчик, насколько мог, соорудил скорбное лицо, полушёпотом зачистил:

– Пишет вдова покойного Евфимья... Колыванские заводы и рудники отходят под высокое монаршее начало. В бесплодных хлопотах оставить их за собой наш батюшка Акинфий Демидов вконец извёлся душой. Занедужил крепко, затосковал, и пришёл конец земным заботам...

Сидоров отдышался и перешёл на деловой тон:

– Наказывает мне Евфимья: накрепко следить, чтобы при передаче строений и имущества какого-либо утеснения в оценке не последовало со стороны посланных императрицей лиц. Печётся вдова о своих сыновьях, наследниках покойного.

Фёдор никогда не видел Демидова, лишь был наслышан о его неумной лютости. Сейчас в душе Фёдора не было обиды на Демидова за неполученную награду. Стерли её время, женитьба на Феклуше, заверение Безра.

Фёдору не понравилось, как притворничал, юлил приказчик, когда говорил про смерть хозяина.

– Видать, рад, Мокеич, что хозяина не стало?

– Что ты, что ты! Такое грех в мыслях иметь, не то что вслух высказывать! Покойный для меня что отец родной был: и пригрозит, и уму-разуму наставит, и в усердьё не оставит незамеченным. Царствие небесное ему.

Фёдору стало смешно от мысли, что приказчик, кажется, и мёртвого хозяина боится.

– Жидок на расправу ты, однако, Мокеич! Тонковата кишка у тебя.

Приказчик про себя думал: «Ишь ты, бестия, как в воду смотрел. Дошлый, да без хитрости... Ещё раз царство небесное благодетелю нашему. Теперь свою смертушку приму без плёток и огненных пыток, как есть через исповедь и святое причастие в могилу слягу... Да посмотреть надобно – не совсем потерянный я человек. Авось пригожусь и новому хозяину. А тогда-то и не грешно пожить ещё десяток-другой годков. Не грешно...»

* * *

После случая на берегу озера Белого приказчик окончательно отстранил от плавильных дел Кузьму Смыкова и определил бергайером в самый отдалённый рудник. Лишь в редкие наезды Кузьма бывал дома. Приказчик не давал засиживаться. Через день-другой сердито торопил в возвратный путь:

– Хватит, хватит празднoлюбoвoвaть, возле бабы ужом увиваться. Баба не жбан с хмельным – никогда не изопьёшь досуха. Дело не ждёт. На рудник поспевай.

Приказчик прятал тайную ухмылку в прокуренной бороде и думал про себя: «Сама запросишь дождичка, ромашка полевая, коли не похочешь завянуть раньше срока».

Бесцветными казались Насте дни, когда приезжал Кузьма. Не мог он зазечь в её душе тёплого огонька, посеять надежду на счастье. Поэтому Настя не сокрушалась по поводу быстрого отъезда Кузьмы. Но и приказчику от того мало выпадало выгоды. Настя проплывала мимо него гордой, независимой походкой с едкими усмешками на лице.

Приказчик легонько и без удовольствия для себя разгадывал эти усмешки: «Не думай, что твоя взяла. Нет Кузьмы – не надо. Что не люб он мне, то верно. Но и тебе, старой хомутине, к моей шее не прикасаться...»

Настя становилась сдержанно-строгой. Не заливалась, как прежде, звонким, беззаботным смехом. К людям выказывала

грустное участие, спокойную предупредительность. И улыбка на лице Насти, если появлялась, стала особенной. Не вдруг рождалась, не сразу и исчезала. Она как бы подчёркивала теперь задумчивость и тихую грусть на душе.

Жизнь у Насти получалась нескладная. Всё выходило наоборот – не так, как думалось до замужества. Правда, за последнее время приказчик поостыл малость, отступился от назойливых домогательств. Но какая от того утеха?

Весной зашаталась последняя опора в жизни – тяжкий старческий недуг сбил с ног Ивана Белоусова. Неуёмными хлопотами, стараниями Настя почти на два месяца продлила жизнь в старческом теле.

Умер отец на руках Насти. Всем миром хоронили Белоусова. Каждый чтит память покойного скорбным молчанием.

Настя у родительского гроба не причитала жалобно, не проронила и росинки. Лишь в кровь искусала губы. От невыплаканного горя сердце придавила свинцовая доска, язык будто кто пришил к нёбу кованым гвоздём.

Крепко подсекла Настю смерть отца. Беспросветнее стало страшное одиночество. И в который раз Настя подметила, что единственной отградой души остаётся Фёдор. Пусть недостижимый, но со смертью отца пуше прежнего дорогой и близкий сердцу.

Настя ни на что не рассчитывала, ничего не преследовала. Ей просто хотелось видеть Фёдора, чтобы развеять тоску, взбудоражить душу несбывшейся, но сладкой мечтой. На какое-то время. После становилось ещё труднее. И поэтому Настя искала частых встреч. Познакомилась с Феклушей, нередким гостем бывала в доме Лелесновых, подолгу засиживалась.

Феклуше понравилось в Насте прямодушие, привлекательная внешность. Настя в свою очередь при первой же встрече с Феклушей подметила мягкую задушевность в обращении, подкупающую откровенность и простоту характера. Постепенно молодые женщины привязались друг к другу, будто и не стоял между ними любимый обоими человек.

В начале знакомства Феклуша и Настя решили вместе мять, трепать лён, готовить пряжу на холст. И вдруг Настя перестала глаз являть. Феклуша, не на шутку встревоженная, пошла к Смыковым. Оказалось, Настю приковал к постели простудный недуг, который подхватила в последней поездке в лес за дровами хлюпким осенним днём.

– Ничего, поправишься, – утешала Феклуша и зачастила к Смыковым – иной раз с какими-либо лекарственными зельями, а то и просто наведать больную.

Настя же, как только твёрдость в ногах обрела, пришла к Феклуше.

– Садись, Настенька, к столу. Как хорошо, что пришла. Шаньги, поди, в самый раз допеклись. Сейчас высажу, – в голосе Феклуши – искренняя радость.

Подруги долго и молча сидели за столом. Лишь изредка Феклуша потчевала гостью.

– Шаньги не чаем, а горячим молоком запивай. Против простудной хвори хорошо помогает.

Растроганная Настя прятала тепло своих глаз под длинными ресницами.

Встали. На прибранный стол Феклуша бросила тугую скатку холста. Раскрутив, отмерила половину и запросто сказала:

– Возьми. Это твоё. Хороший холст получился.

До болезни Насти у подруги и наполовину не была готова пряжа. И вдруг холст, тонкий и отбеленный – почти подобие бумаги.

– Как же я возьму? Ты же одна сработала. И когда успела только?

– А ты, голубушка, не спрашивай. Сделала – значит хорошо, – ответила Феклуша и совсем строго добавила: – Не вздумай отказываться. Без упрямства у меня чтобы... Чай, ты не на вечеринках хороводилась, а хворью скована была.

Настя почувствовала, как подступивший к горлу ком преградил путь словам, как наливались слезой, тяжелели ресницы. Разревелась бы Настя, да Фёдор пришёл. Феклуша принялась собирать на стол, позабыв обо всём остальном. Настя смотрела

на них со стеснительной улыбкой. Два чувства боролись в ней: и радость за счастливую подругу и чёрная зависть. Потом, спохватившись, поспешно распрощалась.

– Бывайте здоровы! Наговорила два короба, от дела хозяйку отвлекла. За то простите... к нам ходите.

Появление первенца – сына Феклуши – Настя встретила так, будто сама стала матерью. Теперь ещё чаще забегала к подруге, помогала ухаживать за ребёнком и не удерживалась от слов восторга:

– Надо ж такому быть! Капля в каплю отец! Крутолобий и глаза, как погожее небо, голубые-преголубые и ласковые.

Феклуша совсем растрогалась, когда Настя принесла младенцу одежду, связанную из пуха дикой козы.

...Кончалось лето. В зелени колыванских огородов всё чётче проступала спелая желтизна.

Настя реже заглядывала к Феклуше. На огородах – настоящие людские муравейники. Семьи работных убирали лён, коноплю, резали и молотили подсолнух.

* * *

У Смыковых всем хозяйством верховодил отец Кузьмы Савелий. В горную работу он не ходил – за шестьдесят пере-

валило. Но в доброй силе и удал ещё человек, высок ростом, корпусом прям, как строевая лесина. Золотистая борода с тонкими серебряными проростями придавала сходство с петухом. Из-под густых бровей – соломенных навесов – смотрели живые, плутоватые глаза. Крут характером Савелий, в крепком кулаке держал семью. И обличем и душой Кузьма не вышел в отца, а походил на свою мать – женщину малорослую, болезненную, робкую.

В нескольких верстах от Колывани, на лысых косогорах, Савелий заседал около двух десятин ржи. Пришла пора валить тучную ниву. Савелий сказал жене:

– И без Кузьмы, вдвоём с Настей справимся. Готовь, мать, харч дён на десять...

Работали не разгибая спины до самой вечерней росы. Савелий любовался снохой. Настя держалась легко и свободно. Только еле заметное упругое покачивание корпуса подтверждало, что она работает, а не застыла в одном положении. На лезвии серпа, едва успев родиться, потухал солнечный всплеск. И думалось Савелию, что чрезмерно счастлив его незадачливый сын, даже занималась лёгкая зависть.

И у костра Настя хлопотала так, будто дневная усталь не для неё. Варила крупяной суп на бараньем сале, кипятила чай с диким смородинником. После ужина она взбиралась на высокую телегу. Приятно растянуться на постели из тугих пластов свежескошенной, ещё не посохшей душистой травы. Лёгкая истома разливается по уставшему телу, смежает веки.

Но Настя не спит. Внизу, одолевая каменные завалы, ворчит Локтевка. С приречной луговины доносится перепелиная перекличка, похожая на бульканье воды, истекающей из посуды через тесную горловину. Искрит, лучится полнозвёздное небо. Из-за леска выкатывается полная луна, на небе более чётко отпечатываются чёрные вершины и зубчатые хребты гор. Казалось Насте, что она маленькая, неприметная букашка в этом огромном мире. И что она сливается с этим миром, растворяется в нём и уже не может ни двигаться, ни думать, охваченная желанным покоем.

Проснувшись от прикосновения чьей-то руки и сразу же при лунном свете узнала свёкра. По его лицу блуждала непонятная улыбка.

– Спишь, Настасья? Малость призамерз... Хотя и в шалашике, а прохладно... На земле ведь...

И вдруг Настю прожгла догадка: «Как есть второй приказчик». Она резко оторвала от постели голову.

– Лежи, лежи! Чего всполошилась-то? Не обессудь уж... С тобой прилягу... вдвоём куда теплее.

Не успела Настя произнести слова, как свёкор оказался рядом с ней. Сильной рукой уложил обратно, крепко облапил, заворковал нежным голубем:

– Гляжу на тебя, Настенька, и сердце кровью обливается! Маешься, сердешная, без мужика. Кузьма не по тебе. Мужского проку в нём на грош, не более. Тебя бы мне в жены смолоду... а уж сейчас-то для меня ты желаннее света белого.

Распаляясь, свёкор придвинулся вплотную.

Настю колотил мелкий озноб не от испуга, а от приступа злобы. Она отчаянно рванула свёкра за бороду и соскользнула с телеги с горстью волос в крепко сжатых пальцах левой руки. Правой схватила серп. На его острие холодно заблестел лунный свет. Понял свёкор, что дал маху, и затаил другую песню:

– Шальная ты! Ить так это я... шутки ради... Кто другой, а я теперь накрепко верю: верная ты жена сыну моему. Что про приказчика сплетничают – пустая брехня. Ложись на место да полог натяни. Не за горами утро, на рассвете холодно.

Скрывая боль, свёкор слез с телеги, укрываясь в шалаше.

Настя бесшумно прошла через кусты, выбралась на торную тропинку и была такова. С восходом солнца пришла в Колывань к Феклуше. Та хлопотала на огороде и немало удивилась ранней гостье.

– Ай что страшное случилось?

Настя рассказала без утайки. В первый раз за свою жизнь дала полную волю слезам. От слёз и от участия Феклуши легче стало на душе.

– Пожалуйся в комиссию! Непременно. Пусть отстегают старого блудня.

Свёкор уже был дома. Увидел, как Настя шмыгнула в амбар, и туда же следом. Начал сердито укорять:

– Пошто сбежала? Ай на пашне дел нет! Нехорошо так... Ежели старуха спросит, отчего раньше сроку приехали, говори: малость занедужила. Поняла?

С этим свёкор вышел из амбара. Когда его жена Марфа ушла к соседке за ситом, снова вошёл. Настя лежала на жёстком топчане, угрюмая, молчаливая.

– Чего насупилась-то? – И вдруг голос свёкра ласковее стал. – Нехорошо, Настасья, на старших колючки выставять! Почитать надобно старших, потому как они делами и рассудком достойнее молодых. Смирись со мной. Не худа желаю... – Свёкор снова опалил её жарким дыханием, мял, тискал в жёстких, медвежьих объятиях.

На этот раз опасность придушила Настю. Глаза застлала слёзы. Пыталась кричать о помощи, но из горла вылетали сдавленные хрипы.

Свёкра образумил удар поленом по голове. Сзади стояла Марфа, растерянная не столько от того, что увидела, сколько от небывалой собственной дерзости: впервые подняла руку на своего владыку. Смыков выпрямился, огрызнулся:

– С ума спятила? Настю для порядку наказываю. Убёгла самовольно с пашни. Хозяин я в доме али нет?

...Настя, вняв совету Феклуши, отважилась подать жалобу на свёкра. Сержант Заливин, что находился при комиссии, устроил грозный допрос Савелию.

– Правда, что сноху понуждал к прелюбодеянию? Смотри у меня, чтобы не врал, не то веку не доживёшь...

Савелий замахал руками, сделал обиженное лицо.

– Какой там снохач из меня! Поклёп на старика возводит оттого, что в спросе по семейному делу строг. Ленивка снохато, отрецивается от работы.

– Не крути, старый, хвостом! Вижу: в силе ты ещё и мимо такой бабы не пройдёшь без зацепа... Отвечай.

Савелий понял, что не уйти запросто от сержанта. Вынул из-за пазухи заветную тряпицу, зубами узелок развязал, достал десятирублёвик.

– Возьми, служивый. Видит бог, я ни в чём не повинен. Сделай милость, прикажи сноху по всей строгости наказать за пустую охулку. Сил моих против неё нету...

Сержант сразу смягчил тон. Упрятав подалее деньги, написал протокол допроса, угодный Савелию, зачитал вслух.

– Доволен, старина?.. То-то же!.. Да, да, чуть не запаматовал. Возьми, – сержант отдал клок волос – единственную улику против Савелия, приобщённую Настей к жалобе. Потом мудро присоветовал: – Бороду промой горячим щёлоком. Просохнет и распушится, как спелый ковыль, просвета не станет видно. Ступай с богом.

Вечером, перед самым заходом солнца, барабанный бой согнал колыванцев на взгорок, к центральному бастиону крепости. Сержант долго читал бумагу собравшимся. Язык запинаясь о мудрёные слова. Выходило по бумаге, что Савелий прав, а Настя виновна в ложном наговоре.

Два солдата под руки вывели Настю из бастиона, остановились. Два других, не усердствуя слишком, принялись хлестать плетью. Настя не вздрогнула даже, отведая двадцать ударов, будто не её хлестали. Пронзительный голос вернул Настю к действительности:

– Пошто, ироды, хлещете невинную? Где правда-то?!

Перед сержантом стояла, еле переводя дух, Феклуша. Она только что прибежала сюда из дому. Сержант с издёвкой спросил:

– Ты что, на пашне с ней была? Коли нет, отваливай в сторону, не то заодно плетей отведаешь.

* * *

Вторично Беэр ехал на Алтай довольный. Теперь не думалось об опасной тяжбе. Больше года лежал в могиле Акинфий Демидов. Вдова Евфимья и её сыновья – наследники имущества покойного – в расчёт не шли. Тяжба – не их ума дело.

Да и тягаться бесполезно. В дорожном лапце Беэр вёз новый указ Елизаветы Первой, недвусмысленно гласящий:

«Те заводы и прочее на Иртыше и Оби реках и между оными все строения, какие обретаются заведённые от помянутого Демидова со всеми отведёнными для того землями... и мастеровыми людьми, собственными его Демидова и с приписными крестьянами указами мы повелели взять на нас...»

Для управления создавалась канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства. Её начальником, или главным командиром, назначался Беэр.

Важничал бригадир, когда уезжал из Петербурга. И было отчего. Выше многих сановников вознёсся. Теперь ему нипочём генерал-губернаторы, министры. Во всех делах через кабинет министра или управляющего царским кабинетом сносился с самой императрицей. Могущественным владыкой ехал Беэр на Алтай. Сообразно этому и в пути вёл себя.

Стояло короткое, но жаркое сибирское лето. Скука и зной невыносимый в безбрежной Барабинской степи. Четыре дюжих солдата исходили потом, большими опахалами гнали прохладу на разомлевшего бригадира.

Когда не помогало это, прибегали к иному средству. В Барабе воды не занимать – великое множество озёр больших и малых. Солдаты стягивали с бригадира дорожный мундир, бадейками плескали прогретую солнцем воду на массивное, с салными оплывами тело.

Беэр спешил. Чтобы не приключилось какой заминки, высылал конных нарочных на очередной почтовый станец. Там к его приезду стояли свежие ямские тройки.

От Кривошеково до Барнаульского завода места несравнимы с Барабой. Густые сосновые леса источали терпкие и здоровые смолистые запахи. Часто лес расступался, обегал просторные поляны. В приречных долинах – настоящие скопища чернстволых корявых ветел. Заросли тальника густели у берегов рек, неотрывно любовались своим отражением в речной глади. Беэр впервые в летнюю пору ехал по этим местам и искренне восхищался дикими красотами.

На Барнаульском медеплавильном заводе взор Беэра приковал красавец-пруд. С двух сторон к нему подступала синяя кайма нетронутого соснового леса, с третьей высился крутояр. Вниз по его склонам сбегали густые поросли черёмухи и акации, калины и боярышника. Настоящий живой заслон. Над согретым прудом струились тонкие испарения. В их дымке дрожали, ломались сочные камыши, разбросавшиеся небольшими островками по воде.

Беэр твёрдо решил: надобно терем поставить здесь. Быть сему заводу центром Кольвано-Воскресенской округи.

С приездом Беэра в Кольвани дробно затрещали барабаны. Работные со своими семьями стекались к бастиону. В нетерпеливом ожидании боязливо ёжились, вполголоса переговаривались. Беэр вошёл на высокий дощатый помост торжественно, в сопровождении свиты горных офицеров. Он подал знак рукой, и наперёд выдвинулся секретарь комиссии Василий Пастухов, бойко прочитал указ императрицы. Слова ударами бича ложились на головы молчавшей толпы, оттого она теснотилась, сбивалась в плотную кучу. Сердце подсказывало работным: не жди перемены к лучшему.

Секретарь кончил читать. Снова треснули барабаны.

Когда Беэр с офицерами скрылся с глаз, работные зашевелились, наперебой загалдели:

– Как же теперь-то будет?

– Может, в работе послабление настанет?

– Матушка-заступница, поди-ка, не даст в обиду нижайших рабов своих!..

По домам расходились возбуждённые, озадаченные указом. Солёный начистоту выложил Фёдору то, что думалось.

– Были демидовские – стали государевы. Вот у тебя две руки. В одну возьми ветку шиповника, в другую – боярышника. Сожми крепко. Обе руки в кровь исколешь. Не ровен час, под высоким монаршим началом может потяжелее станет работным-то. Нет никого выше матушки-императрицы, и жаловаться на неё некому. Голос работного до неё никогда не дойдёт, посохнет, как ручеёк в пустыне...

Беэр со свитой выехал на Змееву гору. Христиани согнал сюда не одну сотню работных. Прежде чем сорвать печати с комисских разносков, отец Мефодий совершил обряд клятвенного обещания на верность государевой службе. Работные выстроились плотным кругом у чёрного провала шахты. Поодаль стояли горные офицеры с обнажёнными головами. Впервые видели и слышали такое седые камни, исконные обитатели Змеиной горы. Чудаки когда-то шарились тут без всяких церемоний.

Торжественный бас отца Мефодия безжалостно ломал тишину:

– Аз, нижепоименованный... – затем следовала небольшая пауза, чтобы работные, каждый про себя, произнесли имена – ...обещаюсь и клянусь всемогущим богом и перед святым евангелием...

Хор голосов повторял сказанное. От страшной клятвы колючий холодок обволакивал сердце. От предчувствия недоброго мрачно и тоскливо становилось на душе. А священник не переставал трубить, вселял страх и покорность в людей.

Замолкло последнее «аминь». Из сотен грудей вырвался откровенный вздох облегчения, освежающим ветерком прошуршал по щербенистым склонам.

Под конец отец Мефодий закатил проникновенную проповедь для полного порядка в таких важных делах, как начало работы в интересах самой государыни. Подавленные работные угрюмо смотрели в шахтное жерло, будто стояли на краю могилы.

Потом говорил Беэр, медленно, с растяжкой, старательно вдалбливал каждое слово в головы работных, часто повышал властный голос. В прищуренных глазах, в опущенных уголках губ работные улавливали нескрываемое презрение к ним. Зимней стужей тянуло от бригадировой речи.

– Надлежит вам выказать раденье в работе на пользу ея императорского величества. За нерадение и лень с вас взыщется сполна. Никто да не дерзнёт ослушаться воли начальников своих! Своевольников, воров и их укрывателей ждут самые

тяжкие кары. Поможет бог вам в труде для блага и процветания нашей благодетельницы императрицы! С богом на работу!

Зашевелилась и распалась толпа. На свои места стали офицеры и доглядчики. Работных разбили на несколько групп. Одни спустились в шахту, другие остались наверху для устройства подъёмных воротков, дробления поднятого из шахты камня.

По-волчьи клацали железные молотки, скрежетал, как живой, сердился на людей крепкий, упругий камень, глухо стучали по дереву топоры, шаркали пилы.

Всю смену Безр безотлучно просидел возле работных в тени парусинового навеса. От блеска самородных металлов сладко жмурил глаза. «Сия гора – природный кладёзь, – думал он. – Богатства несметные. Через успешную добычу металлов государева милость сама собой придёт. До генеральского чина – рукой подать. Надобно поспешить в работах...»

На другой день Безр собрал горных офицеров и строго приказал:

– Выдайте работным голицы²², чтобы мозолей меньше набивали. За смену каждому из них набирать по рукавице самородных металлов.

Нелёгкий урок задал бригадир. От зари до зари содрогалась гора от взрывов. Непрерывной дробью сыпались удары молотков. В собственном поту купались работные, а при сердитых окриках доглядчиков всё же набирали без мала по полной рукавице золота и серебра.

Ехать бы Безру в другие места горной округи по неотложным делам, да сил не хватало оторваться от чародейки-горы. А тут, как нарочно, подвернулся случай, чтобы задержаться на несколько дней.

Богатства Змеевой горы зажигали огоньки и в глазах работных. Одни думали про себя: «Полрукавицы, пожалуй, хватит на обзаведение одежкой и на прибавку к харчу не на один год». Другие смелее дерзали в мыслях: «Утаи добычу за три-четыре дня,

²² Голица – кожаная рукавица без подкладки.

и крылья вырастут. Лети вольным орлом в степь к киргиз-кайсакам или в царство бухарское. Живи, как душа просит, о хлебе-соли не думай, не изводи себя постылой горной работой...»

Но как подступишься к земным сокровищам? Неусыпны строгие доглядчики. После шабаша, перед уходом с горы, у работных не то что одежку до ниточки прощупывали, а и в волосах, в складках кожи шарили, в рот и непотребные места заглядывали...

Ваське Коромыслову и двадцати лет не минуло, а в бергайерах ходил три года. Не велик ростом, но силой не обижен Васька. К тому же голову имел светлую и способную на выдумки. Не захочет работать Васька – никто не заставит. Любого проведёт. Как-то на Пихтовском руднике долотом и кайлой откалывал от стен забоя руду. К концу смены и половины урока не выполнил.

Доглядчик подошёл, зло набросился:

– Ты што, волчья отрава, так робишь? Где твоя руда?

Васька, словно не его касалось, спокойнѐхонько отвечивал:

– По крупнице руду ковыряю. Ишь порода-то какая слабая. Обвалу как бы не вышло...

– Брешешь ты, негодник. Порода тутошняя кремню под стать.

Доглядчик не из слабых был. Со злом схватил увесистый молоток, что есть силы шарахнул по стенке забоя. Вниз сорвался многопудовый камень, за ним со звоном потекла мелкая каменная россыпь. Доглядчик с матерной бранью едва успел отпрянуть в сторону. Не знал, что несколько дней Васька подкалывал камень со всех сторон долотьями и клиньями и оставил его висеть на ниточке, а чтобы незаметно было, все щели забил мелкой щебёнкой.

Доглядчик снял Ваську и поставил в другой забой, где руду добывали шурфованием: сверлили дыры, в них вставляли пороховые запалы и взрывали. На другой день приказчик пришёл и едва не с кулаками набросился на Ваську.

– Ты смеёшься, мерзавец! Пошто урок не выполнил?

А Васька в ответ говорит:

– Порода тутошняя крепче железа. Взрыв не берёт её.

Для примера заложил в запальные дыры порох. Взрыв вышел резкий и хлёткий, как из мушкета. Только камень в стене недвижим остался.

Доглядчик долго придирался к работе. Вроде всё идёт по порядку. Запальные отверстия глубиной подходящие, проделаны где положено. И всё же убрал Ваську за неспособность и неудачливость с подземной работы.

Васька, как вылез наружу, от радостного смеха захлебнулся. Летнее солнце приятно опалило лицо. Воздух чистый, сухой – не то что в подземелье. И дыши им сколько хочешь, вволюшку.

Доглядчик так и не догадался, что Васька лишь половинную часть пороха закладывал, оттого и камень не крошился.

На поверхности горы Васька работал не хуже других. Но те, кто поверил, что он утихомирится потому, что попал на глаза высокому начальству, просчитались. Васька брал дальний прицел.

Однажды в полдень, проходя мимо, доглядчик заметил, что Васькин кадык часто и судорожно бегаёт. Будто кто душит Ваську за горло. Доглядчик смолчал, спрятался за спины работающих и стал исподтишка наблюдать.

Васька легко выдал себя. Выдернул из голицы руку, вроде хотел пот с лица смахнуть. Доглядчик сейчас же узрел, как что-то блеснуло и погасло в раскрытом Васькином зеве.

И так несколько раз...

После смены Ваську в компании нескольких рабочих привели к лекарскому ученику. Тот старательно прощупывал, мял тощие животы. А к Ваське будто прилип. Налил полную глиняную кружку чего-то жидкого сказал:

– Болезнь в животе у тебя. Испей до дна, всё пройдет.

Васька покорно выпил и было задал тягу. Три солдата и доглядчики стали поперёк дороги.

– Не спеши! Приказ его превосходительства бригадира Беэра – сидеть здесь всем час-другой.

Васька сидел и удивлялся: зачем понадобилось поить его какой-то солоноватой водицей? Хотел других спросить, поены ли они, да вдруг нестерпимо поманило в кусты. И снова перед Васькой солдаты.

– Куда же мне... в ладошки? – слёзно взмолился Васька.

Солдаты вывели его из лекарской палатки, указали на большой деревянный ушат.

– Сюда велено...

Вслед больше никто не выходил. Понял Васька, что только его одного напоили зельем, остальных работных в палатку приводили просто для виду. Заметался, как угорелый, от неумолимой догадки: «Выходит, и золотишко из брюха вынесло?..» Васька было бросился к бадейке, услужливо предложил:

– Давайте, служивые, отнесу подальше и выплесну!

– Велено в целости оставить, – холодно отрезали солдаты и повели Ваську к самому Беэру.

Никогда в жизни Ваське не случилось стоять перед таким высоким начальником, потому немало сробел от холодного пронизывающего взгляда Беэра.

– Говори, мерзавец, сколько покрал золота из урочных добыч. Куда припрятал? Да без утайки у меня ответствуй!

Васька в ноги упал, притворно запричитал:

– Нешто моего рассудка такое дело, как золото красть. Куда оно мне, золото-то? Для меня одна утеха, когда пузо набито...

Беэр к самому Васькиному носу поднёс кулак.

– Сказывай, сколько металла пропустил через свою поганую утробу.

Тем временем солдаты внесли бадейку, промытую дочиستا. На чёрном необсохшем доньшке поблескивала золотая крупа. Прямая улика налицо. И всё же Васька стал гнуть своё.

– Какой прок золотом брюхо набивать! Чай, не хлебушко с мясом... А если и оказалось у меня в брюхе, так, может, с хлебом или водицей по недосмотру попало.

На другое утро, как и полагалось, перед работой Ваську наказали с отменной строгостью и парадной торжественностью. Сам Беэр огласил Васькину провинку. Читал бумагу так, что под рубахи работных будто лезли злые муравьи.

Поначалу Васька крепился под плетьюми. Даже не шелохнулся. Потом стал вздрагивать мелко и часто, всем телом. Дважды, после обливания ключевой водой, приходил в чув-

ство. В третий раз вода не помогла. Солдаты побросали плети. Ваську уволокли в лекарскую палатку.

Солёный шепнул на ухо Фёдору:

– Монаршее начало, пожалуй, покрепче демидовского. Не жилец после такого побоя Васька. Если и очухается – железы²³ кости перегрызут, как лютые дворовые псы.

Фёдор не сразу нашёлся, что сказать в ответ. Потом возразил тестю:

– Никто не заставлял Ваську глотать. Другие того не делали и под плети не угодили.

С нескрываемой укоризной Солёный поглядел на Фёдора.

Через несколько дней Беэр увидел Лелеснова. После минутного раздумья поманил к себе пальцем:

– Пойди сюда. Ты мне нужен, штейгер.

Из слов бригадира Фёдор узнал, что его ждала немалая награда не от кого-либо иного, а от самого барона Ивана Антоновича Черкасова, управляющего царским кабинетом. Беэр тут же наказал капитану Улиху, которого назначил управляющим Кольвано-Воскресенским заводом:

– Штейгера пошлите ко мне на Барнаульский завод.

В Барнауле Беэр встретил Фёдора радушно. На лице расцвела приветливая улыбка. Разговаривал мягко и вкрадчиво. Казалось Фёдору, что не высокий и важный начальник перед ним, а давнишний и близкий друг.

Беэр для гостя приказал отвести лучшую комнату в заводской канцелярии. Туда поставили деревянную кровать с высокими спинками, украшенными замысловатой резьбой, стол, накрытый атласной скатертью, серебряные подсвечники и посуду. Пол испестрили тончайшей работы и ярких красок половики. На стенах – картины из жизни святых апостолов, в углу – икона святой пречистой девы Марии в новой позолоте. Убранство комнаты завершали четыре массивных мягких кресла. На верху спинок ощерили пасти невиданные чудовища. От непривычной обстановки Фёдор онемел.

²³ Железы – кандалы.

Вечером Беэр по русскому обычаю обильно потчевал гостя. Фёдор понял, отчего хозяин так тучен телом: ел и пил за пять-рых. Два денщика еле успевали подносить посуду с новыми яствами, убирать порожнюю.

От съеденного и выпитого Беэр обмяк, на лице сладкая истома. Встал с места и повёл Фёдора в угол обширной горницы.

Поднял тяжёлую крышку кованого сундука, вытянул меховую шубу, потряхнул, как на торге.

– Горностаевая. Белее первого снега. Аж искрит, когда горят свечи. Со своего плеча жаловал тебе его сиятельство барон Иван Антонович Черкасов. Такая по плечу самому именитому сановнику.

Затем Беэр достал кожаный мешочек с узорчатым тиснением, встряхнул. Послышался мелодичный звон.

– А это пятьсот рубликов серебром... тебе же от его сиятельства.

После того Фёдор три дня жил при Барнаульском заводе, приглядывался к заводскому действию, ходил в избы знакомых работных, совершил лодочную прогулку по заводскому пруду. А затем Беэр снова вызвал Фёдора к себе.

Не хлебосольствовал на этот раз, холодно и сдержанно заговорил:

– Езжай обратно, штейгер. Награду твою берусь сохранить. Тебе, обязанному человеку, сии богатства сейчас ни к чему. Когда хворь одолеет или иная неспособность к работе приключится – всё получишь сполна. Понял?

Беэр вручил пакет на имя Улиха.

– Отныне быть тебе при вновь открытом Змеиногорском руднике, сыскивать руды окрест.

Отсчитал Фёдору тридцать серебряных рубликов из положенной награды для домообзаведения на новом месте...

* * *

Ожила Змеева гора. Люди ломились в её каменную утробу. Непрестанно гремели пороховые взрывы. От ударов кайлами, железными балдами и ломami в подземелье стоял унылый,

однотонный звон, казалось, там проходили тысячи кандалников. Из Комисской шахты по рудному телу лучами разбежались в разные стороны горизонтальные выработки – гезенги²⁴ и квершлагги²⁵.

Несколько поодаль, по приказанию Безра, закладывались другие шахты и шурфы²⁶, образовался новый разнос – Большой. В нём предстояли самые важные работы по добыче руд. Со стороны речки Змеевки в крутом боку горы долбили штольню Подрядную. Начиналась она в крепком синевидном камне.

Глаза бергайеров слепли от густого и колючего каменного дождя. Лишь в глубине горы проходка становилась легче, потянулась по более мягкой серовидной серебряной руде со свинцом. Штольня подходила к одной из крупных шахт Большого разноса, которой присвоили второй номер. По штольне в Змеевку стекали подземные воды. В штольню поступал свежий воздух через специальные колодцы – лихтлохи, пробитые с поверхности горы.

Рядом с Комисской шахтой на восточном отлогом склоне горы возникла деревянная крепость, с казармами на углах для солдат, центральной башней и воротами под ней на крепких запорах. Снаружи, вдоль крепостных стен, ощетинились деревянные рогатки. Внутри крепости разместились помещения основных служб, в том числе и светлица для письменных дел.

По берегам речки Змеевки сгрудились избы семейных, казармы одиноких бергайеров. Стояли они, окружённые домами гренадёров и солдат, что несли караульную службу при руднике.

На левом берегу речки построили другую лёгкую крепостцу – мазанковую. Её стены и строения отлиты из глины

²⁴ *Гезенг – подземная выработка, не имеющая выхода на земную поверхность, предназначенная для обслуживания подземных работ.*

²⁵ *Квершлаг – горизонтальная, реже наклонная, подземная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода на земную поверхность. Предназначается для вскрытия полезного ископаемого, транспортирования грузов, а также для передвижения людей, вентиляции, стока воды.*

²⁶ *Шурф – подземная горная выработка для разведки ископаемых, вентиляции, взрывных работ, проходящая непосредственно с поверхности земли и имеющая небольшую глубину.*

в смеси со щебнем. В летние месяцы здесь квартировали военные служители и бессемейные бергайеры. Много рабочих людей, одиноких и семейных, переселили по приказанию Беэра к Змеевой горе с других рудников и из Колывани.

Новое начальство стало заводить строгие порядки на руднике. Дважды в сутки – когда только брезжил рассвет и когда угасал день – у крепостных ворот басовито гудел колокол, возвещающая о начале и конце работ. Перед утренним зовом колокола горные офицеры выстраивали рабочих в шеренги для проверки и нарядов на работы – раскомандировки. Начиналась тщательная проверка. Того, кто опаздывал в строй, немедля наказывали. На первый раз вполонину урезали время обеденного отдыха. Не помогало это – отпускали по десять-двадцать плетей сразу же, перед началом работ.

В праздничные, свободные от работы – «гульные» – дни рабочие не знали отдыха. И получалось это оттого, что однажды Беэра на Змеевой горе едва не ужалила чёрная гадюка. Не к чести мундира, лицо бригадира от испуга стало мраморным. Опамятовавшись, он приказал:

– Сих гадюк рабочему, свободному от работ, и его домашним убивать за день каждому не менее пятидесяти...

С тех пор вместо отдыха рабочие со своими семьями шарилась по склонам горы, вооружённые хлесткими прутьями. Убитых змей приносили к воротам крепости. Доглядчик принимал добычу строго по счёту и делал надлежащие отметки в списках. С окончанием побоища вспыхивал жаркий костёр. На нём словно оживали мёртвые змеи, корёжились, скручивались, сгорали. Священник служил благодарственный молебен и отпускал истребителям по сорок грехов за каждую убитую змею. Случалось, что от змеиных укусов кончались люди, чаще всего неосмотрительные дети. Тогда начальство справляло похороны за счёт рудника.

На руднике имелся вместительный рубленый дом – обычный, как и многие остальные. Но внутри его было натянуто полотно, исписанное образами святых. Дом назывался походной церковью Преображения господня. Здесь-то и совершалась торжественная, проникновенная служба за упокой душ, погиб-

ших в борьбе с «лютым змием». Трепетало, чутко вздрагивало полотно от сдавленных вздохов опечаленных прихожан.

* * *

Фёдор быстро прижился на новом месте. Недалеко от Карательной сопки вместе с Солёным поставил перевезённый из Колывани дом.

С приездом Фёдора с Барнаульского завода домашние воспрянули духом. Тридцать рублей – немалая подмога. Про остальные, что не получены, пока умолчал. Следовало ли говорить о том, что не в кармане?

А тут особенно горячая пора подоспела, и Фёдор отвлёкся от мысли о награде. На речке Змеевке ставили плотину. Речку перехватили щитами, сплетёнными из упругого и прочного хвороста. Крестьяне, приписанные к руднику для горных работ, на сотнях подвод подвозили глину со щебнем, ссыпали между щитами, плотно утрамбовывали. От запруды всё дальше в стороны растекалась Змеевка. В воде тонули низкие корявые кустарники, приречные камни. Из пруда через узкие плотинные прорезы вода взахлёб била в старое речное русло по дощатым желобам. Ниже плотины воздвигались похверки – здания, в которых должны разместиться промывальная и толчейная фабрики. Прежде чем пустить руды в плавку, их дробили и промывали.

Вновь построенные на руднике сараи уже не вмещали добытых руд. Под открытым небом росли, поблёскивали на солнце рудные кучи.

Начальство спешило со строительством похверков. Сюда согнали жён и взрослых дочерей работных, ребят до шестнадцатилетнего возраста.

Целыми днями у плотины стоял неумолчный стук копровых баб²⁷ по прочным листовым столбам, стянутым в вершинах толстыми железными венцами. Фёдор работал на подъёмнике у копровой бабы. Пять человек ходили вокруг, держась

²⁷ Копровая баба – чугунная болванка в копре. Копёр – машина для забивания свай, состоящая из высокой деревянной рамы, вдоль которой движется по блоку на канате тяжёлая чугунная болванка (баба), опускающаяся на сваю.

за отводины привода. На барабан привода наматывалась толстая верёвка. По деревянным стойкам-салазкам двадцатипудовая баба медленно ползла до верхней точки, затем срывалась с крючка, била по столбу, который трещал, как на сильном морозе, мягко оседая.

Работа не из лёгких. Но у Феклуши потяжелее. В больших ящиках-творилах десятки женщин месили глину голыми ногами для выделки крепкого красного кирпича – пяточного. Из такого кирпича не то что стены строений, а и печи получались долговечные. Босые ноги по самые колени вязли в цепком месиве. Час-другой повыдергивай из него ноги, и пот по лбу и спине побегит ручейками. Глина же холодная-прехолодная. По костям ломота пробегает. Поэтому работницы давились затыжным кашлем.

Феклуша осунулась. Под глазами, будто отражения бровей, пролегли тёмные полукружья. Сдержаннее стала походка. На вопросы мужа и родных горячо отвечала:

– Пошто придумываете мне хворь! Ить хворому да увечному работа не по рукам. А я от других нисколь не отстаю.

Ночами Феклуша часто просыпалась, жадно пила холодную воду. В постели обжигала Фёдора сухим, колючим жаром.

Однажды Фёдор пытливо взглянул жене в глаза и твёрдо заявил:

– Робить больше не пойдёшь: чую, занедужила.

– Что ты, Федя! Пошто такое говоришь? Не лучше и не хуже прочих баб-то я, чтобы не робить. Не пойду – другие следом за мной откажутся. Вон Пелагее Белобородовой подавно от работы отстать пора: как жёрдочка стала. За неё всей артелью срабатываем. А мне работа нипочём.

– У остальных мужья тоже есть... пусть о жёнах пекутся, а я о своей... – Но Фёдор прикусил язык. Он ничего ещё не сделал, чтобы Феклуша не работала, и уловил в своих словах хвастовство.

Феклуша же продолжила начатый разговор:

– Кто же за жён робить станет?

– Кто, кто... мужья.

– Но мужикам свои уроки дай бог сробить.

На другой день Фёдор поймал самого управляющего рудником маркшейдера²⁸ Кузнецова, объявил просьбу о Феклуше. Маркшейдер сердито ответил:

– Глаз нету, что ли, у тебя? Разве не видишь, работы непочатый край, не одна твоя жена робит. И не проси...

Тогда Фёдор сказал:

– Что сто́ит урок жены, заплачу из своего жалованья.

Маркшейдер вспомнил про милость Беэра к Фёдору, смягчился.

– Ладно, быть по-твоему.

Вскоре на похверке зашумела жизнь. В толчейной фабрике гулко застучали рудодробильные песты. При дроблении руды в воде из неё частично удалялись мелкие камни и земля. Измельчённая руда поступала в промывальную фабрику. В заключение из руды вымывали в корытцах – зикертротах – зёрнышки самородного металла. Те, что залежали в слабых породах. Только после того руды-шлихи²⁹ увозили на Барнаульский завод. Там выплавляли серебро.

Когда в наземных работах наступил спад, жён работных и малолетов начальство распустило по домам. Маркшейдер Кузнецов вызвал Фёдора.

– Собирайся на рудный поиск.

Фёдор зашёл в рудничную контору за жалованьем, поставил в ведомости крестик, пересчитал разменное серебро, отнял половину и отдал конторщику.

– Лишнее мне выдано.

Конторщик взглянул в ведомость, на миг затих, потом заулыбался во всё лицо, затрещал сорокой:

– Премногие спасибочки тебе, честный человек... вернул полтора рубля. Ведь на моей шее четыре рта, а жалованье чуть поболее твоего.

Фёдор знал, что конторщик получал в два раза больше, чем он, да не гнушался на взятку, но ничего не сказал.

²⁸ *Маркшейдер – специалист, занимающийся геодезическими съёмками горных разработок.*

²⁹ *Шлих – концентрат тяжёлых минералов, остающихся после промывки в воде раздробленных горных пород.*

Дома Феклуша встретила Фёдора робкой, чуть виноватой улыбкой. И голос Феклуши звучал необычно настороженно и выжидательно.

– Вот тебе, Федя, вязаная рубаха из козьего пуха. Ночью и утром прохладно. А в горах и подавно.

– За то спасибо, Феклуша.

Знал Фёдор, что лишних денег в семье нет. Подумал: «Поди, по копейке отрывала. И опять же для меня». Спросил:

– За какие деньги купила-то?

– Уговор такой: не будешь ругать, скажу!

– За что же ругать-то?

– Ну и ладно тогда. – В голосе Феклуши послышалось успокоение. – Прости, Федя, ослушалась тебя. До последнего дня со всеми бабами робила. Ничего мне не случилось. Тебе в облегчение делала. Вот и купила рубаху...

Феклуша ходила на работу позже, а приходила раньше Фёдора, поэтому её дневное отсутствие оставалось ему неизвестным. Он почувствовал, как к горлу подступил комок. К языку прилипло, никак не могло сорваться задушевное слово. Фёдор крепко обнял Феклушу, сдавленным голосом попросил:

– Только в другой раз так не делай.

После того пошёл в контору. Конторщик по лицу Фёдора понял, зачем тот пришёл, опередил грозу словами. Говорил – вроде отчитывал. На самом деле за словами прятал испуг, отводил в сторону нежелательную огласку.

– Попутал ты меня! Сначала правильно выдал тебе деньги, потому как ты за жену не в ответе. Забери деньги... чужие, не для меня.

* * *

Постылым стал для Насти дом Смыковых. Свёкор следил за каждым её шагом. Как только выпадал подходящий случай, приставал, домогался. К силе не прибегал. После несправедливого наказания плетью Настя затаила глубокую обиду на свёкра и в оборках юбки прятала короткий остро отточенный нож. Савелий однажды едва не отдал его и после старался уломать Настю словом.

В воскресный день старики ушли в церковь к обедне. Минуты одиночества Насте казались счастливыми. Она бойко хлопотала у печи. О кирпич шаркали днища ведёрных чугунов и корчаг. Гремели ухваты. В сильных руках играла клюка, выбивала снопы искр из догоравших головёшек. Согретая печным огнём и уставшая, Настя присела на край широкой скамьи. Глядя в полупрозрачную слюдяную оконницу, глубоко задумалась... Пятый месяц не являл глаз Кузьма. Хотя и не мил, а Настя ждала его. Как ни крути, а муж, какой ни есть, оградит честь жены. Сдавалось сейчас Насте, что Кузьма на самом деле лучше, чем казался раньше, до отъезда. И в душу прокрадывалась тайная несмелая надежда: «На людях побывал Кузьма. Изменился, может. Да и я постараюсь в сердце ему глубже заглянуть. Чай, не чёрный колодец оно. Бывает, что немилый поначалу становится желанным и любимым позже. Может, появится ребёнок, а тогда...»

Не раз и не два Настя оглядывалась на прошлое и не видела светлого пятнышка в своей жизни. Только и есть одно, что своим появлением зажигала блудливые огоньки в глазах мужиков. А Насте так хотелось настоящего человеческого счастья. Чтобы мужские глаза смотрели на неё прямо и честно, не юлили от похотливого желания. Ждала Настя Кузьму с думами о лучшем.

Свёкор раньше положенного вернулся из церкви, бесшумно открыл дверь, прокрался кошачьей походкой с утешительными мыслями на уме: «Не камень же баба, чтобы не сдать. Спробую ещё разок. Только не спугнуть бы... не подступиться тогда. Не удастся – не прибудет к моим прежним хлопотам. А Кузьма во где у меня, на шее...» – Савелий плотно сжал кулак. Таким его и увидела случайно оглянувшаяся Настя.

– Опять лезешь? А ну поспеши ко мне на шею! Чего же стоишь-то? А ну попробуй! – Настя запустила руку в складку юбки.

Савелий укорил себя: «Прозевал, непуть... проворнее надо было». Как ни в чём не бывало отошёл в угол, без нужды взял ременный недоуздок, помял в руках, потом миролюбиво заговорил:

– Понапрасну шарахаешься от меня в сторону. И пальцем не собираюсь тронуть. Сердишься за то, что плетьюми постегали. А ить на пользу это, на уважение к старшим такое-то.

Вошла Марфа, кинула испытующий взгляд на Настю и поняла, о чём разговор. Марфа хорошо знала о домогательствах Савелия. После случая в амбаре Настя рассказала о том без утайки. Тихая и добрая свекровь не стала вымещать безрассудную и слепую ревность на снохе, напротив, исподволь ограждала её. К удивлению Савелия, Марфа совсем неожиданно вставала между ним и Настей. И Савелий оказывался бессильным наказать за то жену – боялся, что предаст огласке его домогательства. Вот и теперь – до конца церковной службы далеко, а Марфа тут как тут. Робким виноватым голосом спросила не о том, что тревожило душу:

– Пошто, Савелий, из церкви ушёл? Такая служба хорошая... певчие на хорах...

Савелий молча вышел из избы.

– Опять приставал? – В голосе Марфы неподдельное участие, в глазах тревожное, тоскливое ожидание.

– Опять, – коротко ответила Настя.

– Грех великий на Савелии. Никак и ничем его не отмолишь, такой грех-то. Смолоду бес вселился в мужика, под старость накрепко скрутил. Ты, Настенька, смолчи перед Кузьмой. Подальше от нового греха... авось перемелется всё, стихомирится старик. Кузьма, может, отделиться вздумает, заберёт тебя с собой на рудник.

Рука Марфы, корявая, как тёрка, легла на голову Насти, спутала волосы.

Настя молчала. Её одолевали противоречивые чувства. Не в первый раз рождалась жалость к Марфе за трудно прожитую жизнь. И вместе с тем клекотала обида на ту же Марфу за то, что не выстояла перед крутым характером мужа, согнулась, как жидкий прутик от первого снега.

Сейчас Насте почему-то меньше всего думалось о себе. Быть может, потому, что у Марфы ещё чернее судьба, чем у неё: ведь у Насти впереди жизнь и не всё потеряно...

Кузьма вернулся домой за две недели до пасхи. Похудел от изнурительной рудничной работы. Дней пять катался с боку на бок. После казённой бескормицы аппетитно и без остатка поедал всякую постную пищу, Настя едва поспевала готовить.

Каждое утро Марфа долго и неотрывно смотрела на Настю, вроде спрашивала: «Неужто рассказала?» И в прямом открытом взгляде Насти читала ответ: «Нет...»

Стояла дружная звонкоголосая весна. Снег остался лишь в лесной чащобе, в кустарниках. Быстро просыхали дороги. Под солнцем легко вздыхала освободившаяся земля. Её горячее дыхание согревало, заставляло трепетно струиться воздух.

Незадолго до пасхи Савелий по-хозяйски сказал:

– Поезжай, сын, на пашню. Привезёшь снопы прошлогоднего урожая. Вымолотим и смелем зерно к празднику.

В эти дни невысказанное горе тяжело придавило Настю. Через то не клеились отношения с Кузьмой. Совсем о другом заговаривала Настя – не хватало смелости огорчить свекровь.

С приездом сына словно подменили Савелия. На Настю смотрел с полным безразличием, стал распорядительнее прежнего, строже в спросе по домашности.

На пашню Кузьма поехал с Настей. К задку рыдвана³⁰ привязали второго коня, соседского, на случай, если придётся помочь кореннику при плохой дороге. Кузьма подавал колючие, лежалые снопы, Настя плотно укладывала их на телеге. В нос бил запах хлебной прели.

Быстро вырос воз. Чтобы не свалиться на дороге, наверх положили берёзовый бастрык³¹, натуго притянули к основанию телеги прочными верёвками. После этого Кузьма предложил:

– Перекусим, передохнём малость и до дому.

Расположились у недобранной скирды на пожухшей соломе. Здесь почти тихо и солнце светит теплее. Над головами, как вырезанный из чёрной бумаги, парил коршун. Вот он камнем упал вниз. Настя громко и восторженно закричала:

³⁰ *Рыдван – большая дорожная карета, извозная телега.*

³¹ *Бастрык – шест, которым стягивается на возу сено.*

– Смотри, Кузьма, не поймал разбойник добычу!

Коршун нацеливался на низко летевшую синицу. Просчитался и угодил в колючий пихтач. Взъерошенный, с просветами в крыльях от потерянных перьев тяжело проплыл над самой скирдой. Кузьма как холодной водой плеснул на горячее железо:

– Чего тут дивного... чай, не невидаль какая.– Смахнув крошки с тряпицы, завёл необычный разговор: – Нет между нами с тобой ни совету ни привету... как постылые друг другу.

В глазах Насти вспыхнули огоньки. Впервые услышала от Кузьмы резонное, рассудительное. В эту минуту поверила, что иным стал Кузьма.

– Вот, к примеру, – продолжал он, – жила ты без меня. А как? И словом не обмолвилась.

Тёплая улыбка сильнее солнца согрела, осветила лицо Насти. И захотелось ей ответить на первое задушевное слово мужа чистой правдой, столкнуть камень с души. Всё равно рано или поздно узнает обо всём – люди расскажут.

– Тяжело, Кузя, когда у молодой бабы защиты нет. Ох, как тяжело! Каждый норовит обидеть, унизить...

После рассказа про несправедливое наказание плетью, домогательства Савелия Кузьма долго пялил ошалелые глаза на Настю. Угадывалось по ним одно: потрясён Кузьма услышанным. И так потрясён, что не способен рта раскрыть, рукой шевельнуть.

– То истинная правда. Твоя мать – свидетель.

Неведомая сила сорвала Кузьму с места. По-дикому забегали глаза. Часто застучали зубы. Таким Кузьму Настя и представить не могла.

– Врёшь, стерва! Наговариваешь, чтобы свой хвост очистить. С приказчиком путалась? Путалась! Сам отец мне рассказывал. Ему и вера. А тебя удушить мало!

Оцепенение пригвоздило Настю к месту, где лежала. Не успела понять, что происходит, а Кузьма оседлал её. В дикой злобе бил кулаками. Потом хватал полные горсти остистых колосьев, совал под исподнюю рубаху. Настя несколько раз отбивала удар кулака, нацеленный в голову. Кузьма протянул

руку к сбитому с головы платку. И Настя поняла, что может произойти страшное, непоправимое. Сжалась в плотный комок, что есть силы распрямилась и, как рыба из крепко сжатых пальцев, вырвалась от Кузьмы, схватила палку.

– А ну, посмей, червивый!

Кузьма оторопело попятился к возу, намереваясь вооружиться вилами. Тогда Настя вскочила на пристяжного коня, которого Кузьма не успел подпрячь. Так и ускакала с палкой в руке.

По дороге домой Кузьму нагнали рудовозы. Несколько минут назад они встретили растрёпанную Настю, из любопытства выспросили. Сейчас сердито отчитали Кузьму.

– Пошто над бабой измываешься! Настя ни дать ни взять царевна! С неё жаль сронить волос, не то что бить. Тебе, недопарышу, кривая да корявая Анисья под стать, кого в Кольвани седой вдовец в жены не берёт. А с Настей, поганец, блюда порядок без буйства и смертного боя.

Настя прискакала в деревушку Черепаниху, что стояла по дороге на Змеиногорский рудник. У двоюродной тётки по матери остановилась, привела себя в порядок.

Лицо тётки растянулось от удивления, когда Настя оставила коня и сошла со двора с краюхой хлеба в дорожной котомке. Куда ушла – никто не знал.

* * *

Солёному под шестьдесят подвалило. С виду вроде стал ещё крепче, внушительнее, но здоровье не то – сдавали ноги, руки и глаза. По ночам кости грызла злая ломота. После сна не было, как прежде, прилива бодрости. Час-другой, пока не разомнётся, болела голова, перед глазами кружили чёрные хлопья. Поневолу Солёный отстал от рудных поисков. Тяжело для души, но ничего не поделаешь.

Рудничный лекарь Гешке долго и внимательно прослушивал, мял Солёного. Нашёл, что болен. Без лишних дум и опаски лекарь начертил спасительную бумагу: «...за постоянной костяною ломотой, слабостью зрения часто обращается в немощи, к службе мало пригоден...»

Управляющий рудником прочитал такое, недовольно поморщился – жаль лишаться работника. После короткого раздумья наложил на бумаге резолюцию: «Перевести в конюхи».

На руднике имелось немалое число лошадей. Возили руду, лес. Лошадей гоняли у воротов, которыми поднимали руды из шахт, у водоотливных насосов. В крепости и за её стенами выстроились длинные, вместительные конюшни.

С летней поры до самых первых снегов Солёный пас лошадей на весёлой сочной луговине между Змеевкой и впадающей в неё маленькой речушкой Бухаловкой. Новая работа не из лёгких, но пришлось по душе Солёному.

Лошадей пригоняли на выпас для короткого отдыха изнурёнными, исхудавшими. Диву давались самые строгие приёмщики: проходило двадцать-двадцать пять дней, и лошади стараниями Солёного становились неузнаваемыми, тучнели телом, в глазах появлялся игривый блеск. Солёный прятал довольную улыбку в бороде от сознания, что животным-труженикам теперь станет легче ходить в хомуте.

В любой партии Солёный знал наперечёт всех лошадей. Когда принимал на поправку, придирчиво прошупывал намётанным взглядом. Отбирал самых слабых, отводил на лучшие выпаса с буйным разнотравьем, с водопоем поблизости и с тенью от одиноких деревьев на открытом, доступном ветрам месте.

Прежде иногда казённых лошадей с выпасов угоняли кочевые джунгары, случайно приходившие сюда киргиз-кайсаки и беглые русские люди. Солёный все ночи напролёт не смыкал глаз, жёг большой костёр на берегу Бухаловки у своего шалаша. Всегда настороженное ухо привыкло улавливать в ночи шорохи. И в этом Солёный находил своё новое увлечение. Был готов без конца слушать весёлую перепелиную перекличку, крики ночных пернатых хищников. В погожие лунные ночи в прибрежных черёмухах появлялся басенник-соловей. Тогда мир Солёному казался прекрасным, меньше думалось о том, что омрачало жизнь. Затихал соловей, и Солёный спохватывался, упрекал себя в беспечности, шёл осматривать выпаса. Отдыхал он днём, когда жарко припекало солнце.

Однажды ночь выдалась ветреная. Сквозь рыхлые облака еле проглядывала мутная луна. Звуки глохли в шуме деревьев, шелесте трав. Лишь упорно не смолкало раскатистое уханье выпи на ржавом болоте. В такую ночь, как ни прислушайся, не уловишь затаённой поступи вора. Солёный и минуты не просидел у костра, всё время колесил по выпасам. И вдруг с дальней поляны ветер донёс тревожное всхрапывание и испуганное ржание. Солёный зажёл факел и кинулся на выпас. Слышалось, как отчаянно колотит ногами лошадь, будто силится вырваться из чьих-то цепких рук.

В свете факела показалась спина трусливо удиравшего зверя. «Медведь...» – догадался Солёный. Сдернул с плеча длинноствольное широкожерлое ружьё-фузею. Было приложился, чтобы выстрелить, и благоразумно сдержался: «В темноту ночи без прицела пульнёшь – лошадь можешь покалечить».

Утром приехал за лошадьми приёмщик. По пасмурному лицу Солёного догадался, что произошло неладное. Ивану было больно смотреть на бездыханного крупного мерина белой масти. По шее пролегли глубокие рваные борозды – следы медвежьих когтей. Приёмщик утешил:

– Твоей вины в том нет... Зверь и тебя мог задрать в темноте.

В рудничной конторе – бойкий скрип гусиных перьев. Стараниями писарей рождались, шли по команде объёмистые доношения. С завидными подробностями в них расписывались обстоятельства гибели коня. Одно такое доношение дошло и до Беэра. Как прочитал, вскипел, затопал ногами.

– Убыток казне допущен единственно по недосмотру!

По воле Беэра родилось грозное предписание Змеиногорской рудничной конторе о взыскании денег «за удавленную зверем – медведем казённую лошадь» и наказании плетьюми.

После плетей Солёный месяц провалялся в рудничном лазарете. Как и несколько лет назад, его обуревала жажда мести за незаслуженное наказание. И только смирял возраст.

В это время на рудник вновь пожаловал Беэр для осмотра проходок, наружных устройств и служб. Бригадира ожидали приятные удобства. У стен крепости на возвышении стоял щего-

леватый особняк, срубленный из толстых смолистых сосновых брёвен, жёлтых, как воск, на прочном фундаменте из серого камня. Дом поблёскивал на солнце гладко оструганными брёвнами. На заходе солнца работные дивовались жарким пожаром, который занимался на редкостных стёклах окон. В доме восемь покоев, и все для главного командира с его денщиками. Бригадир явно скромничал. По штату полагалось ему семь, а обошёлся двумя денщиками, остальных определил в горные работы.

К приезду Беэра рудничное начальство навело в посёлке порядок. Не прошёл заботливый глаз начальства и мимо госпиталя. Не только внутренние покои, но даже забор с воротами покрасили белой глиной.

Солёный прослышал о приезде Беэра и его намерении навесить госпиталь. Откатчику руды Фоме Тихобаеву, которого водянка свалила, уверенно заявил:

– Не пуцу бригадира в покои!

– Это как так? Ить он самый важный начальник и у тебя позволения не спросит.

– И всё равно не пуцу! Попомни, что так и будет. Бригадирова милость костью поперёк горла стала. Не хочу видеть благодетеля, вот и всё!..

Госпитальное начальство по указке свыше не давало засиживаться ходячим больным, выгоняло их в обширный двор. Здесь, как и на склонах горы, охотились за змеями. Правда, никакого урока не устанавливалось. И всё же работные день-деньской слонялись на солнцепёке в поисках добычи. Беэру понравилось это.

– Похвальна сия разумная мера против мерзких тварей!

В добром расположении духа он не погнушался спросить у больных тут же во дворе:

– Хорошо ли вас содержат в госпитале? – При неловком молчании больных совсем повеселел и уверенно проговорил: – Стало быть, и в самом деле хорошо, коли молчите. Не так ли?

Тогда из кучки больных послышался голос, уверенный и смелый:

– Не совсем хорошо! В харче большую нужду терпим, высокопревосходительный господин.

– Отчего же?.. И как ты прозываешься? – лицо Беэра построжело от проступивших морщинок.

– А вот потому, – продолжал тот же голос. – К примеру, возьмём суп, что нам подают. Такой жидкий – впору крупинки считать. Никчёмный и безвкусный. Жаль, воду понапрасну портят. А прозываюсь я Солёным, по имени Иван...

Беэр вспомнил про недавнее доношение и бойко спросил у лекарского ученика:

– Какой болезнью он одержим?

– На поправке после экзекуции, ваше высокопревосходительство.

Прежде чем круто повернуть и крупно зашагать прочь, Беэр недовольным тоном бросил:

– Вижу: немолод годами, бороду инеем запорошило, а наука впрок не идёт.

Лекарский ученик забежал вперёд идущего Беэра, убедительно и слёзно пояснил:

– Не верьте, ваше высокопревосходительство, пустому навету! Харч выдаётся по рациону без остатка. Сами в том извольте убедиться.

Перед входом в госпиталь лекарский ученик резко взбежал на крыльцо, услужливо рванул на себя дверь. И то, что увидели Беэр и его свита, их поразило неожиданностью и поначалу пришло к месту. Откуда-то сверху сорвалась змея и, к великому удивлению всех, повисла в воздухе. Потом начала отчаянно извиваться. Из раскрытого рта истекало угрожающее шипение.

В диком страхе бригадир скатился с крыльца. Во внутренние покои лазарета он не пошёл. Разгневанный до предела, приказал учинить тонкое следствие по поводу этой дерзкой насмешки над ним.

В то время в госпитале находился единственный больной Фома Тихобаев – остальные во дворе встречали Беэра. С Тихобаева и начали дотошные допросы следователи.

– Ты захлестнул удавкой змею? Хотел, чтобы ужалила его превосходительство! А ну, говори без запираательства!

Фома мелко вздрагивал одутловатым, жидким телом и слёзно оправдывался:

– Немощен я... По нужде с топчана на руках ссаживают. Не по мне проказы творить.

Следователи не унимались, побоями причинили страшную боль исстрадавшемуся человеку. Узнал про то Солёный, пришёл к следователям, честно объявил:

– Не мучайте, изверги, невинного! Я змею словил и подвесил.

Не поверили Солёному и стали отвергать его вину:

– Ты во дворе с самого утра находился. Не твоих рук проделка. Отваливай, пока не получил по морде!..

Беэр находился на руднике почти две недели и каждый день интересовался ходом следствия. Вокруг бригадирского особняка выставили усиленные караулы: были опасения, что Беэру подстроят и здесь такое же, что в госпитале.

А случилось другое. Однажды ранним утром на крыльце особняка солдаты подобрали угрожающую записку: «Хочешь остаться в живых, уметайся немедленно прочь. Не то твоё брюхо распорем, намотаем кишки на камни. Да оградит тебя, толстопузого, бог от такой напасти!..»

Беэр всматривался в неровные, неуверенные закорюки и ощущал, как мерзкий страх коробил кожу на спине.

От болезни и допросов с пристрастием скончался Фома Тихобаев, так и не проронив ни единого слова о Солёном.

Пока самые натасканные писари долго и тщетно пытались распознать, кто написал подмётное письмо, бригадир под предлогом неотложных дел поспешил укатить со Змеиногорского рудника. Как говорят, подальше от греха. Попросту струсил.

Между тем Солёный с зарубцевавшейся спиной вернулся домой. В душе долго сокрушался смертью Фомы Тихобаева. Про себя же говорил: «Через меня Фома раньше времени душу отдал. А с бригадиром по-моему вышло: не только в покои госпиталя не вошёл, а и с рудника сбежал его превосходительство».

Приказчик Сидоров долго болтался не у дел. Не поставишь же его к плавильной печи, не пошлешь с кайлой в рудничный забой. Не те годы. Да и привык приказчик людьми распоряжаться. Про настоящую тяжёлую работу давным-давно позабыл.

Теперь всеми рудничными и заводскими делами на Алтае правили подготовленные горные офицеры. Новое начальство еле подыскало подходящую должность для Сидорова: определили старшим штейгером на Змеиногорский похверк. Должность эта называлась «похштейгер».

В течение смены Сидоров неотлучно находился то в промывальной, то в толчейной фабриках. Домой уходил уставшим, опустошённым. В ушах долго не смолкали звонкое хлюпанье воды, резкий скрежет, глухой и гулкий перестук рудодробильных пестов. С Сидорова немалый спрос был. Он неустанно следил за работой дробильщиков, засыпщиков, подкатчиков. Начни похверк плохо работать, и сразу немалый ущерб интересам ея императорского величества. Попробуй не выдать положенного числа шлихов! От одной мысли о том Сидорова сковывал цепкий холодок.

Многое пережил, многое перевидел Сидоров. Но сейчас казалось, случись какая провинка, ответ за неё куда строже прежнего будет. И Сидоров, особенно первое время, строго придерживался инструкций, разработанных начальством для похштейгеров. А годы всё же брали своё. Не звучал уже так властно и зычно голос. Часто фальшивили глаза и уши.

Как-то в конце смены управляющий заглянул на похверк. Долго и придиричиво рассматривал шлихи.

Перед уходом принялся наставлять Сидорова, как малолета: – Шлихи на проплавку дробятся до величины куриного яйца. А что мы видим здесь? Вот один, там другой кусок с добрую бычью голову. Куда годится такое? – Тут же приказал обидевшемуся в душе Сидорову перебрать шлихи, крупные раздробить до установленного размера.

Не привык к такому Сидоров. В прошлом Демидов распекал приказчика в бумагах. Над головой, конечно, висел занесён-

ный кулак, но опуститься мог лишь тогда, когда попадётся в Невьянск. Теперь же в любую минуту...

Управляющий едва не вползину моложе Сидорова, а отчитывает и поучает – это задевало старика за нутро. Обида, как червоточина, грызла душу, оттого слабело рвение в службе. Пора бы отставку просить. Смелости не хватало. Знал: от безделья до смерти самая короткая дорожка. «Не будет никаких сил, тогда об отставке подумаю. А пока, сивка, тяни ляжку».

С переходом на царскую службу Сидоров стал примечать за собой: как приложится к чарке хмельного, так и душевный мрак рассеивается, будто густой туман от ветра. Зачастил бражничать Сидоров. Нередким гостем стал в домах работных по всякому случаю – нарекался ли именем, сочетался ли браком, отдавал ли богу душу человек. Чаше бывал у тех работных, что находились на гульной неделе. Приходил вечерами. Иногда, при страшном похмелье, не гнушался испить чарку-другую и во время двухчасового обеденного роздыха. С хмельным блеском в глазах шёл исполнять службу. Работные поражались происшедшей перемене в приказчике. Хотя и зывали его к себе наперебой, а с горечью отмечали: «Покатился вниз по мокрой дощечке, никакая сила не удержит».

И скоро по недосмотру Сидорова сотворилось несчастье.

Готовые шлихи из похверка вывозились по деревянным лежням на ручных тачках и в особых конных тележках. Сидоров и глаз не казал наружу. Между тем откатчики насыпали шлиховую кучу выше и круче обычного. Колёса конной тележки соскочили с лежней. До свалки оставалось не более пяти аршин, и коногон Михайла Белогорцев стал громко понукавать лошадь. Та, не в силах сдёрнуть воз с места, принялась отчаянно рваться, колотить ногами по земле. От сотрясения стремительно обрушилась куча. От удара в висок увесистым камешком Михайла даже не ойкнул.

Сбежалось всё рудничное начальство, на месте учинило строгое расследование. Поодаль стабунились работные, головы обнажили перед погибшим товарищем. На лицах – суровая печаль.

Прибежала жена Михайлы Акси́нья, долговязая не старая ещё женщина. За ней длинный хвост – четверо ребят, один другого меньше. Поняв без слов, что случилось, Акси́нья рухнула на бездыханного мужа. Дикий вопль отчаяния сменило голосистое, протяжное причитание:

– На кого же ты кинул меня, бесприютную, своих кровинушек-сиротинушек, деток своих! Восстань на резвы ноженки, кормилец ненаглядный!..

Управляющий недовольно поморщился, зло прикрикнул на Сидорова:

– Убери, что ли, бабу! Чтоб тоски на работных причетами не нагоняла...

До рассудка ребят не сразу дошёл смысл происходящего. И лишь при виде матери, которую уводили прочь солдаты, ребята разразились истошными криками.

Начальство нашло, что Михайла и есть главный виновник своей смерти. Неосмотрительным, мол, оказался, коли колёса с лежней соскочили. Оттого-то сотрясение и обвал кучи приключился.

Сидоров так и остался не в ответе. Но душу скребла внезапно пробудившаяся совесть. Уши ножом резал ребячий крик. В глазах удручающее видение: куча испуганных ребятишек, худющих и плоских. Сидоров отчаянно гнал от себя назойливое наваждение. «Стареешь, сдаёшь, Мокеич. Раньше доводилось не такое пережить, и всё нипочём. А теперь слюни распустил, как последняя баба, оттого, что Михайла, царство небесное ему, преставился».

В воскресный день изрядно захмелевший Сидоров шёл по рудничному посёлку. Навстречу – Фёдор, застрявший дома на несколько дней. Сидоров обрадовался выпавшему случаю – старому знакомому проще и свободнее излить душу.

– И-и, милый, то-то же и встреча! Никак первая после Кольвани? Всё руды сыскиваешь? А я теперь, почитай, никто... то есть самый захудалый похштейгер.

Неверным, пьяным языком Сидоров долго жаловался на превратности судьбы. На висках его вздулись жилы. Старче-

ская одышка колыхала грудь. И вдруг он перешёл на сбивчивый и жаркий полушёпот:

– Про Настю-то слышал? Ох, и Настя же! Не баба, а шило сапожное. Кузьму-то кольнула под самые печёнки. Да как ещё! Сбегла невесть куда, и делу конец.

Сидоров распроштался и петляющей походкой пошёл дальше. Поверх мелкого кустарника совсем рядом блеснул пруд, поманил к себе освежающей прохладой. «Пойду ополосну рожу, авось полегчает в голове».

На берегу в укромном и тенистом уголке Сидоров напоролся на управляющего. Тот беспечно отдыхал со своими домо-чадцами.

– Многие лета беспечальной жизни и крепкого здоровья, господин управляющий!

На приветствие никто не ответил. На лице управляющего – презрительная, брезгливая ухмылка. Сидоров верно прочитал в ней невысказанное желание: «Изыди вон, пьяная образина, с глаз моих».

Управляющий и раньше пользовался слухами о наклонностях бывшего приказчика к неумеренному бражничеству. Почему-то мимо ушей пропускал такое. Теперь воочию убедился, что людская молва – не пустой звук, и твёрдо заключил: «Хотя сегодня и праздный день, а горным чинам большим и малым не пристало своим хмельным видом совращать рабочих. Надобно пресечь дурной и посему заразительный пример».

Через два дня появился очередной указ Змеиногорской рудничной конторы:

«...усмотрено, что оной Сидоров в то невоздержное пьянство, а отсюда и нерадение, давно вдался сколько по собственной своей к оному наклонности, столько же и по недостатку надлежащей от команды строгости, от того отвращаем не был, а предано было то молчанию и терпению... В отвращение от одного порока других людей и поименованного Сидорова, как позволяют его преклонные года и здоровье, перевести на рядовую службу или уволить от оной вовсе...»

Пришибленный горем Сидоров пришёл к одному бергайеру. У того была гульная неделя, и он в день своего тезоименитства³² пробавлялся кружкой кислого квасу и краюхой ржаного хлеба.

– Нешто пристойно в сей светлый день брюхо пустотой тешить! Беги к винному целовальнику, рома да пристойного харча прикупи. Понял?

Деньги, полученные от Сидорова, бергайер истратил без остатка, ворох покупок выставил на стол. Сидорова обуяла жалость по истраченным деньгам. Сам стал разливать вино. Хозяину – чарку, себе – две. Хозяину – кусок похуже, себе – послаще и побольше. И всё в страшной спешке, будто за спиной кто грозил отнять недопитое и недоеденное. Хозяин поражался редкой прожорливости гостя. «Куда лезет только? Готов лопнуть, чтобы добро не пропало впусте».

Крепко хмелея, Сидоров громко и бессвязно бахвалился:

– Я ещё покажу, как демидовским слугой помыкать... Да я... я... во где они все сидят у меня... – Сидоров не дотянулся рукой до шеи, мешком сполз с лавки.

В предчувствии неладного, хозяин подхватил гостя. Свинцовая тяжесть тела, разливы густой синевы на застывшем лице говорили сами за себя. Вызванный лекарь Гешке нашёл, что Сидоров «излишне воспринял горячего вина».

В формулярном, или послужном, списке похштейгера Сидорова появилась сухая, казённая запись: «Волей божьею помер. Через безмерное пьянство разбит болезнью апоплексиею...»

Старая кержачка всю жизнь горе мыкала, а теперь жалко стало мужа. С его смертью предчувствовала и свой конец. На иссохшую грудь старухи сорвалась горькая слеза.

* * *

Приближался праздник Покрова. Змеевский пруд оделся в лёгкий ледяной панцирь. На реках появились острозубые забережники. Сверху сеяла мелкая и колючая изморось – предвестник первого снега.

³² Тезоименитство – день именин крещёного человека.

Фёдор возвратился домой с образцами найденных руд. Рудничная пробирная подтвердила высокое содержание металлов в них. В канцелярию Кольвано-Воскресенского горного начальства полетели доношения о новых рудных открытиях.

Месяц спустя по накатанной зимней дороге с попутным рудным обозом Фёдор поехал на Барнаульский завод. Вновь вызывал его сам Беэр.

Дорога от Змеиногорского рудника до Барнаульского завода называлась Змеиногорским трактом. Пролегал тракт на двести пятьдесят вёрст по степи, глубоким логам, лесной чащобе. Зимой и летом дорога и деревья по её обочинам были густо припудрены рудной и угольной пылью. Не только поэтому рудовозы тракт прозвали чёрным. Немало из них погибло во время свирепых снежных буранов, трескучих морозов. Иные находили смерть под тяжёлыми возами, что опрокидывались на глубоких промоинах. Попадались среди рудовозов и такие, которые за непочтение к проезжему начальству лишались зубов и прежде времени по-старчески шамкали ртами. Кое у кого от ударов увесистым кулаком на переносице образовалась глубокая седловина.

Почти всю дорогу Фёдор шёл пешком. Не привык он сидеть сиднем. Сворачивал в лесок, промышлял зайца, лису и прочего мелкого зверя.

В пути Фёдору пришлось не раз выручать из беды рудовозов. На дорожной рытвине однажды круто накренился рудный ящик. Подбежавшие рудовозы не дали ему упасть, но и не могли поставить в прежнее положение. Под тяжестью круто, как жидкие ленточные пружинки, изогнулись спины рудовозов, вот-вот сломаются. Фёдор вовремя подоспел из леска. Упёрся плечом в боковину ящика, громко скомандовал:

– Отходите в сторону!

Ящик дрогнул, сошёл с мёртвой точки. Глухо стукнул о дорогу, заскрипел санный полоз под тридцатипудовой тяжестью.

К Фёдору подошёл старый рудовоз, сухой и высокий, еле переводя дух от натуги.

– Смолоду имел и я силу. Но такой, как у тебя, не доводилось выдывать. Мы впятером не могли, а ты один одолел. На доброй опаре заквашен. Спасибо тебе, молодец! – Дед обнажил голову, отвесил низкий поклон. В бороде хрустальными подвесками зазвенели настывшие ледяшки.

– За что спасибо-то? – смущённо спросил Фёдор.

– Продлил век старику. Чую, не ты – не видеть бы мне бела света. А на моей шее двое сирых внучат-малолетов.

Стояла безветренная морозная погода. Дед так без шапки и шёл по обочине дороги.

Рудовозы не были постоянными работниками, набирались из приписных крестьян, которые освобождались от уплаты подушной подати, но отработывали её на царских рудниках и заводах. Нередко постоянные работные не знали даже имён рудовозов.

– Как прозываешься-то, дед?

– Силантием.

У Силантия уши сморщены, формой и цветом точь-в-точь петушинные гребни.

– Отчего такие уши? – спросил Фёдор.

– Ишь зацепился: отчего да почему, – добродушно отозвался дед и охотно пояснил: – С морозцем целовался. Мы, жители Белоярской слободы, первыми приписаны к заводам. На Демидова робили, теперь на матушку-императрицу. Инда за тридцать земель едем работу исправлять. В пути больше пропадаем, чем дома. А в дальней дороге всякое случается...

С приездом на Барнаульский завод Фёдор тепло распрощался с рудовозами.

Безр, получивший к тому времени генеральский чин за успешную выплавку золота и серебра, встретил Фёдора сдержанно, не потчевал обильно, с первого слова дал понять, что он большой начальник и относится к рудознатцу покровительственно.

– Наслышан об открытии тобой новых руд. Сие похвально. – Безр раскрыл знакомый Фёдору ящик, отсчитал серебро. – За месторождения, которые сыскал ты минувшим летом... за Лазурское тебе десять, за Юрканское пять рублёв. И впредь ста-

райся. Без милости и внимания не оставлю. Езжай обратно с богом и помыслами о труде на благо ея императорского величества.

Идя к Беэру, Фёдор ожидал большего, думал, что сейчас получит обещанную награду полностью. Он облюбовал в лавке барнаульского купца Пуртова добротные подарки для Феклуши: валенки алые, юбку бухарской выбойки, платье из вишневой китайки, шаль с белыми цветами по красному полю, серьги серебряные с позолотой, белыми вставками и зелёными подвесками. Около двадцати пяти рублей стоили вещи.

И рухнула мечта. Отсчитанных Беэром денег едва хватит на уплату долга Солёного за лошадь. В душу закралось сомнение: вручит ли когда-нибудь генерал сполна обещанную награду? Так и не купил ничего Фёдор из задуманного. Только и повёз домой два фунта сахара на подарок семье к светлому празднику.

Брала липучая досада на себя за несбывшееся. Чтобы не терзать душу, Фёдор старался думать о другом. Почему-то встал перед глазами дед Силантий, захотелось повидать его. «Где-то он сейчас? Уехал, поди...» При мысли о Силантии теплело на душе. И о себе Фёдору думалось по-иному: «Чего кручиниться-то? Какое моё горе? У других погорше судьбинушка».

С отъездом Фёдора Беэр потребовал от секретаря и бухгалтеря Василия Пастухова шнуровой журнал учёта рудных месторождений. Долго и внимательно перечитывал убористые, ровные строки. Генерала надолго сковала задумчивость. Немигающие бесцветные глаза казались незрячими. Потом от неожиданной и яркой вспышки в мозгу окаменевшее лицо прояснилось, по нему пробежала бойкая улыбка.

Против названия каждого рудника в журнале пролегли многие графы. В одной из них давался ответ на вопрос: «Кем и когда открыт?»

Беэр снова вызвал Пастухова. Тот по весёлому голосу начальника угадал в его душе перемену к лучшему.

– Надобно заново заполнить журнал. Против Змеиногорского рудника напиши, что открыт ещё при Демидове его людьми. После принесёшь оба журнала ко мне. Понял?

Под пальцами Беэра хрустнула раздавленная сургучная печать, скреплявшая старый журнал. Пастухов искренне недоумевал, какая надобность в новом журнале. Тайна генеральской затеи раскрылась много позже, после его смерти.

* * *

Всё дальше и глубже уходили выработки в Змееву гору. Проходка штолен велась по горизонтам. Чем ниже горизонт, тем труднее работать. Не хватало свежего воздуха, едкие сернистые испарения распирали грудь, кошачьими лапами царапали в горле. Немногие лихтлохи имелись только над центральными штольнями верхнего горизонта – начальство скупилось на излишние расходы. Через лихтлохи самотёком поступал наружный воздух. Но в горизонтальные выработки по сторонам от штолен земная свежесть не попадала.

От штолен верхнего горизонта под прямым углом или с наклоном уходили вертикальные выработки. От них на определённой глубине, смотря по рудным залежам, вновь долбили штольни. Часто они имели полуциркульные ходы и выходы.

По штольням вывозилась руда, излишняя пустая порода, отводились подземные воды. Одна из штолен пересекала гору поперёк, выходила на луговину возле Змеевки и потому называлась Луговой. Самая длинная и глубокая штольня носила имя Иоанна Крестителя. Чаще её называли Крестительской. Тянулась она с юга на север не одну сотню саженей. В её стены вкраплены, пожалуй, все виды пород, которые встречались в горе. В штольню стекали подземные воды с выработок верхних горизонтов и сбрасывались в речку Корболиху.

Бергайеры работали на разных глубинах. Те, что находились ниже, отчетливо слышали перестук кайл и молотков над головами. Мелкая дрожь, глухой гул шёл по безмолвному камню.

Из царского кабинета всё чаще сыпались властные предписания «о приумножении выплавки серебра и золота». Крепко встревожилось, долго ломало голову рудничное начальство над тем, где взять людей в прибавок к наличным. И надумало. На утренней раскомандировке управляющий рудником объявил:

– Ради интереса ея императорского величества отныне надлежит вам робить не по четырнадцати, а по шестнадцати часов в сутки. И харч приносить из дома, обедать на руднике: время на роздых укорачивается вдвое...

Приглушённое «ого-го» просверлило вязкую тишину. Управляющий стоял на рудной куче и шарил по шеренгам рабочих пронизывающим взглядом прищуренных глаз, словно хищник в поисках добычи.

– Вы у меня того... чтобы без ропота и супротивничания робили. Не то каждому воздастся по заслугам!

С того дня, ещё рассвет не серел, а чёрные пасти шахт и штолен проглатывали сотни бергайеров. Ненасытно каменное чрево. Многие тысячи людей затерялись бы в нём. Лишь глухой ночью люди поднимались наверх, безвольные от сокрушающей усталости, с единственной мыслью об отдыхе. В темноте тянулись по домам жидкой цепочкой. Как дети по запретному лакомому кусочку, тосковали рабочие по солнцу. В три погибели гнули спины и всё же молчали, надеялись, что придёт когда-нибудь конец произволу начальства.

А получилось совсем худо.

Через месяц управляющий с той же рудной кучи бесстрастно возвестил:

– С завтрашнего дня будете получать новую плату – не по пять, а по четыре копейки за смену. В интересах ея императорского величества.

Слова что кипятки обожгли рабочих. Шеренги смешались. Управляющий услышал не глухой ропот, а крики:

– Как же нам, низайшим, быть-то?

– И без того скудный достаток имеем, а теперь на хлеб с квасом жалованья не достанет!

– От людского чоха наземь валимся, что же дале будет?

Управляющий едва не кубарем скатился с кучи, словно увесистого тумака по затылку получил. Забегал между рабочими, обдавая их лица горячим прерывистым дыханием.

Установленная подённая, или «плакатная», плата рабочим всегда была низкой, но неизменной. Копеечная же убавка

в жалование заставила бы ещё туже перетянуть поясками и без того отощавшие животы. Поэтому работные не отпрянули перед грозным разгневанным управляющим, не потупили взоров. Напротив, их глаза смотрели вызывающе и даже дерзко.

Конторский писец заносил на бумагу имена тех, кто громче других возмущался. Управляющий с пылающим лицом молча покинул раскомандировку. А через два дня приказал оштрафовать многих работных за «дерзость и подстрекательство» по пятьдесят копеек каждого. К указу прилагался список.

Обиженные заволновались, побросали было работы, чтобы пойти к управляющему. Но сразу же поостыли. Как пойдёшь-то? До конца смены на всех подъёмниках, у дыр штолен неотлучно стояли вооружённые часовые, никого не выпуская из-под земли.

Только после смены работные подступили к дому управляющего. Тот успел уже досмотреть первый сон. Разбуженный криками за окном, насмерть перепугался. «Бунт самый настоящий». Через чёрный ход, огородами к ротному командиру улизнул денщик с наказом управляющего: «Пусть немедля вышлет полуроту солдат...»

Прежде чем завести разговор с непрошенными гостями, управляющий стал зажигать свечи. Потом нарочно уронил подсвечник.

На улице усиливался недобрый гул. И снова в темноте комнаты заметались кресальные искры, робкие вспышки огонька на свечных фитильках. Так и протянул управляющий до прихода солдат, затем раскрыл настежь окно, грозно закричал:

– Пошто полуночничаете, спать не даёте?! Зачем пришли? Сейчас же катитесь в свои дома!

От свечей и за два шага от окна ничего не видно в кромешной тьме летней ночи. По голосам трудно узнать, кто говорит, кто молчит из работных.

– Какая полночь, коли со смены только идём!

– Штраф-то по несправедливости наложили.

– С работ посбегаем, ваше благородие, ежели штраф не снимут!

– Угрожать, мерзавцы! Все у меня в ответе будете! Гнать их под конвоем на гауптвахту. Завтра посветлу разберёмся.

Солдаты зажали работных в плотное кольцо, повели в крепость.

Ни свет ни заря управляющий прибежал на гауптвахту. Помещение битком набито.

– Отчего так много?

– Половина только, ваше благородие. Остальным удалось нырнуть в темноту по пути сюда, – отвечивал страж.

Опалённые вспышкой гнева, губы управляющего запыргали. Шуточное ли дело – держать в праздном безделье три десятка работных. Прямой ущерб рудной добыче, которого не простит высшее начальство. Управляющий настрого приказал:

– Сих ослушников и смутьянов послать в самые глубокие подземные работы. Требовать с них наивысший урок. Пять суток не выпускать наружу.

В затхлом подземелье от изнурительной работы провинившихся пробивал обильный клейкий пот. Рубахи, что прилипчивые пластыри, от спины не отдерёшь. Сон не исцелял от усталости. На жёсткой каменистой постели тело не отдыхало, а наливалось тупой, саднящей болью. Работные кляли управляющего, как только умели.

– Удружил, язва, в каменный мешок посадил и горловину натуго завязал!

– Его самого сюда бы, ирода проклятого!

– Чтобы толстым задом ступеньки на шахтной лесенке пересчитал!..

Управляющего поджидала непредвиденная неприятность. У его дома после смены работных стоял вооружённый часовой. Какой-то человек однажды вручил ему маленькую бумажку-завитушку.

– Для управляющего-то! Если не спит, пусть не погнушается прочесть, а если спит, то завтра утром...

Человек исчез в темноте.

«Если ты, кровопивец, не перестанешь нас утеснять, мы из тебя всем скопом выпустим кровушку до капельки. Мотай на ус, господин управляющий. А пока до встречи, всего добрейшего...»

Прочитал такое управляющий и в страшном потрясении потребовал ротного командира.

– Все ли ослушники безвылазно сидят в подземелье?

– Все, господин управляющий! Ни один не выходил оттуда.

Позвали часового. Усатый. Бородища – как ковыльный венник. Четвёртый десяток лет на солдатской службе разменял.

– Так-то несёшь службу! Записка в руках, а разбойник в облаках? Кто подал записку?

– Темно было, ваше благородие, так что обличья человека не усмотрел. А вот голос хорошо запомнил. Знакомый вроде даже...

Грамотных работных на руднике по пальцам перечесть. Управляющий каждого в отдельности вытягивал грамотеев в рудничную контору. В допросах тянул волынку, то кричал до хрипоты, грозил, то пел медовые речи. И всё затем, чтобы услышать голоса опрашиваемых на самых разных тонах.

За последним работным гулко захлопнулась дверь. Из шкафа вышел бывалый солдат. Управляющий спросил:

– Ну, который же из них?

– Кой перед последним был, у него голос схож с тем, что слышал я вечером.

– Так, так...– управляющий пробежал по исписанному листу бумаги и раздражённо крикнул: – Опять тот же Солёный! А ну позвать его!

Перед носом Солёного управляющий помахал подмётным письмишком, в упор спросил:

– Ты писал?

– Не могу знать, о чём говоришь, ваше благородие.

– Не можешь! Тогда слушай.

Прослушал Солёный, пожал недоумённо плечами.

– Такого никогда не писывал. Да и почерк, как видно, не мой.

– А мы сейчас проверим, твой ли. А ну, садись пиши!

Послышался скрип. За гусиным пером потянулись цепочки ровных букв с жирными, красивыми росчерками.

– Правильно. Не ты писал подмётное письмо,– сказал управляющий. – А теперь возьми перо в левую руку...

– Зачем же? Чай не левша. Лево́й-то рукой и единой буквы не нацарапаю.

– Приказываю, значит, исполняй. А ну пиши!

«Всё равно заставит писать. Буду упорствовать, чего доброго, ещё сильнее заподозрит», – подумал Солёный, медленно и уверенно принялся выводить корявые, падающие буквы.

– Всё! Хватит! Истинно не ты писал. Можешь идти...

Канцелярский писец легко улавливал сходство почерков по признакам, незаметным для неискущённого глаза. Характер и душу человека умел отгадывать чернильный чародей по мёртвым буквам. Он долго вглядывался в подмётное письмо и в то, которое нацарапал по приказу управляющего Солёный. И заключил:

– Оба писаны одним человеком...

– По чему узнал?

– Сходственны в буквах хвостики и закругления. В одной записке буквы выведены ровными линиями, в другой – волнистыми. Только и разницы.

– Пиши заключение, – приказал управляющий.

Ровно через час писец принёс два листа бисерных строк. Управляющий не скрывал восхищения.

* * *

За год Змеева гора изрыгала из утробы сотни тысяч пудов богатых руд. От добычи руды до выплавки металлов длинная дорожка. За это время сотни человеческих рук прикасались к руде, отдавали ей силу и тепло. Поднятые вверх руды поступали в специальные сараи – неуклюжие и приземистые строения. Под толстым слоем рудной пыли сараи походили на чёрные гробы. В иных местах с целью экономии строили простые навесы. В них, особенно в непогодь, гуляли злые, губительные сквозняки.

В летние месяцы в сараях и навесах закипала жаркая работа. По приказу Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства на рудник съезжались со всей округи мало-

леты, сыновья приписных крестьян и работных людей. Приезжие малолеты жили в казармах.

Подростков давили непосильными работами, жёсткими порядками. Их разбивали на рабочие команды во главе с «дядьками» – отставными солдатами или нарядчиками.

...Гулкая барабанная россыпь потрясла казарму. Сквозь слюдяные оконца еле пробивался рассвет. Какая-то минута, и в казарме как не бывало молчаливой ребячьей суеты.

К ровным, застывшим в оцепенении, шеренгам малолетов не придрачься самому взыскательному взгляду. Но дядька Кузьмич, старый служака, в прошлом ефрейтор, перед утренней раскомандировкой для порядка устроил шумный нагоняй малолетам, будто перед ним стояли солдаты, уличённые в нерадении к службе.

– Ноги, ноги в линию! Бодрей держать головы! Руки, руки-то куда суёшь, болван! Кто там носом шмыгает? – Кузьмич играл властным голосом и заодно не скупился на щелчки. На лбах малолетов наливались густые синяки.

– Слушай меня! До полудни робить без роздыху, – с внушительной расстановкой сказал Кузьмич и зачастил заученное много лет назад: – Робить без лености, с надлежащим радением, дабы не последовало ущерба интересам ея императорского величества, самодержицы, заступницы и спасительницы нашей. За ослушание и леность с каждого взыщется по достоинству...

Руды, которые не вмещались в сараи и навесы, ссыпали в кучи прямо под открытым небом. Их в первую очередь и разбিরали малолеты – отбрасывали пустую породу, потом сортировали по величине кусков.

Кузьмич залез на вершинку рудной кучи, сдёрнул с головы выдавший виды солдатский картуз. Троекратный крест дядьки означал сигнал к началу работ. Шеренги полопались.

Всё круче и выше на небосклон карабкалось жаркое солнце. Руда накалялась, обжигала, больно, до крови кусала руки острыми изломами. От усталости покачивало ребят. Беспорядочнее и реже становилось сочное цоканье рудных камней.

Одиннадцатилетний Мишка Мезенцев, хилый и болезненный мальчишка из деревни Кривощёково, раньше других сдал в работе. Из его рук вырывались куски руды и не долетали до рудной кучи.

Откуда-то снизу потянул тёплый ветерок. Густое облачко едкой рудной пыли накрыло малолетов. Мишка захлебнулся от затяжного приступа сухого, лающего кашля, присел на землю.

У дядьки – чуткое ухо. Уловил звуки глухих шлепков руды о землю, встал, медленно потянулся. С рудной кучи грянул гром:

– Пошто, постыльник, празднюбуствуешь! Погоди вот, я ужо тебя!

Ребята затаили дыхание. Дядька щедр на расправы. Кулак у него с детскую голову, жёсткий и шершавый, в крупных бородавках. Таким кулаком быка по лбу бить.

Неожиданно дядька свернул в другую сторону – кто-то властно позвал его к себе. Ушёл в дальний сарай, и надолго. Малолеты столпились вокруг Мишки. Послышались тёплые слова.

– Водички испить бы ему...

– Где взять-то? В казарму бежать надобно. Дядька увидит...

– Ворот у рубахи расстегни – легче станет.

– Приляжь в тень. Пока дядьки нет, отдышись малость.

На долю малолетов неожиданно выпало короткое счастье. Сейчас можно посидеть, пока не перестанут нить нагруженные руки, помечтать о весёлых забавах.

Пашка Звягин, сынишка змеиногорского бергайера, рассказывал страшное про свистящего змея, хозяина горы.

– ...А сидит он в самой середине Змеевой горы, всё видит и слышит. Сказывают о семи головах. И все разные. Одна голова – главная. Как у чёрта, рогатая, вся в длиннющей шерсти. Стоит отрубить ту голову, и конец змею. Остальные просто страх на всех нагоняют. А свистит тот змей так, что большие камни с горы скатываются. Отродье у него так себе, мелюзга... тыщами ползают по горе. Нас заставляют змей хлестать, чтоб тот, главный змей подох от тоски-печали по своим детям.

Ребятчи лица вытянулись, в глазах затаённый страх. Кто-то из старших подростков неожиданно поломал оцепенение.

– Брехня тот змей. Все говорят – змей, змей. А кто видал его? Если всамделишный, то в гору не пустил бы никого и своё отродье в обиду не дал бы.

Малолеты загалдели. Змеиногорские горячо поддержали Пашку – настолько змей казался одухотворённым существом, а не сказочной выдумкой.

– Истин крест, живёт змей о семи главах. В три года раз выходит из горы. Не каждый зрит его, а если и узрит – через два дня умрёт... Вон дедка Антон, когда дух испускал, сказал: наемни змея встретил. От испугу, стал быть, умер дедка.

Те из малолетов, что не верили Пашкиным рассказам, отошли в тeneвую сторону рудной кучи. После сдержанного разговора оттуда донеслась полуголосая песня. Недоумение, тихая грусть по безвременно отнятому детству слышались в её словах. Не песню, а успокоительную пели малолеты. Лица строгие, скорбные. Казалось, малолеты окаменели, ни одного лишнего движения, каждый ушёл в мир, далекий от того, что видел своими глазами.

...На разбор нас посылают,
Шибко нас дерут и мают.
И сами за что, не знают,
В отдалённые края посылают...
Видать – на горке, на горе,
На высокой, на крутой.
Над плотиной, над водой
Стоит рудник Змеев золотой.
Да нам противный он какой...
В казарме мы живём,
Хлеб с водой только жуём.
С работы убежим,
По целым дням в кустах лежим,
Нас поймают и тогда до смерти
Задирают и замают...

Средний куплет малолеты пропели последним. Запевал его одиннадцатилетний Николка Лелеснов звонким приятным голосом. Ни малейшей надежды на светлую пору не слышалось в песне.

Жаловаться не знаем кому.
Только богу одному.
До него высоко,
До царя далеко,
И говорим охо-хо,
Житьё наше плохо...

На виду показался строгий дядька. Малолеты смолкли, принялись за работу, чтобы наверстать потерянное.

Дядька ранее слышал, что среди малолетов прижилась пре-дерзкая и вредная песня, неведомо кем сложенная. Начальство настрого запрещало распевать такую песню. Кузьмичу, слава богу, не доводилось слышать песни во вверенной ему команде. Гордился тем немало: моя, мол, заслуга, что не поют.

И вдруг...

Ещё из сарая дядька краем уха уловил песнопение. Беда, что слов не разобрал. «Неужели, стервецы, осмелились? Шкуру спущу с каждого за то».

Усердие малолетов в работе несколько рассеяло подозрение дядьки. Он было направился на своё обычное место, но вспомнил о нерадивце Мишке Мезенцеве. И какая дерзость!

Мишка сидел на земле в праздном безделье. Более того, он, занятый мыслями, даже глазом не повел в сторону дядьки. Полное неуважение к старшему по должности!

Между тем Мишка и действительно в эти минуты находился далеко от рудной кучи, перебирал в памяти отрядные картины обского приволья, беспечального и тёплого, как летний ветерок, детства.

Широки обские вешние разливы. Глазом не достанешь ни конца ни края. Любил Мишка с отцом рыбалить фитилями да мордушками. Заедут, бывало, в заводь снасти смотреть. В забочках густое и белоснежное цветение черёмухи. В носу – приятный

щёкот. Воздух, что мёд, сладок, так и дышал бы без передыху всю жизнь. Выпрыгивая из воды, чертит безупречную гладь заводи рыба мелюзга – спасается от острых зубов хищницы-щуки.

Отец вытряхивает добычу прямо в лодку. Богат улов. Бьётся, извивается рыба на дне лодки, поблёскивает на солнце серебром чешуи.

Потом рыбаки едут домой напрямую через луга: вода настолько полная, что все истоки и канавки становятся проезжими. На стремнине отец садится за лопашные вёсла. При каждом сильном взмахе от лодки убегают крутобокие пенистые воронки. Мишка помогает отцу кормовым веслом. Из-за неумения и неопытности рулевого весло скользит по поверхности воды. Отец недовольно хмурит брови. Мишка же от освежающей прохлады, радужных брызг сдержанно ойкает и широко улыбается.

Улыбка и сейчас на лице Мишки. Её-то и заметил Кузьмич. В голове хитроумная мысль: «Распеку, спугаю мальчонку, авось скажет, что за песню без меня пели. Если пели, обязательно сболтнёт...» И Кузьмич зычно гаркнул:

– Так-то робишь, паршивец!

От неожиданности Мишка подпрыгнул и застыл на месте.

– А ну, сказывай, что пропели здесь без меня. Не то за леньность голодного карцера получишь. Да живее у меня!

Мишка понял, что произошло, и, как только умел, жалобно взмолился:

– Нешто до песен мне, дядька. Немочь одолела вконец. Да и другие ребята ничего не певали... только и делали, что урок исполняли.

– Вот и врѣшь!

Над головой Мишки – высоко занесённый кулак. Оттого или от истошного рёва дядьки Мишку, как пушинку ветром, сдёрнуло с места. В страшном испуге пустился наутѣк по отлогой седловине. Кузьмич кинулся в погоню по всем правилам солдатской науки, равномерно забирая грудью воздух.

За спиной Мишки – густое сопенье, будто загнанная лошадь наступала на пятки. Ещё несколько сажений, и впереди – крутой щербенистый склон к Змеевке.

Кузьмич трезво оценил обстановку. Шмыгни мальчонка по склону – и окажется он, Кузьмич, в великих дураках. Немолодому грузному человеку тогда придётся гораздо труднее, чем юркому и легковесному недопарышу. Мишка без опаски мог калачиком скатиться к берегу Змеевки, Кузьмичу же такое не по годам. Поэтому он напряг все силы, чтобы догнать Мишку прежде, чем тот окажется в выгодном положении.

Кузьмич пришёл в себя на прибрежной траве. Ныло помятое тело, в голове стоял шум. Вспомнил недавнее – стыд захлестнул душу от допущенной оплошности. Как могло произойти, что с самой вершины склона покатился вниз? Не к чести старого солдата. Но Кузьмич и посейчас ничего не мог сказать в своё оправдание.

А вышло так.

Проходивший мимо Солёный увидел бегущих, сразу смекнул: «Не иначе, как Мишка от дядьки спасается...» Кузьмич не заметил, как Солёный подставил ему ногу. Иван сейчас стоял рядом и громко отчитывал Кузьмича:

– Нешто пристойно тебе за парнишкой гоняться! Не упали – одним взмахом захлестнул бы мальчонку. А его, чай, отец с матерью ждут. Твоё счастье, что ты скатился, не то отдал бы самой горячей оплеухи. Вставай-ка. Да мальчонку кличь во всё горло. Поди-ка, забился от страху в чащобу, как червяк под камень.

– Тебе что за дело! – огрызнулся Кузьмич. – Постыльник – не сын и не внук твой. Моей команде вверен, и я волен наказать его.

Когда Солёный отошёл подальше, Кузьмич не сдержался от угрозы:

– Не думай, что так оставлю твою дерзость. Как есть по команде сообщу.

Кузьмичу не довелось исполнить своей угрозы. Мишку нашли на вторые сутки в густом кустарнике, далеко от берега. Лежал ниц бездыханный. Лекарь Гешке заключил, что у Мишки «от запыхания и испугу» не выдержало слабое сердчишко, разорвалось.

В рудничной конторе составили опись пожитков умершего: «Порты толстого холста на лямках, ветхие – одни, рубаха ноше-

ная тоже холщовая, но тонкая – одна, коты из невыделанной козлины, стоптаны – одне, полузипун коричневого крестьянского сукна – один, тканая опояска к нему – одна, картуз ветхий солдатского сукна – один. И итога тех пожитков на сумму двадцать две с четвертью копейки...»

Мишку зарыли в могилу нагим. Пожитки же и 12 копеек заработанного «жалованья» с попутными крестьянами отправили в далёкую деревню Кривощёково к родителям умершего для подтверждения честности горного начальства и его заботы о тех, кому предстояло потрудиться на благо ея императорского величества.

К первой вине Ивана Солёного начальство прибавило вторую – нападение на ефрейтора во время службы. Заковали Солёного в прочные ручные и ножные железы и отправили на Барнаульский завод, чтобы предать военному суду. С тех пор о Солёном ни слуху ни духу, будто камнем нырнул в речную глубь.

В тоске Фёдор не находил покоя. Много раз пытался проведать о судьбе тестя через сведущих людей. Те охотно обещали, пока хоронили в карманах приношения. После же бессильно разводили руками, с повинной в голосе отвечали: «Не дано знать нам, где тот Солёный и что с ним происходит...»

Забеспокоилось и рудничное начальство. Оно не знало, как быть. Солёный значился в «комплекте», или в числе постоянных работных. С каждого же комплектного спрашивался рабочий урок. Тогда за подписью самого Беэра в рудничную контору пришла секретная бумага: «Из комплекта исключить. Находится под следствием по весьма важному и секретному делу».

Судебными делами Канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства ведал майор Кашин. Майору не занимать строгости и умения сбивать с толку самых изворотливых подследственных. Каждый допрос начинался с вопроса:

– Как прозываешься?

Солёный с издёвкой замечал:

– Пора бы знать, благородь! Не иначе как сотню раз чертил мою фамилию, – Солёный ткнул пальцем в бумагу, кото-

рая лежала на столе. – Да и теперь без моего ответа вроде правильно бы написал – Солёный. Так и прозываюсь, благородь.

– Ну-с, Солёный, совокупно с кем намеревался лишить жизни его превосходительство генерал-майора Беэра и господина маркшейдера Кузнецова?

У Солёного под острым углом переломились брови, в голосе заиграло поддельное изумление:

– Какой же ты прилипчивый и непамятный, благородь! Намедни и ранее сказывал тебе: один надумал, один и письма написал. Для острастки на первый раз.

– Для острастки? А потом?

– Гадать я не мастак, благородь! Каково поведение – такова и награда.

– Шутить изволишь, Солёный!

– Все шутки в жизни порасходовал, осталась одна сурьёзность. Колючее ежа... А с его превосходительством генералом у меня особый счёт, благородь. Без утайки и опаски говорю. Без вины высек – раз. Награду за открытие Змеевских руд в кармане держит – два...

Солёный вперёд посунулся, угрожающе звякнули железы. «Чего доброго набросится...» – подумал майор. По его незримому условному знаку перед Солёным, вроде из земли, выросли двое солдат, легонько усадили на табурет.

Ивана одолел смех. Звучный и довольный. Майора пристыдил:

– Перепужался, видать, благородь! А что я сделаю? Скован по рукам и ногам. Только и могу рот разевать...

Однажды майор жестоко колотил подследственного. Думал, от боли развяжет язык. Выходило же наоборот. Солёный молчал, как покойник. Ослабев от побоев, твёрдо заявил:

– Будешь драться, благородь, и слова не вымолвлю. Хоть убей! Себе же зло и причинишь...

Майор опять подумал: «Шельмец, пожалуй, прав. Не добьюсь угодных показаний – по начальству неприятность произойдёт». С того дня тело Солёного отдыхало от побоев.

Одиночная камера Барнаульской гауптвахты – тесный каменный погреб. Солёный потерял разницу во временах

суток. В камере тьма крошечная, промозглая сырость. Белый свет только и видел, когда на допросы водили.

Майор хотел вырвать зло с корнем, поэтому надоедливо выпрашивал про сообщников.

– Один я, благородь! Как есть одинёшенек... И змею в госпитале я подвесил, а не кто иной. Перед святым Евангелием могу клятву дать.

Майор так и не узнал имён сообщников Солёного и укорил арестованного:

– Нехорошо с мёртвого на себя вину перекидывать. В сём деле ясное определение есть – не ты виновник...

В конце концов майор вынес определение о высылке Солёного на каторгу.

Фёдор прослышал о том, к милости Беэра обратился:

– Без злого умысла сделал всё Солёный. Поозоровал самую малость. В рудах немало смыслит Солёный. Вместе на Змееву гору хаживали, в иных местах бывали. Окажите милость, ваше превосходительство! Поручательство за Солёного даю...

Беэр без излишней проволочки строго прикрикнул на просителя:

– Не твоего ума указывать правосудию! Солёный с бородой по пояс – сам ответчик за свои дерзкие и преступные помыслы. Что заслужил, то и получил. Ступай!

Фёдор ушёл подавленный и униженный. Где же искать выход? Лелеснов долго и безуспешно ломал голову над тем. А время не ждало. Солёного могли отправить с Барнаульского завода неизвестно куда. О том Фёдору пояснил по секрету знакомый караульный сержант.

* * *

До ареста Солёного и после на Змеиногорском руднике случились события, не в шутку испугавшие горное начальство. С поверхности в Луговую штольню падал лихтлох. Над ним установили гаспиль – ручной ворот для подъёма руды наружу. По концам деревянного барабана – кривые железные ручки. Вместе с ручками вращался барабан. На него наматывалась при

этом прочная пеньковая верёвка, к концу которой привязывалась бадья. Вниз бадья шла пустой, вверх поднималась с рудой весом в пятнадцать-двадцать пудов. Четверо работных лезли вон из кожи, поднимая воротом руду. К первому вороту начальство поставило восемь работных – две смены. Работные наотрез отказались стоять у ворот. Для порядку их при всенародном стечении высекли плетьюми.

Наутро в центре крепости – у высокой шестиугольной будки – столпились работные. Будка насажена на низкий столбик. Крыша окрашена в зелёный, стены – в красный цвет. Будка служила для наклейки публичных указов начальства.

И вот на ней запестрел свежий указ о побеге восьмерых работных от ворот – сбежали невесть куда. После побега сам главный нарядчик привёл другую партию работных к вороту. Те подняли несколько бадеек с рудой, и ноги подломились от усталости. Нарядчик зло выругался, зарычал цепным псом:

– Пошто не робите? Это при мне так, а без меня? А ну, встать к вороту!

Почти до самой высыпки работные вытянули бадейку и, как по команде, рассыпались по сторонам. Железная ручка хлестнула нарядчика по голове, да так сильно, что не успел дрыгнуть ногой.

Рудничное начальство принялось судить-рядить, отчего могло приключиться такое. Работные же хором заявили: «Не повинны мы. Господин нарядчик сверх нашей силы заставил робить... Потянула нас бадейка вниз... как мыши от кота, разбежались мы. Покойничек же, царство ему небесное, и малости не поостерёгся, в самую близь к воротку припятился, вот и хлопбыстнуло его».

Работных каждого в отдельности допрашивали с большим пристрастием, драли кошками – длинными узкими ремнями с угловатыми вырезами на концах. С первыми ударами кошки спина человека густо кровоточила. Священник читал увещевание, пугал муками ада за невысказанное признание. Работные так и не дали показаний, угодных начальству. А через несколько дней, как и их предшественники, сбежали с работы. И не в том самое страшное.

В рудничной конторе сыскалось новое подмётное письмишко. В нём сообщалось: «Укоцали лютого нарядчика и до тебя доберёмся, управляющий...»

И вслед за тем – другое происшествие. На дне Подрядной штольни нашли мёртвого шихтмейстера Слатина со сплюснутым лицом. Как раз напротив лихтлоха.

При следствии всех работных таскали в рудничную контору. И без толку. Каждый отвечал молчанием или неопределёнными словами.

Причина смерти шихтмейстера так и осталась неразгаданной.

Над лихтлохом не было ограждения. Рудничное начальство донесло рапортом по команде: «Разбился при падении в лихтлох от собственного недосмотра в сумеречное время...»

Не успели засыпать землёй могилу шихтмейстера, как появилось другое письмишко: «Нырнул шихтмейстер в гору и с концом. Кто ещё?...»

Слатин работным и на вершок не уступал. Знало о том начальство и потому вдвойне сконфузилось от найденного письма и своей отписки.

Безр негодовал. И больше всего оттого, что бежавшие работные как в преисподню проваливались. И без того недостаток в людях...

И только через четыре месяца пришла обнадеживающая весточка. Из походной канцелярии командующего русскими укреплёнными линиями в Сибири сообщили, что на пограничных постах поймали немалое число беглых работных Змеиногорского и других рудников Колывано-Воскресенской округи. При следствии установлено, что «онье беглецы уличены в намерении к побегу в калмыки и зенгоры, в роптании, разглашении непотребных и противных указам речей...»

Укреплённые линии усилили отрядами выписных казаков. На крепкий замок закрыли границы.

В это время из секретной комиссии при сенате пришла бумага. Предлагала она определять в горные работы на Колывано-Воскресенские заводы и рудники осуждённых на каторгу в разных местах Российской империи. Безр и члены Канце-

лярии Кольвано-Воскресенского горного начальства руками и ногами забили против того. Своё мнение объясняли в про-
странных поношениях царскому кабинету и секретной комис-
сии тем, что каторжники лишены «всякого человечества
и добронравия» и их нельзя употребить при плавке и добыче
серебросодержащих руд, так как эта работа «требует ревности,
верности и прилежного примечания...».

На самом деле начальство боялось другого – пагубного вли-
яния каторжников на «умы и настроения рабочих, воровства,
пакостей, нерадения и бываемых после того бесконечных след-
ствий и затруднений...».

На юг от Большого Сибирского тракта путь для каторжни-
ков оказался закрытым. Их угоняли дальше, на Нерчинские
свинцовые рудники.

Начальство Кольвано-Воскресенского округа осталось
довольно, что оградило заводы и рудники от нашествия злых
каторжников. Тревожило другое. Что ни день, приходили вести
о новых дерзостных проступках, за которые рабочим одно
наказание – каторга. Каторга – бочка без дна, которую не напол-
нишь никогда. Как же удержать рабочих на заводах и рудни-
ках? Было над чем подумать. Лицо Безра постарело, потреска-
лось от морщин, как земля в сухое, знойное лето.

В десятый раз Безра принялся просматривать списки прови-
нившихся мастеровых рабочих. Почему-то первой бросилась
в глаза фамилия Солёного. «Опять он, этот Солёный...» – с раз-
дражением подумал Безра и вдруг посветлел от неожиданно
родившегося желания. Тотчас же приказал денщику:

– Привести ко мне Солёного.

С заросшего лица в упор смотрели насмешливые глаза.

– Ну-с, Солёный, – весело заговорил Безра, – не пустой ли
наговор на тебя, что намеревался меня и других лишить жизни.
Говори сушью правду.

– Истинно, что нет наговору! Тебя, высокоблагородие,
при случае не отпустил бы в целости, потому как ты насолил
немало многим, а ефрейтора не думал лишать жизни, просто
помешал ему прибить мальчонку.

Беэр позеленел от неслыханной дерзости, закипел, как на огне.
– Каков наглец, а! Убрать немедля Солёного!

Дня через два-три, малость успокоившись, Беэр подумал: «Такие люди, как Солёный, потерянные, испорченные вконец, а отпускать их из округи не резон: в работниках нехватка...» И тут голову генерала посетила удачная мысль, которую он объявил чинам канцелярии. Отныне всех, кого ожидала каторга, стали втихомолку рассовывать по самым глубоким и скрытым от любопытных взглядов подземным выработкам, употреблять в работы скованными и под надёжным караулом.

– Именоваться этим людишкам секретными колодниками, жить под землёй неотлучно, наподобие кротов, до самой смерти, – заключил Беэр.

* * *

Блекли яркие летние краски. На перестоявших, некошенных травах – первые признаки увядания лета: густо-красная мелкая сыпь, вроде ржавчины. В зелени кустарниковой листвы с каждым днём отчетливее проступали медно-красные, золотисто-жёлтые пятна. Над горными хребтами, на вершинах елей и пихт – нежная воздушная синь. В долинах и на увалах она густела, становилась почти чёрной.

Не первую страду провожали Смыковы без Насти. Кузьма не знал покоя от тревожных предположений о судьбе жены. Всё свободное от горной работы время рыскал окрест Колывани вёрст за сорок, придирчиво выспрашивал про Настю – не проходила ли куда мимо, не говорила ли чего. Встречные люди неизменно отвечали: «Нет, не видывали такой молодухи, слухом не пользовались о ней...»

И в душу Кузьмы запало страшное подозрение: не наложила ли на себя руки с обиды душевной?.. От этого Кузьма срывался с места, в бесконечных надеждах кружил по горным трющобам, лесной глухомани. И казалось Кузьме, что Настя где-то здесь, за камнями или кустами хоронится и не смеет подать голоса. Кузьма долго и надсадно кричал. Гулким, насмешливым эхом отвечали на зов человека горы и лес.

Кузьма возвращался домой угрюмым. В разговорах с отцом не скрывал своего раздражения, злого блеска в глазах.

Сегодня ещё и половины нивы не убрали, а Кузьма бросил работу. Сидит, в голове одни и те же мысли – о Насте. Решился и твёрдо заявил отцу:

– Управляйся один. Ещё раз проеду по деревням и выселкам.

Савелий отбросил недовязанный сноп. На волосатом лице ничего не прочтёшь, лишь в голосе тонюсенький, еле уловимый смешок.

– Рехнулся, что ли? Нешто способно мышь в скирде искать! Выбрось блажь из головы и робь как полагается. Ить нас, грешных, добрый денёк кормит годок, так-то.

Кузьма недовольно заворчал:

– Тебе-то что? Настя для тебя никто. А мне – венчаная жена. Повинен перед ней немало и желание имею сказать ей о том. Чай, не старец я, чтобы жизнь без жены коротать.

Савелий совсем выпрямился от работы, похолодели глаза, в голосе строгая неотразимая властность.

– Ишь, о чём запела птаха божья! А где раньше был, супостат! Такую бабу мимо себя пустил, а теперь ершинные слюни распустил во сто концов. Отца винить в том надумал. Шкуру спущу по клочку за такие слова!

В руках Савелия заиграли сложенные вдвое жгучие волосяные вожжи. От удара вожжами до самых костей прожигает тело. Знал о том Кузьма, но не пошёл впопятную. Медленно пошагал навстречу отцу.

Савелий не выдержал неподвижного, ошалелого взгляда сына, бросил вожжи и проковылял к шалашу. Сдал и Кузьма, вслед отцу срывающимся, почти плачущим голосом прокричал:

– Не сейчас, так после страды, а всё равно поеду!

Кузьме не пришлось ехать на новые поиски. Из Барнаульского завода пришёл ответ на сыскную память³³. Сообщалось, что Настя находилась в «домашнем услужении» у про-

³³ *Сыскная память – бумага о розыске беглых.*

тоиерея барнаульской церкви Петра и Павла. А управляющий Кольвано-Воскресенским заводом Улих получил предписание об отправке под надёжным караулом Савелия и Кузьмы Смыковых на Барнаульский завод. Недоумевали отец с сыном, за что в ослушники попали. В дороге думали, какая-нибудь напраслина, ошибка на их долю выпала. Лишь после в мозгу Савелия закопошила смутная и тревожная догадка: «Нешто Настя затеяла, а может, натворила что...»

Конвойные солдаты со всей строгостью глядели за каждым шагом Смыковых. Пойдёт кто из них в сторону по нужде, а конвойный тут как тут, где-нибудь рядышком за кустиками притаится. Да ещё поторапливать примется: «Тут тебе не дома в огородных полынях или подсолнухах прохладиться. Пошёл на место. Служба, она порядок любит...»

От такого обращения Савелий с каждой верстой всё больше убеждался в правоте своей догадки. Кузьме по-прежнему невдомёк. Прозрел лишь тогда, когда из-под замка Барнаульской гауптвахты привели на судебный допрос. После обычных пустяковых вопросов майор Кашин строго предупредил:

– Надлежит вам говорить только сущую правду, в том и дайте клятвенное обещание.

Откуда-то сбоку вынырнул священник в чёрной пространной рясе. Не подошёл, а ночной птицей бесшумно подлетел к подсудимым. Обещание читал внушительным, торжественным баском.

– Вот тут и крестики ставьте...

«Так и есть...» – подумал Савелий и чуть не рухнул на пол, когда в комнату ввели Настю. Стала сбоку солдат, строгая и отчуждённая, словно и в глаза не видывала раньше Смыковых.

Судейский писец, плоский и чёрный, как грифельная дощечка, принялся читать бесстрастным, скрипучим голосом обвинительное заключение со ссылками на свидетельские показания.

Савелий пучил глаза, немел от удивления. В его памяти давно бльём поросло то, о чём разглагольствовал писец. А теперь воскресло. Стало близкой и зримой явью. Савелий понял одно:

большую провинку вешали ему на шею. И сил не хватало сбросить её. Проницательный, холодный взгляд майора, слова страшного обещания отнимали волю к сопротивлению.

Когда писец заглох, начался короткий допрос. Приговор был определён и заготовлен ранее, требовалось просто-напросто соблности установленную формальность.

Майор коверкал тишину громкими вопросами.

– Савелий Смыков, склонял ли ты сноху свою к греховодному прелюбодеянию? Нет ли излишней твоей вины в том, что ты слышал сейчас?

– Истин бог, правда сказана во всех тех бумагах...

– И не думал, что грешно? – вставил священник.

– Как не думать, батюшка. И такое думалось. Да не волен я греховный соблазн оборотить, не было силов моих на то.

Майор поспешно заключил показания Савелия:

– Всё ясно и понятно. – И с вопросом к Кузьме: – Говори теперь ты. Знал ли, что отец твою жену одолевал домогательствами?

Голос у Кузьмы слабый, невнятный, схож с шелестом трав на лёгком ветру.

– Знал, благородь. Сама жена рассказывала.

– Знал, говоришь? За что жену обижал?

– За обиду и посеичас повинен я, благородь. Не поверил тогда жене.

– Жаловался ли по команде на родителя своего?

– Всё при мне осталось...

– Так, так... что ж, похвально, Кузьма Смыков, твоё поведение. К родителям почтение имеешь. Закон запрещает приносить жалобы на родителей.

Насте и вопроса никто не задал.

Писец снова начал читать. Теперь приговор.

Настя хорошо улавливала смысл прочитанного, и лицо её светлело. В приговоре говорилось: «...последняя побуждалась к тому прелюбодеянию под всякими насилиями и утеснениями, однако ж не сокрыла о том от своего мужа и по женскому своему состоянию, насколько достигла смысла её, то она – не умол-

чала и посторонним людям о том сказывала, почему и оставить её свободной...»

Насте зачлось и то, что «будучи убегом из дому, дорогой воровства по деревням не чинила».

Савелию и его жене грозила Нерчинская каторга, которую заменяли «работой при здешней горной команде...».

Кузьмы Смыкова приговор не касался.

Священник обратился к Насте:

– По законам святейшего синода за тобой остаётся право выбора – быть в прежнем браке или нет. Хочешь ли вернуться к своему мужу?..

Настя решительно ответила:

– Нет, не хочу.

Так и осталась при Барнаульском заводе у отца Феропонта в домашнем услужении.

* * *

В конце лета глубокой ночью от ворот Барнаульской гауптвахты отъехала крытая пароконная повозка, протарахтела по деревянному настилу плотинного моста. Позади остался крутой лысый подъём, отсюда начинался Змеиногорский тракт.

Жидок и робок лунный свет. Но и при нём хорошо заметны сторбленные фигуры возницы и двух солдат. Один на облучке, другой – на запятках повозки.

До деревни Ересной тракт с обеих сторон стеснён густым сосновым лесом. За деревней, по левую сторону – пашенные косогоры попеременно с нарядными берёзовыми колками. Под монотонный топот конских копыт и стук колёс солдаты дремали. Их головы кланялись, как тяжёлые топоры-колуны, кажется, вот-вот сорвутся с плеч и покатаются рядом с колёсами.

У деревни Бельмесёвой, едва переехали жидкую гать через ручей в узком и длинном овраге, выпрягли лошадей. Место укромное, тихое – самое подходящее для ночлега.

Ещё не занимался рассвет. Солдаты воспряли ото сна и себе не поверили. Кто-то накрепко скручивал им руки и ноги тонкими, въедливыми верёвками. Как отчаянно ни брыкались, а силе уступили. И кричать нельзя: рты плотно забиты тряпьем.

В злом исступлении солдаты бочонками катались по густой траве. Только и слышали – глухой перестук копыт неосёдланных лошадей, звон цепного железа. Потом всё потонуло, заглохло в клейкой тишине. Догадались солдаты: нет в повозке узника...

В нескольких верстах от деревни Бельмесёвой – отлогая конная дорога к самому обскому берегу. Здесь на привязи покачивалась двухвёсельная вместительная лодка. В неё прыгнул человек. То был Солёный.

В освобождённых от цепей руках и ногах упругая, застоявшаяся сила так и подмывала широким взмахом вёсел кинуть от себя полреки.

Вплотную к Солёному подошёл Фёдор, заговорил:

– Вот тебе паспорт. Значишься ты вольным поселщиком в здешних краях, государственным крестьянином Тарской округи Климентием Проскуриным. Как устроишься на поселенье – дай знать.

Краешком луны осветило берег, Солёный, кроме Фёдора, увидел ещё трёх человек.

– То мои помощники, мастеровые Барнаульского завода. Довезут тебя до Белоярской слободы, – пояснил Фёдор и взволнованно добавил: – Ну, прощай, Иван! Свидимся ли? Мне пора догонять рудовозов. Как бы не подумали, что отбил от обоза.

Гиканьем и щелчками бича Фёдор прогнал прочь трёх коней, вскочил на четвёртого. Солёный всего и успел сказать на прощанье сдавленным от волнения голосом:

– Спасибо тебе...

При самом выезде на Змеиногорский тракт Фёдору повстречались двое – крестьяне деревни Бельмесёвой, и он бросил на ходу:

– За коней спасибо! Ищите там, у берёзового колка.

* * *

У рудных сараев на похверке – сотни крестьянских подвод. Здесь оживление. Скрипят санные полозья, фыркают лошади, бойко разговаривают люди. Подводы стоят под погрузкой. Будь добрая воля, крестьяне сегодня ни за что не стали бы робить. Какой ни есть, а праздник – день святого Алексея.

Согревает приветливое мартовское солнце. С сараев срысывается бойкая капель. От её ударов в не успевшем захряснуть снегу слышится глухой шорох. От вешнего потепления у крестьян заветные думки на язык просятся. Только и разговоров, что о земле.

Против властного зова земли и горное начальство бессильно. После последнего зимнего рейса с рудой на Барнаульский завод начальство распускало крестьян по домам на посевную, чтобы не возить за тридевять земель хлеб, а своим кормить постоянных рабочих. Выгода от того немалая.

Горное начальство само установило закупочные, или «платкатные», цены на крестьянский хлеб. Себя не обижало: цены эти чуть не вдвое ниже тех, что держались при вольном закупе. Невыгоден крестьянам такой торг, только ничего против него не скажешь. Хочешь или нет, а отдавай за полцены хлеб, сколько на душу положат. Остаток тоже не продашь – самому до новины не дотянуть.

Пришла очередь грузить руду преклонному старцу. Из-под нависших снежных бровей глаза светятся по-весеннему молодо. Фёдор несказанно обрадовался – узнал деда Силантия. С самого знакомства не видел ни разу.

– Как жив-здоров, дедка? Не бросаешь рудовозить?

От ласкового слова дед распрямылся, охотно и весело ответил:

– В последний разок еду. Внуку вожжи передам. Годами он дозрел до горной работы.– Дед блаженно сощурил глаза от солнца, потянулся, будто в рост шёл.– Только и дел у меня станет, что землицу-матушку сошкой ковырять, травку скотиношке на корм валить.

Потом дед указал на обрез крыши сарая, на грязные лужицы.

– А ить добрый святой Алексей! Не зря божьим человеком кличут. Такая примета от дедов повелась, самая вернейшая: коли Алексей с водой, Никола – с травой. От надо ж так! От праздника Алексея до вешнего Николы и двух месяцев не минёт, а матушка-кормилица человеку дар успеваеет народить.

На прощанье дед горячо, скороговоркой зашептал на ухо Фёдору:

– О земле-то я ить так. Самому пора в землю идти. По душе ты мне, молодец. Завтра раньём, по заморозку, в путь-дорогу выезжаем, а сегодня у племянника моего Алексея Белогорцева тезоименитство. Не погнушайся, уважь старика – зайди.

Феклуша прихварывала, жаловалась на колоти в груди после недавней поездки на Барнаульский завод к двоюродной тётке. Сказала мужу, когда вернулся домой:

– Сходил бы, Федя, к Алексею – сорок ныне ему минуло.

Мазанковая изба Белогорцевых стояла у Караульской сопки, на отшибе. Сюда редко заглядывали рудничное начальство и крепостные стражи.

Людей в избе – как семян в перезревшем огурце – набились из товарищества бергайеры, свободные от работы. От малого достатку принесли, что имели.

Не успел Фёдор переступить порог, как дед Силантий хмельным языком зашепелявил:

– Пришёл, соколик, я и не знал, что кумом Алексею приходишься... Садись рядком со стариком.

Гости пили пиво домашней варки, заедали отварной дикой козлятиной с мочёной колбой, тёртой редькой в смеси с хреном. С каждой выпитой чаркой откровеннее звучали разго-

воры. Такой праздник – великая радость у рабочих. Нет тебе ни доглядчиков, ни фискалов, говори, что думаешь без опаски, под плётку не угодишь.

– Тяжёлая горная работа, да мы сильнее – спихнём её с плеча!

– Клады в Змеевой горе, да не для нас. Наша утеха, когда ногам отдышка наступит.

– Только и праздник, что спина от лозья да плети отдыхает.

И вдруг где-то в углу родилась песня. Она запрещалась начальством – слишком много дерзкого и непокорного слышалось в ней. Сейчас же никто с тем не считался. У песни бойкий мотив. Каждый, кто пел её, вкладывал своё в слова и исполнение. Даже дед Силантий, впервые слышавший песню, в такт ей отбивал ногами, иногда подтягивал фальшивым тонким голоском:

...Наши горные работы
Всем чертям дают заботы,
Всяк стараться очень рад,
Чтоб подрудок был богат...
А забота наша в том,
Чтоб разделаться с уроком,
Чтоб нарядчики на нас
Не косили своих глаз.
Своих глаз бы не косили,
У нас денег не просили,
Не грозили бы рукой,
Не махали бы лозой,
Чтоб не выдрали пять раз,
Пока выробим наказ...
Не успеешь, значит, лечь,
Как валится кожа с плеч...
Да оттудова валится,
О чём петь нам не годится...

Дед Силантий рассыпал беззвучный, затяжной смех.

– От то здорово! Оттого, выходит, и робим без разгибу, что

кожи нет на ентом самом месте. А когда она, кожа-то, наростёт?
Не иначе, на том свете!

Кто-то шутиливо подхватил:

– Всю-то жизнь остатную кожу натягиваем на драные места!

И снова звучный смех.

Фёдор и полчарки не испил хмелю, а смеялся вместе, даже громче и заразительнее остальных. Доброе беспечальное настроение работных крепче самого перестоявшегося пива. Как не смеяться с теми, у которых улыбка – редкий гость.

Как только унялся смех, песня полетела дальше, нехитрая, откровенная, словно окрылённая, подхваченная огрубелыми сильными голосами:

...Как ударят часов пять,
На работы мы опять.
Переключку отведут –
На работу поведут:
Того в шахту, того в гору,
А того к зелёну бору –
Иль деревья ожигать,
Или воду отливать,
Как урок мы кончим свой,
Всех отпустят нас домой,
Мы по улице пойдём,
Громко песню запоём,
Как начальство любит нас,
Как начальство лупит нас!

И вдруг – дверь настежь. Тугими клубами в избу закатился освежающий холодок, а за ним – наряд караульных с поручиком – ротным командиром во главе.

– Что за сборище? – загремел ротный. – По какому случаю и какие песни горланите так сильно?

В наступившую тишину ворвался чей-то голос и затерялся в хоре других.

– Чарочку отведал бы, ваш благородь!

– То правильно сказано!..

– Уважь, ваш благородь, работных, ить люди ж мы!

Поручик строго закричал, будто перед ним стояли на плацу зелёные и непослушные новобранцы:

– Отставить! Дерзость и неуважение к службе в ваших словах! Нешто пристойно офицеру да на службе в такой компании хмельным забавляться!

Тогда в густой полутьме снова занялась прежняя песня. Сначала еле-еле, в один, потом дружно во все тридцать с лишним голосов. Песня зазвучала на этот раз громче и ядовитее.

Поручик хорошо уловил это, хотя до него и не доходил смысл всех слов. Посинев от натуги, унял ревушие голоса.

– Запевала, выходи к порогу!

В ответ на команду понеслась обидная многоголосая колкость:

– Всей оравой, ваш благородь, неспособно податься к порогу – тесновато, чай!..

– Тогда, хозяин, выходи!

Вместо хозяина вышел Фёдор, стал каменным столбом возле поручика, высоко поднял голову.

– Ни при чём хозяин тут. Я запевала! Не прикажешь ли мне, ваш благородь, под замок идти?..

Работные запротестовали.

– Эт-га за что под замок-то?

– Не позволим! Не по-о-зво-оли-им!

По дикому единодушному рёву поручик понял, что хватил чересчур, и заговорил успокаивающим, чуть обиженным голосом:

– Чего бычьи глотки попусту надрываете? И не думал никому зла причинять. Просто хотел просить, чтобы внятно пропели песню.

– То иное дело.

– Хоть до утра слушай сначала до конца нашу песню.

Работным сейчас – море по колено. Снова принялись за песню.

Тем временем поручик шепнул сержанту, острому на память:
– Запоминай ту песню слово в слово.

На другой день поручик положил перед собой лист чистой бумаги. От напряжения кожа на лбу собралась в складки. Медленно, но уверенно плыло гусиное перо по бумажной глади.

Не один раз поручик перечитал свой рапорт и нашёл его убедительным.

Управляющий рудником, получив рапорт поручика, не отважился отхлестать плетью тридцать человек, чтобы не вызвать возмущения работных и остановки работ. «А вот зачинщика наказать – прок немалый будет...»

Беэр и члены канцелярии получили представление управляющего и быстренько сочинили ответную резолюцию: «Всё оное оставить без последствий и предать забвению, дабы не отвращать усердия работных от службы, паче поименованные песнопевцы не прежде и не после в штрафах и наказаниях не бывали, кроме бергайера Белогорцева».

Для острастки работных лишь одного Белогорцева приказано наказать плетью или батождём.

* * *

Беэр долго и придиричиво осматривал строения нового похверка, который находился без мала в версте ниже первого. Здесь Змеевка делала крутой упругий поворот. Её туго перетянули поясом плотины.

Беэр не скрывал удовлетворения от увиденного. Плотина оказалась прочной, пруд полноводным и обширным. Помещения толчейной и промывальной фабрик добротны и вместительны. Теперь змеиногорским рудам нечего залёживаться на месте.

– Хорошо-с, господин управляющий! Достоин похвалы ваше усердие.

Про себя Беэр подумал: «Против прежнего приписных крестьян на перевозку руд потребуется почти вдвойне».

После осмотра Беэр отправился для освидетельствования вновь открытых рудных мест. До самого Прииртышья раз-

бросались они. Пытливой любознательностью рудоискателей открыты.

Путь-дорожка не из ближних. И самое главное – пролегла через неприступные, нехоженые горные кручи, бурные реки, долины и нетронутую тайгу. Многочисленная свита сопровождала Беэра: охрана, горные офицеры, знатоки горного дела, рудоискатели. Даже лекарь и священник были – за длинную дорогу всякое могло случиться. Фёдор тоже в свите. Более десятка месторождений, открытых им, лежали на пути экспедиции.

С места на место продвигались развёрнутым порядком. Из предосторожности, на случай внезапной встречи с воинственными кочевниками, вперёд и по сторонам высылали усиленные дозоры. Каждый в свите – воин: имел ружьё и достаточный запас зарядов к нему. Сам Беэр обучал подчинённых огненному бою. Часто по ложной тревоге люди ложились в густую цепь. Беэр солидно наставлял: «Главнейшее – со смыслом палить надобно. Когда узришь и мушку приклеишь к противнику, тогда и пали так, чтобы наземь замертво, мешком сверзился. При этом трусости не место...»

Строгий военный порядок Беэр завёл в пути. Ранними утрами и в глубокие вечерние сумерки барабанный бой оповещал о начале и конце сурового походного дня. Гулкое эхо долго металось по глухим окрестностям.

Не привык к такому Фёдор. Ненужной детской забавой считал генеральские затеи. И без них можно обойтись. Вставал же Фёдор с первыми птицами, задолго до барабанной трескотни, уходил в лес или куда-нибудь к ручью, вслушиваясь в весёлый птичий гомон.

Через две недели после выхода с рудника случилось такое, что потрясло Фёдора. На вечернем привале не оказалось старого солдата тылового дозора Назара Путинцева. День-другой прошёл, а солдат не появлялся. Беэр и малейшего вида не подал, что обеспокоен происшедшим, лишь втайне подумал тревожное, отчего холодные мурашки пробежали по спине: «Подика, убёг солдат к джунгарам. Приведёт тайком орду несметную, обрушится на голову каменным обвалом...»

И вдруг на четвёртые сутки солдат пришёл перед самым сном. При языкастом пламени костра видно, как поникли солдатские усы, будто чуткие огуречные плети от внезапного заморозка. В солдатской одежде дыры – кулак толкай.

– Виноват, ваше превосходительство, за отлучку... еле дух не испустил догоняючи... с дороги сбился, забрал в сторону.

На этот раз барабанный бой прогремел солиднее. Под него спустили кожу с солдатской спины. Потом солдата добрую неделю возили в повозке – не мог передвигать ноги. Клял он себя, что не угодил к джунгарам в лапы. Съедала обида на начальство за крутое наказание.

Около трёх десятков лет Путинцев беспорочно, верой и правдой служил императорскому трону. Солдатские беды, что раньше проходили стороной, теперь одна за другой обрушились на его голову. Малость затянуло кожу на спине от плети, и по милости Безра старому солдату сыскали сносную и более лёгкую службу. Больше не стали посылать в дозорные хлопотливые разъезды, а определили в ночной караул при стоянке экспедиции. Самая стариковская служба. Только Путинцеву и она не в облегчение. Глазами въедается в густую темень, чутким ухом ловит слабые шорохи. И чем внимательнее всматривается и вслушивается в ночь, тем больше страха, что прозевает злого противника. Про себя жарко читает молитву. От этого вроде легче становится на душе.

В облачный разрыв глянула луна. Мягкий свет совсем успокаивает. Не кажутся живыми чёрные, бесформенные кусты. И ночные шорохи теперь таят меньше подозрительности.

И вдруг безмятежный покой ночи и в самом деле нарушен. В гряде кустов хорошо уловимый шорох, чьё-то сдержанное сопение. Совсем близко.

Ружейный приклад сливается с солдатским плечом. Потом резкий привычный толчок. Гулкий выстрел для спящих людей подобен грому. В лагере безголосая суета. Люди заняли свои места в цепи. Путинцев, а с ним трое солдат короткими перебежками приблизились к кустам. Залитый лунным светом, бездыханно лежал виновник ночной тревоги – большой ёж...

А наутро Безр учинил новую экзекуцию Путинцеву. Не упустил случая внушить солдатам и всем остальным пренебрежение к трусости.

– Трусость страшнее всего для тех, кто носит мундир, а особенно солдатский. Потому трусость и наказуема со строгостью, не в пример другим проступкам.

Безр не замечал Фёдора в пути. И слова благодарности не вымолвил, когда пробирщики подтвердили высокое содержание металлов в рудах, открытых Фёдором. Обидно, конечно. Тем более, что другие рудознатцы обойдены вниманием не были. И всё же случай заставил Безра заговорить с Фёдором так же, как при первой встрече на Змеевой горе.

Июльское солнце палило нещадно. От земли исходил сухой испепеляющий зной. На белёсом небе – ни облачка. Экспедиция продиралась сквозь заросли густой предгорной тайги. Тайга не освежала людей живительной прохладой. Напротив, здесь душно от густых застоявшихся испарений, полного безветрия.

Тихо в тайге. Только и слышно басовитое жужжание злых слепней. От их непрерывных укусов кожа на спинах лошадей вздрагивает, собирается в гармошку.

И лишь к вечеру потянуло прохладой. Над тайгой – почти незаметное, под цвет неба облако. Вот оно занялось робкой прозрачной голубизной. Потом стало наливаться густой с сизым отливом синевой, четко обозначились рваные и подвижные края.

Несколько раз облако перечеркнула бойкая молния. Сочно и раскатисто прошёлся по тайге гром. От густого проливного дождя потемнело, как ночью. Люди разбегались в поисках убежища. Слова команды офицеров не останавливали их – глохли в шуме дождя и ветра, в раскатах грома.

Неожиданно дождь перестал. Порывистый ветер принёс запахи едкой гари. Вскоре на вершинах деревьев лисьими хвостами затрепыхалось злое рыжее пламя. Намокшая тайга трещала, искрила, но не могла устоять перед огнём. Пламя, как ошалелое, прыгало по ветру из одной стороны в другую. Люди сразу же потеряли друг друга. Некоторые падали в огненное пекло, кричали о помощи.

Сбоку от Фёдора – отчаянный, срывающийся крик. При свете пожара в густом мелком подлеске хорошо виден след повозки. Фёдор пошёл по нему. Под ногами хлюпала вода. Смоченной тряпкой Лелеснов закрыл лицо до самых глаз, от этого легче дышалось в подлеске, где дым гуще.

И вдруг Фёдор провалился по самый пояс во что-то жидкое и густое. «Болотная топь», – мелькнула верная догадка.

Фёдор еле выбрался на сухое, отыскал несколько толстых и длинных палок, осторожно по ним начал пробираться вперёд.

Крик совсем рядом. Вот и барахтающийся в холодной тине человек. Фёдор скомандовал:

– Держись крепче за палку!

Битый час Лелеснов вызволял человека из цепких объятий таёжного болота. На сухом месте человек впал в беспамятство. Фёдор узнал в нём Безра. Как он сейчас не походил на властного и строгого начальника! В грязи по самые уши, генеральского одеяния не распознаешь. Стараниями Фёдора к Безру вернулось сознание.

Ветер подул в другом направлении. Пожар отступил в сторону, постепенно затих его шум. Тайгу огласили завывающие ауканья. Группами и в одиночку люди подходили к Фёдору.

На другой день стало известно, что не вернулось пять человек, исчезли две повозки с лошадьми.

Безр, переодевшийся и воспрянувший духом после испуга, наедине сказал тёплое слово Фёдору:

– Спасибо, штейгер! Твоей заслуги нельзя забыть. Держи награду – ровно пятьдесят рублей.

Фёдор отпрянул в сторону.

– Не могу взять этой награды, ваше превосходительство. Душа и совесть заставляют вызволять каждого человека из беды... Потому и не возьму.

Безр поначалу удивлённо ухмыльнулся, потом охотно согласился:

– Твоя воля, штейгер! Впредь в долгу не останусь...

Весь обратный путь экспедиция прошла без происшествий, если не считать одного. До Змеиногорского рудника не остава-

лось и дневного перехода, а пришлось заночевать. Наутро барабаны на два часа позже обычного спугнули утреннюю тишину. По случаю окончания похода отдыхали дольше.

Безр потягивался на копне свежего сена. Густые запахи щекотали ноздри. От ярких, ещё не успевших набрать тепла, лучей невольно и блаженно щурились глаза.

Впереди видна Змеева гора, чуть задёрнутая дымкой синеватого тумана. Там, на руднике, предстоял долгожданный отдых от дорожных мытарств и невзгод.

Безр находился в добром, безмятежном настроении. И вдруг его лицо окаменело. В округлённых по-рыбы, застывших глазах – дикий страх. Мгновение, и неведомая сила легко сбросила Безра в одном исподнем белье с копны. Истошный вопль всполошил людей.

– Змея, змея!

Безр поспешно, на ходу сбрасывал исподнее.

– Бейте же её! Бейте!

Первым схватил увесистую палку Назар Путинцев. До двух потов молотил ею, замаливая прошлую провинку. На генеральском белье живого места не осталось от зелёных и чёрных полос – следов палки. Тем временем нагого Безра с подобающим вниманием освидетельствовал лекарь.

– Благодарение богу, ваше превосходительство, змеиного укуса на теле нет.

Безр успокоился и как ни в чём не бывало принялся торопить со сборами в дорогу. Вдруг, как на грех, подскочил Путинцев и по всей солдатской науке отрапортовал:

– Ваше превосходительство, не змея, а лягушка-с оказалась в вашем исподнике! Как есть она, шельма!

Для убедительности солдат извлёк из кармана штанов останки лягушки.

– Выходит, мерзавец ты этакий, я соврал насчёт змеи?! Да как ты смеешь! Прикажу плетью засечь насмерть за твои лживые речи!

Фёдор умоляюще попросил:

– Не трожьте его, ваше превосходительство. Уважьте мне.

Безр смягчил тон.

– А может, он и вправду по недосмотру упустил змею и убил лягушку, коя прыгала рядом с исподником, потому и заключил по собственной глупости, что она лягушка меня побеспокоила.

Позже Беэр приказал уволить Путинцева в отставку «за преклонностью годами и глупостью рассудка»...

Честность солдата сошла за глупость. Беэр же через то оградил свою генеральскую честь.

* * *

Однажды командир караульной команды при Барнаульском заводе поручик Синяков пришёл в гости к отцу Ферапонту. Здесь же находился ревизор из Тобольской духовной консистории, немолодой протоиерей Игнатий. Ревизор немало важничал, еле ворочал кудлатой головой, будто опасался, что о шею перетрётся толстая золотая цепь и массивный крест упадёт на пол. Как и подобает человеку его сана и возраста, он вёл душеспасительный духовный разговор.

– Жизнь земная – кратчайший сон... Вечность – с вознесением на небеса. Посему на земле человек должен строго блюсти законы православной церкви...

Отец Ферапонт приметил на лице поручика гложащую скуку, исподволь и многозначительно подмигнул ему, давая понять, что и при скучном начале можно ожидать весёлого конца. Потом как бы вскользь обронил:

– Велела бы, матушка, стол накрыть.

В небольшой уютной гостиной всё давно готово к приёму гостей. Со стола приветливо поглядывали бутылки, тонкие аппетитные запахи изысканной снеди щекотали ноздри.

Отец Игнатий уселся первым, сказав с тяжким вздохом:

– Грешен человек безволием своим перед дарами земными.

После третьей чарки ревизор перестал отрешиваться и в утеху своей совести оповестил:

– Что три, что шесть чарок – один грех разом.

А отец Ферапонт с тонким знанием дела прогремел в дверь:

– Велела бы, матушка, подать энту наливочку, что в третьем году наделана, под красной сургучной печатью и облита

воском. Да икорки осетровой свежего посола с нарезанным лучком...

С подносом в руках вошла Настя, чуть заметно улыбнулась, с достоинством поклонилась.

Поручика совсем недавно перевели по службе из Екатеринбурга в здешние края. На Барнаульском заводе не знал он ещё многих людей. И Настю увидел впервые.

– Никак дочь ваша, отец Ферапонт?

– Не-е, разведённая жена... в услужении мне находится.

Наливка оказывала своё быстрое воздействие. Захмелевший отец Игнатий отставил в сторону кисель и сухие блины, осенив неуютную пищу крестом.

– Сие – божий дар беззубым и древним старушкам. Нам же что потвёрже да потяжелше, ибо зубы наши, аки клыки волчьи.

Потом придвинул к себе соблазнительную скоромную пищу, долго и аппетитно чавкал полным ртом.

Поручик плохо слушал пьяную болтовню ревизора.

С приходом Насти затуманенный хмельной взор его прояснился. И сейчас поручик неотрывно глядел на дверь в надежде, что снова появится Настя.

Наконец отец Игнатий непослушным языком произнёс последние слова:

– Всяк упившийся да сверзится в постель.

С тем и уковылял прочь неуверенной походкой. Поручик сразу же нетерпеливо выпалил хозяину:

– Как зовут её?

В ответ сдержанный, понимающий смешок.

– Вижу, вижу, поручик, Настя по душе пришлась. Что ж, дело мирское, житейское. Вам ведь и сорока не минуло. Мужчина, как говорят, в самом соку, вдобавок вдовый. На Настю же никакого запрета от церкви нет.

Отец Ферапонт вроде в душу поручика заглянул.

– Настенька, пойдя сюда!

По настоянию хозяина и гостя Настя выпила полчарки наливки. Не помнила, когда хмельное брала в рот. Щёки налились густым румянцем. Лукавым, как в девичестве, огоньком

засветились глаза. Под предлогом приглядеть за своим коллегой удалился отец Ферапонт. Поручик решил воспользоваться до конца выпавшим случаем.

– Скучно одной жить, Настенька, не правда ли?

На лице Насти плутоватая улыбка. Ответила уклончиво:

– При работе не до скуки...

– Выполнишь мою просьбу, Настенька?

– О чём просьба-то? Может, подать что?

Поручик кивнул головой на стул рядом с собой.

– Сядь сюда, Настенька...

– О-о, не годится так-то, чтобы прислуга к хозяйскому гостю подсаживалась.

– А я сам пересяду.

– А ну попробуйте!

Пока поручик тяжело и неуклюже вставал со стула, Настя порхнула к двери и подзадорила весёлым смехом:

– Что же вы стоите? Садитесь же на этот стул!

– Дикая коза ты, Настенька! Чего испужалась, вдовая?

Слова Насте – что горох в стену. Как стояла у двери, так и осталась там. Потом сказала строго:

– Коли ничего не надобно, я уйду. Дела ждут.

– Твоя воля, Настенька! Только я не раз к тебе приду.

– Я же не хозяйка в этом доме. А у отца Ферапонта немало людей бывает. И вам к нему дорога не заказана, коли надобность приведёт.

Раза три поручик находил после предлог, чтобы побывать в доме отца Ферапонта. Не столько говорил с хозяином, сколько бойко стрелял глазами по сторонам в надежде увидеть Настю. А Настя, как нарочно, проплывала где-нибудь в стороне плавной походкой, делала вид, что не замечает пришедшего человека.

Первое время отец Ферапонт выказывал, что не догадывается о намерениях поручика. Потом как-то хлопнул его пухлой рукой по плечу и сказал напрямик, добродушно:

– Не придумывайте заделье для прихода сюда. Всё вижу и понимаю. Вот то дверь Настиной комнаты. В неё, минуя меня, всегда проходите...

И поручик зачастил, долго засиживался в комнатухе один. Настя находила дела и отлучалась, пока не исчезал гость. Лишь где-нибудь во дворе поручик успевал сказать хлопочущей Насте:

– Что же ты убёгом бегаешь? Безо всякой надежды прихожу к тебе...

После каждого прихода поручика в шкафчике росла горка свёрточков с подарками. «Ну и пусть себе таскает! Надоест – перестанет», – думала Настя и бережно укладывала свёрточки в свой незатейливой работы сундучок. Даже из любопытства не развернула ни одного из них.

Отец Ферапонт бесконечно поражался: «Сама судьба на тройке навстречу мчится, а Настя в сторону сворачивает. Не годится такое». И поручику и священнику думалось одно и то же: «Нет причин у Насти отвергать мужчину».

Как-то к своему большому изумлению и радости поручик застал Настю в комнатухе праздно сидящей. Принарядилась в лучшее платье, отчего ещё сильнее похорошела и показалась невестой на выданье. Поручик, словно юнец, оробел, языком не смог шевельнуть. Только восхищённых глаз не сводил с Насти, ждал, когда она заговорит. А Настя молчала. Думы болезненные, как ожог, распирала её голову. И всё о Фёдоре. Вспомнилась последняя встреча с ним, когда он приезжал в Барнаул. «Окажешься в большой беде – весточку подай. Чем в силах – помогу...» И по сей день в ушах Насти звучали эти слова. Ей казалось, что тогда в голосе Фёдора слышалось большее, чем простое участие. Настя уловила какие-то скрытые порывы души Фёдора. Какие – не знала, но смутно угадывала, что дай им волю Фёдор, и жизнь для неё стала бы светлее и жарче полуденного солнца. Насте думалось, что ради этого следовало пока жить в строгости и отчуждении. Она приходила в душевное смятение от одной мысли, что надежды потеряют власть над ней...

Поручик еле слышным голосом перебил молчание.

– Настенька, чего невесела? Сегодня воскресенье. На дворе весна, в лесу – божья благодать, на полянах – весёлые подснежники.

Настя удивлённо повела бровями.

– Ну и что же из того?

– В лесу, Настенька, грусть-тоску как рукой с души снимает.

Настя спокойно улыбнулась, урезонила поручика:

– Для меня нипочём, а для вас зазорно со мной через весь посад идти. Офицер. А я кто? Не по душе мне та прогулка.

Упорство Насти накаляло чувства поручика. С каждым днём он всё настойчивее добивался её расположения. И, как прежде, без успеха. Тогда поручик отважился сказать решительное слово.

– Нам, Настенька, ничто не мешает соединиться. Будь моей женой.

Настя долго смотрела на поручика. В прищуренных глазах – сожаление и участие. Впервые назвала поручика по имени.

– Хороший и, видно, душевный человек вы, Алексей Павлович. Только не одна дорожка у нас пролегла с вами...

– Почему же, Настенька? Я от всего сердца предлагаю.

Настя выпрямилась. В её голосе послышалось гордое достоинство.

– Знаю. Не потому не одна дорожка, что разные мы с вами, что у вас белая кость. Каждый должен себе цену иметь. И я имею. Не боюсь, что подомнёте меня. А вот полюбить вас, когда в сердце заноза, кою не вырвешь, не сумею. А жить так, без искорки, не могу.

Поручик несколько отступился от Насти. Много дней ходил живой тенью. От рассеянности послабление в службе допустил. Из-под караула сбежали пятеро арестованных мастеровых, перемахнули через границу к киргиз-кайсакам. Поручик получил строгое наказание от воинской команды – на два года растягивался срок представления к присвоению очередного звания.

Среди барнаульской горной знати злой зимней позёмкой поползли пересуды: «Синяков с ума свихнул – вознамерился на бергайеровой жёнке жениться. Недостойно офицеру так себя вести. Служанка – не ровня ему. Хотя и разведена, а муж-то её жив...»

Поручик почему-то, что ни день, сильнее уверовал: не говорила Настя слов отказа. Сон всё это, не больше. Лишь после

вторичного пылкого объяснения поручик убедился, что Настя создана не для него.

Настя же после того ушла из услужения отцу Ферапонту. Зашила в мешочек из чистой холстины все до единого подарка и попросила матушку:

– Отдайте Алексею Павловичу.

Из сострадания к поручику Настя ушла с Барнаульского завода. Куда – никому слова не сказала.

* * *

С крепостной стены рывкнула пушка. Тотчас же на будке появился указ. Большой лист бумаги усыпан крупными буквами. Выстрел и указ оповещали о побеге с глубинных подземных работ Змеиногорского рудника секретного колодника. Имя его умалчивалось, зато приметы расписывались с дотошными подробностями. И самое главное – указные знаки, или клеймо, на лбу: «З. Р.» – сокращённое название рудника.

Указ настрого предписывал каждому работному, под страхом жестоких наказаний за упущение, задержать беглого, за то обещана немалая награда: двадцать пять рублей деньгами. Чтобы усилить рвение работных в поимке, начальство сообщало, что «оный вор и разбойник к тому же убивец трёх человек, из коих один – малолетний ребёнок...»

Загадели, засудачили работные. Не бывало такого, чтобы в секрете находилось имя беглого. Да и не слыхивали до этого, чтобы какие-то секретные колодники на руднике водились. В глаза их никто не видывал. Откуда им взяться и кто они?

Несколько дней подряд солдаты шныряли по руднику, версты на две окрест его обшарили все кустарники и каменные выступы. А беглого не нашли, будто кто выдумал его. По селениям поскакали нарочные.

Работные, наперекор наказу начальства, ничуть не помогали в поисках, между собой переговаривались. «Поди, наш же брат, тот беглый. А что убивец, то, может, брехня. Начальству и барышнику – одна вера».

Глубокой ночью в дверь избы Фёдора несмело постучали. Мелкий и густой осенний дождь противно хлюпал в лужах. Казалось, кто-то неуверенно, на ощупь шагал в сапогах.

Фёдор открыл дверь. В крошечной темноте не видно и силуэта человека.

– Это я, кум.

По голосу Фёдор узнал Алексея Белогорцева.

– Ну ж и непогодь... А правда, сбрыхало начальство, что беглый убивец.

– Завтра не мог сказать? Затем только и пришёл?

Белогорцев, будто не слышал вопроса, протиснулся в сени, отряхнулся и бросил в темноту:

– Заходи сюда... Открой-ка, кум, чулан да светильник запали – из чулана свет наружу не просочится.

При дрожащем свете Фёдор увидел незнакомого человека. Нечёсаная борода туго скрученными верёвочками падала ниже пояса. На левой руке болтался обрывок цепи.

– То ж Васька Коромыслов, – сказал Белогорцев. – Помнишь? Сыскал его ноне вечером в копне сена за огородом. Он и есть беглый колодник. Хочет важную весть сказать тебе.

Васька сел на лавку, несмело попросил:

– Поесть и испить бы что. Третьи сутки голодом... Цепочку с руки сбить да бороду обрезать...

Голос у Васьки увядший, надтреснутый, в движениях бесконечная усталость. И только беспокойный блеск глубоко запавших глаз говорил о большом душевном волнении.

– Поклон тебе, Фёдор, от дружка и тестя Солёного. Вместе с другими колодниками робит в потаённом забое Змеевой горы на большущей глубине... Иные прикованы к тачкам. Те, кто руду откатывают, по двое и трое скованы. У каждого на лбу, как у меня, отметина. Всех человек двадцать. Бывало и более. Померли некоторые... Раз в неделю на тачках выкатывают руду в Крестительскую штольню, когда нет там посторонних глаз. Под строгой охраной робят...

Фёдор нетерпеливо и горячо перебил:

– Выходит, каторжные они?

– Хуже, брат... нету оттудова выходу никому наружу. Глаза совиными стали. Факелы разрешают жечь только при работе. Остальное время люди в темноте копошатся.

Васька поймал недоумённые взгляды на лицах слушателей и рассказал, как убежал из подземелья.

– Раздумался я как-то и порешил: не погибать же мне в свои годы в ентом каменном мешке, не повидавши бела света. Подойду с тачкой к острому роговиковому выступу вроде руку почесать, а сам цепочку пошоркаю. Посерёдке. Так-то два годика и тёр, пока, звено в том месте не толще волоска стало. Проробил недели две ещё. Пришла пора в Крестительскую руду выкатывать. Праздник, видно, был или какая другая причина, только на догляде остался всего один стражник. Я в темноту тачку толкнул, другие следом за мной. Солёный меня в бок боднул локтём – беги, мол, авось твоя звезда удачливая, выберешься наружу. А сам тачкой загремел. Я тем разом рванул цепочку. Руке облегчение почуял. Стражник-то рот разинул, нас в тот раз не пересчитывал. Куда бежать скованному? Наружу вышел при подъёме руд. Обрадовался несказанно – над землёю темнота, будто в каменной глуби. Как мышь, забился в сено, поутру к свету приглядывался, чтобы не ослепнуть с маху-го.

Васька доел краюху хлеба, запил квасом, закурил. Вместо глаз от блаженства под бровями узкие, словно острым ножичком прочёркнутые щёлки.

– А харчу там дают столько, что днями по нужде не ходишь... Спешу, Фёдор, на выручку Солёному. И других вызволять надобно. Замрут, как осенние мухи. А находится тот забой вот где...

Васька попросил уголёк. На доске принялся рисовать извилистую линию – Крестительскую штольню. Почти посреди её поставил крестик.

– Здесь начинается забой. Узкий, как кишка, на четвереньках по нему тачки толкают. Вход закладывается камнями, чтобы из штольни незаметно было.

Через два дня Алексей Белогорцев, чуть засерело утреннее небо, поехал по Колыванской дороге за дровами. Не доезжая до Горелого мыса, чёрного от густого леса, свернул влево.

Сыро от дождя. Полдень уже, а солнце не в силах пробиться сквозь осенний морок.

– Ну, вот и приехал. Вылазь!

У телеги-рыдвана двойное дно. Верхние доски зашевелились, и из ящика вылез Васька Коромыслов. Его не узнать. Гладко выбрит, собран как рудоискатель: за плечами большой мешок, за поясом молоток и нож. И что дивно: указных знаков на лбу как не бывало. Фёдор придумал намазать Васькино лицо тёплым воском и посыпать каменной пылью под цвет кожи. Лицо стало гладким, как пасхальное яичко.

– Ну, прощай, Васька! Чтобы шукура скоро не слезла с твоего лица, не смейся, усердно не потей, а спи только на спине. Удачи тебе, Васька!

Алексей поспешно набросал в телегу валежника и к вечеру возвратился домой.

* * *

Рудничное начальство неохотно крепило горные выработки. И не столько из-за нехватки людей, сколько из прижимистых расчётов. В подземелье работных на каждом шагу подстерегала опасность, особенно в выработках по мягким породам.

В стороны от Луговой штольни уходили узкие квершлаги. Один из них по мере удаления от штольни расширялся и образовал обширную выработку – Большой орт.

Здесь стоял неумолчный звон и цоканье сотен кайл и молотков. Орт – настоящий подземный дворец. При неровном, дрожащем свете факелов играли изумрудно-зелёные, пурпурно-красные, золотисто-жёлтые цвета. От горных хрусталиков по стенам и сводам выработки бежали дорожки жаркой радуги.

Богат орт рудами. Именно они, а не волшебные красоты влекли сюда начальство. Здесь находили разных форм золотистые и серебряные блёстки в кварцевой сини с зелёными отметинами, в чёрных и жёлтых охрах. Тёмно-серая шпатовая хрупкая руда с желтоватыми и красными охрами в каждом пуде содержала от двадцати до тридцати золотников серебра, в шесть-семь раз больше, чем в обычных рудах.

Работные с опаской тюкали молотками и кайлами по стенам орта. Если ударить с полного плеча по стене – со свода от сотрясения нет-нет и сорвётся кусок породы с коварной охренной желтизной в изломе. Охра ослабляла породу.

– Свод надобно укрепить – башку в лепёшку сомнёт кому-либо.

Доглядчики стояли где-нибудь в безопасном месте и на разумные замечания работных зычно гудели:

– Но-но! Яйца курицу не учат! Языки меньше сушите да рты не разевайте...

Немало шло руды наверх из Большого орта. Завидущему начальству хотелось ещё больше. Приказало оно, как работные ни упирались, порохом откалывать руды.

Несколько зарядов в буровых отверстиях грохнули в один раз. Как живой, заходил свод. Загремел тяжёлый каменный обвал. Двух бурильщиков и бергайера сразу похоронили.

После того до ушей начальства дошли «зловредные» разговорчики работных: «Не полезем в глубь горы на верную гибель, пусть начальство суёт головы под каменный дождичек». Начальству поневоле пришлось крепить своды Большого орта. Но работные спускались в него под великим принуждением. Как ни усердствовали доглядчики, а не могли выколотить у работных и половины сменного урока.

На руднике объявилась кликуша – вдова погибшего при обвале бергайера Звонарёва.

Убитая горем, совсем одинокая и немолодая женщина появлялась в самых людных местах, садилась на землю и визгливым, задыхающимся голосом городила страшное.

– Огню предайте себя, но не тревожьте змея семиглавого! Сушит-крушит ентот змей проклятый всех, кто в его логово заглядывает. Морской волной накрывает за дерзость и непочтение к себе. Изы-ы-ыди-и-те от змея! В том спасение ваше, люди!..

Лицо, всё тело Дарьи передёргивали судорожные корчи. Смолкала, когда покидали силы, лежала неподвижная с шапкой мыльной пены на губах.

Работные мимо ушей пропускали кликушество. Заботливым уходом, тёплым участием и добрым словом проясняли рассудок Дарьи. Даже совсем было утихомирили её, но ненадолго.

Верстах в сорока от Змеиногорского рудника в укромном и потаённом уголке Кольванского хребта дозорные казаки отыскивали раскольничий скит. Бесценная находка для горного начальства – так нужны новые работники для рудника. Казаки сунулись было за палисадную стену. Не тут-то было. Массивные ворота оказались на крепком запоре. Тогда казаки принялись истошно кричать через изгородь. В ответ послышался решительный отказ раскольников открыть и объявить себя представителям властей.

– Огненным крещением оградим свои души от посягательств сатаны!

Затем из-за палисада потянуло лёгким дымком. Вскоре над крышей дома взметнулось и бойко затрепетало жаркое, сухое пламя. Сквозь его шум донеслось глухое, загробное пение. Оно угасало с рождением новых языков пламени... И вот совсем затихло.

Казаки обнажили головы. В запертом изнутри доме сгорели восемнадцать человек.

Весть о том дошла до Змеиногорского рудника. Засудачили работные. Уж слишком безрассудным и страшным показался поступок раскольников.

– Удивишь барина говядиной, когда от жареных цыплят нос воротит.

– Грех-то какой на душу взяли, спалив себя с младенцами в огне.

Работные, у которых головы погорячее, не боялись говорить неуважительное о мёртвых. Резонно распекали самосжигателей.

– Всякому дураку доступно на себя руки наложить! А польза от того какая и кому?

– Впустили бы тех казачишек во двор, по головкам осиновым дрекольем приласкали, и ну на новые места! Лови тогда начальство синицу в небесах!

Дарья Звонарёва, как только прослышала про раскольников, снова закликушествовала, пуше прежнего визжала:

– Во царствие небесное вознеслись непокорные! Вечный мир и блаженство обрели! А вы-то что? Навоз невыгребной! Шаёт, а дыму и огня тью-тью! Ящерки беззубые – во кто вы!

Работные не обижались на злые причеты. Как и прежде заботливо присматривали за одержимой. Только для начальства Дарья – что кость поперёк горла. Начальство усмотрело в кликушестве Дарьи «пагубное, из ряда вон выходящее, зловердное и развращающее воздействие» на работных. По приказу свыше солдаты без посторонних свидетелей схватили Дарью и для начала бросили в одиночную камеру змеиногорской тюрьмы, пусть, мол, кликуша своей болтовнёй тюремные стены потешит.

Работные с ног сбились, искавши Дарью. Начальство для показу, что обеспокоено пропажей человека, тоже посылало солдат на поиски. Они осмотрели все места, где могла оказаться Дарья, даже на дно шахтных стволов заглянули, в Змеевском пруду изрядно побулькали.

Встревожились работные, что не усмотрели убогого человека. За недобрую приметку сочли загадочное исчезновение Дарьи.

И вот свалилась нежданная беда. В подземных выработках вода не в диковинку. В одних местах чистая, как слеза, она катилась каплями по стенам, с шорохом срывалась густым дождём со сводов выработок. В других – с сердитым ворчаньем фонтанчиками била в расселины горных пород. В выработках, которые не крепились, подземные воды легче пробивали себе путь и текли обильнее.

Из выработок верхних горизонтов вода отводилась в штольни, частью в Луговую и больше – в самую глубокую от поверхности горы Крестительскую. Оттуда воды стекали в Змеевку или Корболиху. Лишь кое-где стояли насосы с ручными или конными приводами. Они выкачивали на поверхность самую малую часть подземных вод.

Случилось так, что сразу во многих некреплёных выработках вода, как по чьему-то тайному сигналу, хлынула сокрушаю-

щами потоками. В отводных штольнях нижнего горизонта она бушевала неукротимым весенним паводком.

Над рудником поплыл басовитый набат сигнального колокола. Ему жалобно подскуливала колокольная мелочь Преображенской церкви.

Офицеры, солдаты, работные, что находились снаружи, и те, которые успели выбраться из подземелья, сбегались к условленному месту – крепостным воротам. Все прибежавшие по доброй воле или по указке начальства разбились на спасательные команды.

Фёдор с Алексеем Белогорцевым и его двумя друзьями – бергайерами – попросился в выработки нижнего горизонта. Управляющий без заминки согласился: даже среди самых отчаянных смельчаков не сыскалось бы охотников идти на такой риск...

Шум текущей, падающей вниз воды глушил голоса людей. Воздух в подземелье густ от сырости. Факелы трещат, источают удушливый смрад. Пламя на них теряет обычную подвижность, кажется остроконечной медной отливкой.

До самой Луговой штольни Фёдор и его товарищи спустились благополучно. По пути откопали два завала, вызволили пятерых работных. Те наотрез отказались присоединиться к спасательной команде и поспешили наверх.

При каждом спуске вниз по узким шахтным лестницам на головы людей сверху срывались потоки ледяной воды. В одежде не найдёшь и сухой ниточки.

Фёдор не помнил, сколько спусков осталось позади. Замечал одно: чем ниже спускались, тем сильнее бушевала вода.

Алексей Белогорцев за свою жизнь провёл под землёй столько же времени, сколько на земле. Пожалуй, один крот мог равняться с бергайером по умению распознавать тёмные подземные норы. Когда вода дошла до пояса, Алексей облегчённо вздохнул. Фёдор не понимал, чему радуется товарищ. Ведь до этого воды было меньше, и Алексей сосредоточенно молчал.

– Ну, вот и Крестительская! Здесь вода посильнее, хотя и не так шумом пугает, – сказал Алексей. – Свяжемся на всякий случай одной верёвкой, чтобы кого потоком не утянуло.

Осторожно, чтобы не повредить ног о камни, пробрели саженой двести. Алексей первым в цепочке замедлил шаг, принялся факелом чертить по стене штольни.

– Молодец Васька Коромыслов! Как маркшейдер, точно означил, где начинается каменный лаз. Вот он, смотрите!

Алексей ткнул факелом в стену. Камни в ней уложены так плотно, что неопытный глаз не отличил бы от естественно сложившейся породы.

У входа в лаз остались два бергайера. Фёдор накрепко наказал:

– Не ровен час, вода может схлынуть. Если стражники придут – сами знаете, что делать. Вас не учить, как роят молотком...

Лаз узкий и низкий, воздух в нём суше, чем в штольне, но спёртый и тяжёлый. Фёдор и Алексей медленно пробирались вперёд. Постепенно удалялся шум воды в штольне.

И вдруг каменная теснота над головами расступилась.

Друзья распрямили замлевшие спины.

Насколько хватал свет факела, по сторонам и впереди зияла пустота. То была выработка. Таких Алексей выдывал немало. Своды выработки высокие – факелом не достанешь – мерцали холодными слюдяными огоньками.

Фёдор громко крикнул:

– Э-эй! Кто здесь есть живой?

Где-то в глубине выработки послышался едва уловимый шорох, звякнули цепи.

– А ну, выходи сюда!

На свет вышли люди. По виду все одинаковые: со сторбленными спинами, длинными запылёнными бородами – попробуй отличить таких друг от друга! И всё-таки Фёдор с высоко поднятым факелом медленно пошёл к одному из колодников.

– Ты ли, Иван?

– Фёдор! – Солёный порывисто бросился вперёд и тотчас присел от боли в руке, прикованной к тачке. Потом жарко заговорил:

– В который раз спасибо тебе, Фёдор! А Васька-то – вихрь! Ей-богу вихрь: сорвался и вылетел в шахтную дыру! И Ваське тоже спасибо!..

Остальные бородачи стряхнули оцепенение и громко вразнобой забубнили:

- Не Васька – един человек не узнал бы про нас!
- Безвестными были бы наши косточки!
- Теперь от души отлегло. Увидели вас, и в жизнь вера вернулась.

Фёдор и Алексей поспешно расковали колодников. Как малые дети, прыгали колодники от счастья, разминали отерпшее от цепей тело. «Воля каждой живой твари мила, а человеку подавно...»

Мысли Фёдора перебил Солёный:

– Что делать дальше? Руки-ноги свободны и душа просится на простор. В руднике никак вода разыгралась?

– Откуда тебе знать?

С довольной усмешкой Солёный пояснил:

– Мы так навестились – летучая мышь пролетит в штольне – слышим. Стенку в лаз вы разбирали – тоже слышали. Думали, стражники идут... Скажу тебе, Фёдор, не ушёл я тогда, как ты ослобонил. В Белоярской меня словили... Теперь мы покажем свой теремок. В ентовом направлении рудная выработка пошла. В ней и копаемся. А то – наши лёжки. Дабы солома не выбивалась, камнями обложили. Под головами и боками – тоже камни. Хрусткие постельки.

Посредине выработки – плоская каменная плита, ниже её – каменные столбики.

– Стол и стулья наши, – пояснил Солёный.

Взмахом факела Фёдор случайно выхватил из темноты кусок каменной стены, на ней высечен крест.

– А это что?

Солёный взял в руки факел. Свет побежал дальше по стене.

– Вон, смотри. Видишь – не один тут крестик-то. Каждый покойничка показывает. На моих глазах пятнадцать душ из подземелья на небеса вознеслось. Вон там Савелий Смыков почивает... там Фрол Тихобаев. А то последняя могила. Баба в ней, Дарья Звонарёва. Так и не узнали толком, за что её швырнули сюда... Свободнёхонькими, без цепей лежат – начальство на других те цепи надело. Одному Савелию навечно кольцо обручаль-

ное подарили. Рука так опухла, что железный обруч на ней словно перекинутым тестом затянуло. Пожалели руку-то...

– Неужели так и схоронили без исповеди и святого причастия? – со страхом спросил Алексей.

Солёный промолчал и нырнул в узкий каменный коридор.

Оттуда крикнул:

– Пошли сюды!

В конце коридора – большая полукруглая ниша. Её стены затянуты холстом. На холсте смутные лики святых. В центре ниши, перед образом Христа, два высоких каменных подсвечника. Со свода свисла цепочка с лампадкой.

– Наша церковь. При надобности сюда со стражниками опускается священник. С христианским покаянием отходит душа от человека-то.

Обратно по каменному лазу колодники шли с юношеской лёгкостью. Наскучали по свободной ходьбе без цепей. Проворно, искусно заложили лаз камнем.

По штольне по-прежнему катились потоки холодных вод. Фёдор сказал:

– Пожалуй, пора и расходиться. Вот вам верёвка. Пойдёте штольней до выхода в Корболиху. Пустошью проберётесь к избе Алексея. Там переоденетесь, возьмёте толчи³⁴ и тотчас идите в разные стороны. Ночная темнота поможет вам.

Потом полушёпотом к Солёному:

– Ступай в ущелье, где посёлок Незаметный был. Поблизости надёжно укройся. Навещать тебя стану часто. После что-нибудь придумаем. Счастливого пути!

Колодники в голос изрекли:

– Спасибо, ребята! Вовек не забудем такой услуги. А коли в беду попадёте, через огонь протянем руки для выручки!

Смолкли всплески воды под ногами ушедших колодников. Фёдор с товарищами ещё стояли на месте. Душу каждого наполняла не тоска прощанья, а озорное мальчишеское желание кричать и смеяться от дерзкого и удачного поступка.

³⁴ Толча – толчёная еда, особенно сухари.

– Не пальцем, а всем рукавом утёрли нос начальству! – В голосе Фёдора – нескрываемый восторг. Товарищи оживлённо подтвердили:

– В петлю заскочит начальство, когда пропажу распознает!

– Намотает на ус, как рабочих в тайном подземелье заживо хоронить!

И странно, почему-то в эти минуты Фёдору вспомнились раскольники-самосжигатели. Он не удержался от скрытого упрёка: «Напрасно сгнули. Могли бы за себя и за людей постоять».

Спасательная команда Фёдора выбралась наверх раньше некоторых других. В лицевой счёт команды записали пятёрых спасённых, а в формулярные, или послужные, списки – похвальные слова за усердие при спасательных работах.

* * *

Лекарь Фридрих Гешке – саксонец. Когда-то на родине имел невесту и мечтал стать доктором медицины. Судьба опрокинула все его планы. Гешке в то время не прошёл в доктора по конкурсу, а невеста предпочла в мужа немолодого, но богатого и с громким именем адвоката. Уязвлённый до глубины души, Гешке покинул родину с твёрдым намерением вернуться туда лишь для того, чтобы занять своё место в фамильном склепе.

Он уехал в Россию. Служба в разных петербургских ведомствах скоро наскучила – не было настоящей медицинской практики.

В горькие минуты крушения жизненных планов Гешке поклялся у праха родителей, что не свяжет свою судьбу ни с одной женщиной.

Со смертью Фридриха Гешке, единственного мужского отпрыска в семье, прекращается один из древних родов саксонских медиков. Гешке хорошо понимал тяжесть своей вины перед родителями, дальними предками и, чтобы смягчить её, решил украсить семейную усыпальницу надгробием под стать княжескому. Этой мыслью только и жил Гешке. В душе постоянно вынашивал проект надгробия. Одно из надгробий представляло сонм ангелов, толпящихся на глыбе чёрного с белыми

жилами мрамора неровных волнистых очертаний. В руке каждого ангела – крохотное скульптурное изображение родичей Гешке. Место каждому определялось, разумеется, по старшинству. Были и другие проекты. Всех около трёх десятков. Запечатлены они на больших листах добротной бумаги. В свободное время Гешке извлекал листы из заветного сундука и с упоением занимался усовершенствованием проектов. Сам автор пока ни одному из них не отважился отдать предпочтение и потому над каждым трудился вдохновенно.

Для осуществления задуманного нужны деньги. Петербургская дороговизна, при самом скромном образе жизни, позволяла ежегодно откладывать в копилку всего пятьдесят рублей. Без мала двести лет пришлось бы трудиться Гешке ради своей

затеи. И он решил сократить этот срок. По контракту с царским кабинетом нанялся лекарем на Змеиногорский рудник. И не жалел о том. Двести пятьдесят рублей ежегодного прироста в копилке стоили того, чтобы забиться за тридевять земель, в медвежью глушь.

Относиться к службе спустя рукава Гешке считал бесчестным. Поэтому не давал каких-либо послаблений работным, особенно в первые годы службы на руднике. Позже отношение к окружающему у Гешке изменилось.

Лекарь замечал, как с продлением сроков контрактов подкрадывалась старость. Некогда стройный, теперь Гешке охотно соглашался, что стал походить на аптекарскую колбу с отбитым горлышком. Одолевала тяжёлая одышка от домашних дел после службы. «Видно, пришло время уходить на покой...»

И в самом деле, цель достигнута – скопленных денег вполне хватит на памятник. Но не хватало воли покинуть людей и места, с которыми свыкся. В оправдание своей слабости он тайно мыслил: «Подыщу помощницу по домашности, дотяну до истечения срока контракта, тогда и в родные места на вечный отдых отправлюсь».

Незримо для других ночью в дом Гешке пришла Настя, подала рекомендательное письмо от отца Феропонта. До онемения изумился лекарь: кто и как мог прознать про его невысказанное намерение. Не меньше удивилась и Настя, когда Гешке не раздумывая оставил её в доме для услужения.

Проходили дни. Гешке убеждался, что не просчитался в решении. Настя оказалась заботливой, не спрашивала, а сама находила работу. Однажды заявила:

– Время впусте пропадает. Может, в госпитале грязное бельё есть? Пусть носят, буду стирать. Без дела тоска одолевает...

Для Гешке труд превыше всего на свете. Становилось отраднo на душе оттого, что в служанке отчасти видел себя. Его взгляд завораживали проворные и непринуждённые движения Настиных рук. Казалось, не работала, а проплывала в плавном танце. Глубокой симпатией проникал Гешке к ней.

В праздничные дни с отеческой предупредительностью он оттеснял Настю от кухонного стола, сам принимался стучать ножом, растоплять печь. Приготовив завтрак, громко кричал Насте. Та бросала вязать пуховую рубаху для своего хозяина, выходила из своей комнатки с тёплой благодарной улыбкой.

И думалось Насте: «Откуда столько доброты у чужеземца?»

Гешке несколько раз задавал вопрос своей собеседнице:

– Почему, Настёна, один?

Настя сдержанно улыбалась. О том же спрашивала Гешке. Лекарь смолкал.

Порой он упрекал время, сожалел, что не родился лет на тридцать позднее, тогда наверняка не выполнил бы обета, что давал покойным родителям.

Гешке преподнёс Насте в день рождения подарок – сарафан из цветистой бухарской материи, сафьяновые сапоги с тонкими узорами на голенищах, кольцо. Во всю жизнь Настя и не помышляла о таких нарядах.

– Зачем, Фёдор Васильевич, на меня деньги тратите? Я и так, благодарение богу, не обижена вами... – сказала Настя и осеклась, горло перехватила спазма.

Настя дала волю невыплаканным слезам. Сама не подозревала, что способна на это. Замороженная жизнью душа оттаяла при первом тёплом ветерке.

– Зачем плакаль, Настёна? – Гешке положил руку себе на грудь. – Сдесь тоже много-много накопел...

Настя уняла слёзы. Позже, переодетая в пёстрый наряд, показалась хозяину. Тот не сдержал искреннего восхищения.

– Карош, Настёна!

Насте перевалило за тридцать. Годы не изуродовали её. Сейчас она и на самом деле выглядела привлекательно. Тонкий сарафан не скрадывал сильного и гибкого стана. В сапогах на высоком каблуке она казалась стройнее и моложе своих лет.

* * *

Трое суток в Змеевой горе хозяйничала вода. На четвёртые наводнение утихомирилось. Работные снова растекались по подземным казематам, в которых стояли густые и спёртые запахи сырости.

Стражники во главе с самим поручиком осмелились спуститься в Крестительскую штольню. Священника с собой прихватили на случай, если среди колодников, мёртвые или отходящие от жизни встретятся.

В Крестительской штольне жуткая, могильная тишина. На камнях – обрывки сбитых с рук и ног цепей. Стражники, как увидели такое, оцепенели. Первым пришёл в себя поручик. Дико заревел:

– Сбежали, мерзавцы!
– Точно так, сбежали, – глухо отозвались стражники.
– Точно, точно! – зло передразнил поручик. – А куда вы смотрели? В первую голову вам, болванам, в ответе быть! Не будь вашего недогляда, не сбежали бы.

И снова над Змеевой горой поплыл басовитый и гулкий звон колокола. На крепостных стенах слаженно крикнули пушки. Не на шутку испугалось начальство. С побегом колодников могла раскрыться тайна Змеиногорской каторги, тогда ответ перед самим сенатом придётся держать. Приятного в том мало...

В разные стороны на резвых скакунах помчались сломя головы сыскные дозоры, нарочные с указами – оповещениями о побеге колодников.

С довольной улыбкой Алексей Белогорцев сказал Фёдору:

– Вроде не горшки на плечах начальства, а не разумеют, что за трое суток беглецы к джунгарам в гости поспеть могут. Видно, не знает начальство, что по первому ручейку утекли невольники...

А у Фёдора душу съедала тревога. Стало известно ему, что в ночь побега в избе Белогорцева не оказалось одного колодника – крестьянина деревни Ересной Тупицина Степана. Колодники тогда объяснили:

– Хворый и слабый силами Степан. Отстал. Не усмотрели в темноте. Эх-ма! Попадёт в пасть начальству...

И вот по руднику прошёл слух, что ночью разъезды схватили беглого. Было затихла, потом снова родилась суета. На этот раз солдаты каждодневно переворачивали в избах работных пожитки в надежде напасть на следы беглецов. И понапрасну.

Однажды ретивые солдаты по ошибке влетели даже к лекарю, которого не было дома. Во дворе к Насте, как с ножом к горлу, приступили с расспросами:

– А ну, сказывай, кто бывал здесь в последние дни. Да не таись смотри у нас!

Настя резко одёрнула солдата, потянула в дом.

– Что понапрасну строжитесь!

Со шкафов глянули пустые глазницы черепов зверей, холодные стеклянные глаза птичьих чучел.

– Вы что, беленой пообедали сегодня! Дом господина лекаря не узнаёте? Как придёт, ужю расскажу ему про вас, охальников, чтобы по команде жалобу принёс!..

Солдаты поспешно удалились.

Время уходило, а поиск беглецов оставался безуспешным. Тогда начальство решило допросить каждого пятого работного, бывшего в наводнение под землей, авось кто-либо проболтается. Дошла очередь до Алексея Белогорцева. Тот урезонил начальство:

– Откуда мне знать про тех колодников. Да и всяк другой из нас в таком же неведении был. Кто знал, где робили колодники, тот и поспособствовал им.

Начальство поразмыслило и решило, что бергайер, пожалуй, прав. На Белогорцеве и кончились допросы.

С некоторых пор Гешке заметил перемену в Насте: стала строже и задумчивее, в разговоре слышались усталость, скрытая тревога. Гешке участливо спросил:

– Несдориф, Настёна? Отдыхайт надо.

Настя ответила благодарной улыбкой.

Однажды лекарь без слов понял всё. Вернулся домой со службы раньше обычного, толкнул дверь – открыта, прошёл кухню, комнату, спальни. Никого нет. Смутное предчувствие недоброго потянуло Гешке в бревенчатый прируб, служивший кладовой. Не успел отворить дверь, как навстречу с раскинутыми в стороны руками бросилась Настя. Стремглав оттеснила Гешке в кухню. Только и запомнилось старому лекарю из того, что увидел, – заброшенная им чугунная переносная печурка, от которой исходило тепло, и пара человеческих глаз, сверкнувших из кучи тряпья на ветхом топчане. Лекарь укоризненно посмотрел на смущённую Настю, покачал седой головой.

– Плохо, Настёна... больной челофек, а ты мольчал. Не можно так...

Гешке не стал спрашивать, откуда взялся человек и кто есть таков, принялся усердно пользоваться больного разными лекарствами. Одержимый желанием поднять больного

с постели, он не думал о его личности. Однажды заговорил с Настей о госпитале. Та отчаянно замахала руками. Не согласилась и перевести больного из кладовой в комнату. Гешке откровенно недоумевал, но на своём не настаивал.

Чем увереннее становился на ноги больной, тем ярче светилося лицо Насти.

Однажды в воскресенье Гешке поднялся строго в определённый час, принялся было хлопотать на кухне, но ощутил тепло истопленной печи, в ноздри ударили знакомые кухонные запахи. Из спальни вышла Настя, смеющаяся, довольная, мягко отстранила хозяина от кухонных дел.

– Садитесь за стол, Фёдор Васильевич, завтрак готов давным-давно.

Перед завтраком Гешке повторил обычное предложение:

– Больной надо за столом кушайт... сюда звать.

Самое неожиданное не потрясло бы Гешке больше, чем то, что произошло вслед за его словами.

Бесплотной тенью перед глазами мелькнула Настя. Гешке ощутил, как её руки сжали ему шею, а по щекам рассыпались короткие и частые поцелуи. Настя так же стремительно отпрянула назад и заметила, как добродушное округлое лицо Гешке вытянулось от немалого изумления. Громкий смех Насти, что звон горного ручья, заполнил комнату.

– Нет больше больного! Вчера вечером ушёл. Взял с меня слово, что поблагодарю вас. Как разумела, так и выполнила наказ...

С зажённым румянцем на щеках Гешке сел за стол.

Настя вспомнила недавно прошедшее. Осенней непогожей ночью вышла в огород выплеснуть помой, наткнулась на полуживого человека. Стал умолять Настю, чтобы взяла в дом. Сказался внезапно и тяжело заболевшим приезжим крестьянином. Про своё имя умолчал. Просил не говорить и слова никому о нём. Настя привела больного тайком в кладовую и принялась выхаживать.

После завтрака Гешке спросил о человеке: кто таков и откуда. Настя без утайки рассказала, что знала.

– Маля-маля знаком челофек, – заметил Гешке.
– Доведётся, узнаем больше, – проронила Настя. – Не узнаем – беды мало. Доброе сотворили человеку, а такое никогда не забывается. Может, то беглый Степан Тупицин.

Не угадала Настя. Не за Степаном Тупициным ухаживала она.

* * *

Солёный жадно наслаждался волей, будто родниковую воду пил после долгой, мучительной жажды. Удивлялся тому, что казавшееся обычным или неприметным раньше теперь выглядело интересным, ярким.

Солёному доводилось на своём веку немало видеть деревьев-выворотней. Проходил мимо с полным безразличием, без интереса. А вот сейчас невольно всматривался в земляную воронку, заметил, что у дерева корни подгнили, потому и повалил его ветер. В каменных нагромождениях, в густых сплетениях ветвей деревьев даже в неприятной осенней непогоде отыскивалась своя красота.

Иван обосновался неподалёку от Незаметного.

В глубь каменистого обрыва уходила извилистая узкая расселина – такая, что только человеку протиснуться. Кончилась она вместительной пустотой. Вход закрывали сплетения колючих кустарников. Лучшего жилья не сыщешь. Для тепла и неприметности Солёный изнутри закрывал вход тонким плитняком.

Раз в месяц приезжал Фёдор с провиантом. Солёный радовался случаю отвести душу в разговорах.

– Эх, и наскучило же отшельничать. С одним собой до обалдения наговоришься, а не то – для души утехи нет. Слова что на уме, то и на языке одни, ради того и бормочешь, чтобы не забыть их... По первой вешней воде подамся в отдалённые места. Дружков найду. Год-другой поживу, дальше видно будет.

Фёдор с тревогой поглядывал на тестя. Крепко сдал Солёный за последние два года. Ссутулился. По-старчески заострились лицо и плечи. Из-под индевеющих от седины бровей

смутно поблёскивали слюдяные кусочки, а не прежние живые и беспокойные глаза. Походка у Солёного неуверенная, шаткая.

– Уйду, обязательно уйду, – мечтательно растянул слова Солёный и тотчас уверенным голосом добавил: – Не удастся родных повидать, жаль. Пусть знают, что вольным Иван Солёный помер.

Прошла зима, на редкость безветренная и мягкая, с ровным и плотным снежным покровом на земле. Радостный клёкот журавлиных косяков будоражил душу Солёного, призывом звучал для него. Нелегко уходить, а надо...

Перед пасхой Фёдор привёз нерадостную весть: скончалась жена Солёного. Закручинился мужик. Обид жене никогда не чинил, а душа неспокойна оттого, что не услышал слов прощения, сам не похоронил жену по христианскому обычаю. Душу съедала тоска, и Солёный становился настойчивее в своём намерении.

– Уйду отсюда! Ноги откажут – на четвереньках уползу. Пусть в дороге помру, но своей смертью.

Другая весть – отрадная. Дней за двадцать до несчастья вышла замуж младшая дочь Ксения за колыванского гранильщика Опарышева, парня умного, степенного и работающего. Но и от этого не утихла боль в душе Солёного...

Иван шёл заброшенными, еле приметными тропинками, стонорился людных мест, заходил лишь в глухие займки, охотничьи избушки, чтобы расспросить про дорогу или укрыться на ночлег.

Весенний день что год, а Солёный редко и десять вёрст проходил. Надолго останавливался в укромных местах. И не столько от усталости. Взор приковывали весёлые картинки. Весеннее обновление рождало трепетно-грустное настроение. Невольно думалось: «Дивно всё устроено на свете. Одно рождается, другое стареет, умирает. А вот прежде того не замечал. М-да... сам постарел...» По ночам кости грызла ломота, свинцовой волной по телу растекалась усталость.

Однажды, разбитый и уставший, Солёный расположился на ночлег вблизи дороги под открытым небом. Проснулся от людского говора. Открыл глаза и удивился, что так громко в темноте разговаривают люди. Говор зазвучал отчётливее.

«Надо отойти подальше», – подумал Солёный и резко поднялся на ноги. Что-то тёплое ласково скользнуло по лицу. Солёный от недоумения застыл на месте. Перед глазами прыгал серый с неровными краями круг.

В смутном предчувствии чего-то страшного Солёный дико закричал:

– Э-эй, люди, сюда, ко мне!

Послышался короткий треск кустов и удивлённые голоса:

– Никак человек стоит? Чего на месте топчешься, как при-
вязанный?

Солёный понял, что серый круг в глазах, от которого исходило тепло, – солнце.

...Казачий разъезд доставил Солёного на Змеиногорский рудник. «Теперь всё равно, где быть. Слепшего, поди, начальство помилует, а нет – по жизни слёз мало...»

Через несколько дней казаки привезли на рудник и Ваську Коромыслова. Его поймали далеко от рудника, на приобском займище возле деревни Шелаболихи.

Начальство вынесло определение: тайно и с большим пристрастием допросить Ваську. Была у начальства прочная надежда через него выведать тайну побега секретных колодников. Не остался без внимания и Солёный. Его по старости лет было велено не употреблять больше в горные работы и отхлестать плетью нещадно при полном собрании рудничных работных.

Наказывали Солёного перед утренней раскомандировкой. После половинного числа положенных ударов Иван рванул что было силы, выскользнул из рук державших его солдат и покатился с дощатых помостков. Вслед за ним пролёг густой кровавый крап на мелком щебне. Солдаты сграбастали непокорного и... медленно разжали свои пальцы. Солёный умер без единого вскрика и стога.

* * *

После первого допроса Васька Коромыслов угодил в рудничный госпиталь. При виде изуродованного тела Гешке сказал:
– Трудно поправляйтесь челюфек.

Ваську поместили в особую каморку-одиночку, когда-то служившую кухней. В каморке единственное окно, рядом с ним дверь. Здесь денно и ночью торчали часовые.

Не один час Гешке безустально суетился, пока вернул сознание Коромыслову. И странно, во взгляде, в голосе опаматовавшегося человека улавливалось что-то знакомое. Васька, как открыл глаза, тепло улыбнулся, как бы поблагодарил за старания.

Дома Гешке радостно и шумно выпалил Насте:

– Челоек в госпиталь – тот, што у нас боль, болель! Зофут Фасилий Коромыслоф...

На другой день Васька заговорил слабым голосом:

– За старое спасибо, господин лекарь.

Настя, как узнала, что за человека выходили они с лекарем, сразу же к Лелесновым метнулась. Фёдор испытующе поглядел на неё.

– Видел ли кто Коромыслова тогда в доме лекаря?

– Ни один человек.

– Хорошо.

В это время Феклуша вышла во двор по хозяйственным делам, и Фёдор заговорил с Настей жаркой скороговоркой.

– Никому ни слова о Ваське! Побыстрее выведай, где он лежит, как долго будет в госпитале...

Немало времени Настя ломала голову над причиной беспокойства Фёдора за Васькину судьбу и так не разгадала бы, не приключись одно происшествие.

Гешке всё чаще восхищался перед Настей выносливостью Васьки Коромыслова. Иной не вынес бы и половины тех плетей, что перепали ему. Васька же выжил и быстро набирал силы.

Несколько раз в госпиталь наведывался поручик, чтобы взять обратно подследственного. Гешке отчаянно протестовал:

– Время не фышел! Больной софсем сляб.

Для проверки слов лекаря поручик заходил в каморку, Васька пластом лежал в постели. Лоб аккуратно опоясывала мокрая повязка – компресс. Глаза больного закрыты. Поручик

недовольно морщил узкий угреватый лоб, обратно уходил неохотно, словно в раздумье.

Гешке умышленно тянул волынку. Как только появлялся поручик, лекарь делал условный знак своему ученику Логинову, и тот до прихода офицера в каморку успевал известить Ваську. Не раз говорил Васька:

– Я здоров, господин лекарь. Не хочу, чтобы кто-то в ответе за меня был.

– Не тфой дело учить старших, – сердито отвечал лекарь. – Спина долъжен зарастать крепко-крепко...

Как-то во время утреннего обхода Гешке набросился на часового, торчавшего у Васькиной каморки.

– Куда смотреть? Где больной Коромыслоф?..

Сбежались караульные сержанты, сам поручик, увидели в каморке колечко от западни. Тотчас нырнули под пол и без слов поняли, что произошло. Васька Коромыслов бежал через окно, которое за ненадобностью было засыпано землей, а теперь раскрыто.

Настя слышала, как поручик сказал одному из сержантов:

– Один умер, другой удрал. Попробуй постигни теперь тайну побега колодников из рудника.

Настя вздрогнула от внезапной мысли: «Неужели Фёдор тем колодникам помогал? Что-то уж больно дотошно расспрашивал он о колоднике... Тогда...»

Тогда вдвойне радостнее стало на душе у Насти оттого, что могла Фёдору избавить Ваську Коромыслова от второго допроса.

* * *

На рудник приехал в окружении свиты Беэр. После беглого осмотра подземных горных работ не скрыл своего удовлетворения. На торжественном собрании горных офицеров и высших служителей Беэр выглядел внушительно. На парадном мундире скопище регалий. Среди них выделялся блеском орден святого равноапостольного князя Владимира четвёртой степени – недавняя награда самой императрицы за верную службу. Голос Беэра звучал как на богослужении.

– Вашим радением, господа, сей рудник стал крупной жемчужиной императорской короны. Сотни пудов серебра, десятки – золота каждогодно дарит Змеева гора императорской казне. Ея императорское величество, самодержица Всероссийская Елизавета Первая щедро воздаёт вам за заслуги перед ней. От вас, господа, и впредь зависит – гореть немеркнущим огнём или погаснуть сей жемчужине...

Почти всю ночь напролёт в просторном особняке главного командира Колывано-Воскресенских заводов и рудников бурлило неуёмное веселье. Звучали бесчисленные восхваления щедрости и милости императрицы к рабам своим. Безр ласково шурил глаза, всем присутствующим дарил благосклонные, отеческие улыбки.

На другой день ложка дёгтя испортила бочку мёда. Как ни колебался управляющий, а всё же дерзнул доложить о побеге секретного колодника Коромыслова. Холодным змеиным огоньком занялись глаза Безра. В надтреснутом голосе зазвучали раздражение и строгость.

Побег колодников получил широкую огласку. Трижды Безр отписывался в Сенат и царский кабинет по поводу каторжного содержания колодников в Змеиной горе. Смягчал, как только можно, краски. Вроде уладил всё. Стоило поймать беглецов, и дело могло окончательно забыться. С побегом же Коромыслова из рук горного начальства выскальзывала нить в поисках беглых колодников. И Безр решил самолично нащупать её. Первым потребовал к себе Гешке. Сыпал вопросы на немецком языке.

– Почему, лекарь, ваш больной убежал?

– Не могу знать, ваше превосходительство. Я призван лечить, а не караулить больных.

Безр удивлённо повёл бровью, насторожился.

– Почему больного поместили одного в бывшей кухне с выходом из подполья наружу через засыпное окно?

– Не моя на то воля. Место для больного определял не я...

– Случалось ли, лекарь, вам раньше встречать колодника Коромыслова и при каких обстоятельствах?

Гешке на какое-то время замолчал. Беэр уловил на его лице следы внутренней душевной борьбы.

– Видно, встречал! Не так ли?

Из лекарской груди вырвался шумный, сдавленный выдох.

– Не припомню вроде. Может, и встречал. Больных больше запоминаю не по наружности и именам, а по болезням.

Уклончивые ответы родили в душе Беэра смутное подозрение.

Допросам подвергались солдаты караульной команды, её командир, работные на выбор без явных подозрений на соучастие в побеге.

От бессилия получить нужные сведения Беэр выходил из себя. Приказал послать на поиски беглых половину караульной команды, казачьи разъезды, а в ближние посёлки – рабочих, бывших на гульной неделе.

Узнав о том, Фёдор явился к Беэру. Тот недовольно поморщился: «Опять станет выпрашивать награду...» Вслух спросил раздражённо:

– Чего надобно, штейгер?

– Пришёл, ваше превосходительство, чтобы службу сослужить... Припомнилась мне встреча прошлым летом с телеутами в верховьях реки Чарыша. Судачили телеуты, что в глухих чарышских урочищах потаённые поселения беглых русских людей имеются. Сдаётся, что змеевские колодники в тамошних краях скрываются. А ехать туда опасно, нужно немалое число оружных людей: места те под началом джунгарских ханов.

Беэр подобрел. Вспомнил, как Фёдор открыл руды в Комисской шахте, и сейчас не без надежды на успех сказал:

– Похвально, штейгер, твоё усердие в службе. Велю на помощь тебе снарядить полсотни солдат и казаков. Сыщешь беглецов – к твоим прежним заслугам прибавится...

– А Ваську Коромылова, ваше превосходительство, надобно искать на руднике, в домах и дворах работных. Не иначе спрятал кто-нибудь, потому как больной человек за столько дней и версты не пройдёт.

Слух о предложении Фёдора прошёл по руднику. Среди работных начались злые пересуды. Двое, что вместе с Фёдором

вызволяли колодников из подземелья, в голос говорили Алексею Белогорцеву:

– Переметнулся штейгер. Выслужиться хочет! Железная балда наскучила по его голове...

Белогорцев больше отмалчивался или загадочно улыбался. А однажды не вынес разговоров товарищей и завёл речь изда-лека:

– Доводилось ли вам встречать тетёрку в лесу с молодым, не на крыле, выводком?

– Эка невидаль, – ответили работные.

– Так вот та тетёрка, как завидит человека, бежит по земле, а не летит от него. Отбежит аршин с десяток, остановится, шея навывтяжку, как бы даёт знать человеку – не теряй меня. Человек к ней – она опять, знай себе, вперёд. А сама глаз с человека не сводит. Поводит, поводит за нос, вспорхнёт – и была такова. Делает это для того, чтобы ребятёнки её в траве или кустах надёжно схоронились...

– К чему такая побасенка?

Белогорцев с достоинством ответил:

– Смекайте своими пустыми головами: Фёдор и есть та самая тетёрка.

Через месяц на рудник явились казаки и солдаты с пустыми руками и оттого злые. Привели с собой лишь торгаша-бухарца, заплутавшегося в стороне от тракторных дорог. Никто и подумать не мог, что Васька по совету Фёдора укрылся неподалёку от Незаметного.

* * *

После отъезда Безра в Змеиногорской рудничной конторе получили секретный указ. Безр настрого наказывал отворачивать работных от побегов и отпусков в иные места. И не без причин.

Новый, совсем молодой, самодовольный и жестокий правитель Джунгарии хан Цэван Дорогаши Намдял через своих многих послов требовал от сибирского губернатора сноса русских пограничных укреплений. Земли, на которых они находились, хан почему-то счёл неотъемлемой частью Джунгарии.

В противном случае, угрожал открытыми вооружёнными действиями. На границах Колывано-Воскресенского заводского ведомства оживлённо передвигались многолюдные орды конных кочевников. При переговорах послы бахвалились, что хан наделяет беглых русских людей, которые переметнутся к нему, многими привилегиями. Соблазнительная приманка для рабочих!

Не успел канцелярист подшить бумагу в дело, как рудничное начальство подняло шум о побеге новой партии рабочих – десяти человек. На этот раз начальство не выказывало обычного рвения в поисках беглецов; словно для очищения совести, отправило в разные стороны несколько великовозрастных солдат. Те через несколько дней вернулись, не сыскав беглецов. Рабочие от удивления только разводили натруженные руки.

– Диво дивное: люди убёгли, а начальству до того вроде и дела никакого нет.

На третьи сутки стражники схватили одного из беглых – Филиппа Колокольцева. И не на проезжей дороге или в горных дебрях, а в самом отдалённом и глубинном орте. Беглец еле шевелил языком от жажды и нестерпимой боли в сломанной ноге. Стражники злорадствовали:

– Потому и не улетела птаха, что крылышко подбито! Нашёл, балда осиновая, где прятаться от горных работ.

В госпиталь, куда поместили Колокольцева, чуть не каждый день навевывался поручик. Никто не знал, о чём он выпрашивал Колокольцева.

Однажды Гешке оказался нечаянным и незримым свидетелем тайного допроса. Против своих привычек лекарь выслушал разговор до конца. Придя домой, поделился с Настей. Та только руками всплеснула и про себя решила: «Надо передать Фёдору...»

На другой день Фёдор наказывал Белогорцеву:

– После смены втроём идите в дальний орт, в свежем завале покопайтесь. Найдёте что – положите на виду у всех в Глубокой штольне. Потом подымитесь наверх и по домам...

– Что искать-то? – недоумевал Белогорцев.

– Сами увидите. Знал – сказал бы, – уклончиво ответил Фёдор и попросил: – Обязательно сходите.

Белогорцев в точности выполнил просьбу.

...Работные брели на смену по Глубокой штольне. Многие, не успев выспаться, позёвывали. Сон, дай волю ему, свалил бы сейчас на сырые камни. И вдруг головные работные остановились, как шахтные подпорки, стали – с места не столкнуть. Вперёд выбежали нарядчики, надсадно заругались.

– Лунатики вы, аль кто? Пошто стоите?

Впереди в дрожащем свете факелов видно, как на дне штольни беспорядочно распластались люди. Нарядчики к ним.

– А ну встать, лежебоки! Сна не хватило для вас дома!

Кто-то занёс было руку для удара. Но не засвистела пронзительно плеть, не чавкнула сочно по человеческому телу. В наступившей тишине родился слабый шорох – работные сдёрнули с голов отяжелевшие от подземной сырости картузы. В штольне лежали мертвецы. Работные без труда опознали своих товарищей. Вон с широко раскинутыми руками бергайер Иван Речкунов, вверх лицом – Трофим Зырянов. Словом, все те, кого объявили беглыми. Недоставало лишь Филиппа Колокольцева.

По штольне пороховым взрывом ударил возглас:

– Наружу подымайтесь! К Филиппу, тот про всё расскажет.

Крик подхлестнул застывших от страха людей. Все шаркнулись к шахтным лестницам. В верхних выработках на зов бегущих устремились новые партии работных. Змеиную гору раздирал неслышанный до этого гул, которого испугался бы и сам семиглавый змей...

У госпиталя выстроился взвод солдат с ружьями наизготовку. Перед строем мелким гусиным шагом важно прошаживался поручик. Толпа работных в нерешительности затопталась на месте.

– Чего припёрлись? Пошто не робите?

В ответ на заносчивый окрик поручика толпа злобно загудела. Послышались резкие выкрики: – Пошто в штольне мёртвые люди лежат?

- Пусти нас к Фильке Колокольцеву!
- Хотим правду слышать!
- Ить убёглыми объявлены мертвецы...

Толпа медленно покати́лась вперёд. Поручик, что каменное изваяние, – ни с места. На лице – известковая бледность. Зловещую тишину разорвал чей-то запыхавшийся голос. Подбежавший к толпе человек оказался Белогорцевым.

– Стойте, робята! Неча Филиппку тревожить. Покойников откопали в завале. Стал быть, погибли. Не убёгли они никуды. Один Филиппка только и спасся.

– Тогда пошто неправду кликали на невинных людей? За нос начальство водит нас! Подать сюда брехунов!

Властная в своих требованиях толпа снова подалась на солдат. Как под ножом, тонко и пронзительно взвизгнул поручик:

- Взво-о-о-д!..

Высоко в воздухе по-шмелиному прогудели пули. Толпа зашаталась на месте. Поручик взмахнул шпагой, она блеснула холодной змейкой. То был сигнал крепостным, канонирам. Вразной гулко взревели пушки. Толпа разметалась по сторонам, словно на горсть пыли дохнул порывистый ветер.

Алексея Белогорцева и работных, что громче остальных горланили в толпе, перепуганное начальство на несколько дней бросило на рудничную гауптвахту. Там их для порядка высекли без свидетелей, отобрали клятвенные обещания, что впредь не будут распускать языки, после того снова отправили в горные работы со строгим режимом.

Рты людям не зашьёшь крепкой ниткой. Слухи о ложных беглецах поползли дальше Змеиногорского рудника.

* * *

Фёдор приехал в Барнаульскую пробирню с образцами найденных им руд. Его немедля позвали к Беэру.

– Здравствуй, штейгер!.. Поведал бы мне от чистого сердца, почему работные бегут с рудника. Хотя бы те десятеро...

– Вам ли не знать о том. Не сбёгли те работные, а погибли от подземного обвала.

Безр многозначительно улынулся.

– Спасибо, штейгер, за сообщение... Без моего ведома не уезжай на рудник.

Безр – страстный охотник. В кожаных тиснёных чехлах хранил дорогие ружья работы лучших тульских мастеров. Изящные, прикладистые. Не ружья, а настоящие картинки. На досках замков выгравированы сцены из охотничьей жизни, на болтах и курках – тончайшая до пестроты узорная английская гравировка. На такое способны лишь искусные руки, тонкий глаз.

Фёдор узнал, что Безр с несколькими горными офицерами отправляется охотиться на луга по правому берегу Оби напротив завода. Задержался на три-четыре дня.

...С закатом солнца оживают притихшие осенние луга. С шумом и всплесками срываются утиные стаи с укромных днёвок. В спешке на ночную кормёжку оглашают воздух криканием, пересвистом крыльев. Эта песня для Безра ласковее тех, что создаёт человек. Он до забвения палил из ружья, и с глухим стуком падали на землю ожиревшие птицы.

Безр стоял на пригорке в межозёрье. Через него тянул суетливый утиный перелёт. Скоро угаснет вечер, и конец охоте. И Безр торопился с перезарядкой ружья. Между выстрелами чей-то голос остановил его:

– Кончай, высокопревосходительство, палить. Не соберёшь птицы, когда совсем стемнеет. Зачем губить её понапрасну. Чай, живая тварь и жить хочет.

Ухо Безра резануло насмешливое не по титулу обращение. Из камыша вынырнули четверо бородатых мужиков. Все с ружьями. Безр грозно спросил:

– Кто такие и почему шатаетесь?

– Не пужайся, высокопревосходительство! Тутешние мужики мы. Кричать на помощь не вздумай – жизнь каждому всего дороже, а енералу тем боле. Не по жизнь твою пришли. Облегчение для себя испрашиваем. Вот шесть одинаковых бумажек. Поставь в конце каждой свою подпись, и нас будто ветром сдует. По конец дней своих за тебя молиться станем. Хочешь, послушай, что записано в бумажках.

Мужик выше остальных ростом рассказал наизусть заученное. Бумажки оказались отпускными билетами, которые выдавались работным при увольнении от службы. Невелика бумажка, а сила в ней немалая: её обладатель становился вольным поселенцем.

Тот же мужик виновато предупредил:

– Имена в бумажках сейчас не указаны. Не обессудь, превосходительство, ить каждый хочет вольно жить. Проставим после.

От неслыханной дерзости мужиков Беэр оцепенел. Как бы не замечая этого, мужики заявили:

– Всё при нас, высокопревосходительство: и чернила, и перо, и дощечка для удобства в письме. Поспешай, чтобы не сумерничать.

...У низкого обского берега мужиков поджидала лодка о трёх парах лопашных вёсел. За один взмах лодка прыгнула на десяток сажен вперёд. Скоро под днищем зашелестел песок. Лодка тупо ткнулась в противоположный берег. Человек, что поджидал мужиков, спросил вполголоса:

– Вышло аль нет?

– Вышло! Спасибо за науку. А теперь – на коней...

Шестеро беглых колодников Змеиногорского рудника обрели крылья. Лети куда хочешь.

Удачная охота не могла окончательно рассеять угнетённого состояния Беэра. Объявить же о происшедшем никому не отважился. Бородатые мужики, как живые, стояли перед глазами. На лицах – выражение суровой решительности, в руках – медвежья сила. «Такие где угодно сыщут, придушат не раздумывая...» Опасался Беэр и того, что предай он огласке случай с мужиками, и злоязычная молва окрестит его трусом. Такое не к чести генеральского мундира. «Лучше всего сей случай забыть...» Беэр вспомнил про Лелеснова. Самолично настроил приказание Змеиногорской рудничной конторе. Тощий пакет украсил алыми сургучными печатями.

– Теперь езжай, штейгер. Пакет передашь управляющему.

Фёдор явился в рудничную контору. Думал получить вознаграждение за вновь открытые руды. Управляющий вскрыл

пакет, наспех пробежал глазами по бумаге, холодно и бесстрастно пояснил:

– Сии руды ненадёжны содержанием металлов.

Фёдор не стал перечить, хотя и знал – руды не бедные. Что означала потеря заслуженной награды против воли шестерых колодников? Знал бы Беэр или управляющий, что Фёдор Лелеснов и есть тот человек, которого на обском берегу мужики благодарили за науку! Фёдор так и не узнал, что награду не получил за правду о погибших в руднике работных, которую сообщил Беэру.

* * *

Фёдор всё больше убеждался, что Настя – настоящая опора в самых рискованных делах. Через её старания дважды спасся от верной смерти Васька Коромыслов. В своих поступках Настя не рисовалась. Вкладывала в них весь ум и душу. При успехе в чём-либо не была в ладоши, не вертелась от радости, а простодушно говорила: «Ну, вот и всё...» И больше о том никогда не вспоминала, будто это дело не её рук и не заслуживает внимания. Перед Фёдором встала новая Настя, спокойная, уверенная и деятельная.

Сегодня Настя ни свет ни заря прибежала вроде бы к Феклуше за решетом, на самом же деле – чтобы застать дома Фёдора. Сказала как бы вскользь:

– Вчера Фёдор Васильевич лекарский осмотр делал новым секретным колодникам.

– Откуда и кто такие?

– Говорит, что не рудничные, незнакомые. Из других местов...

Среди работных ходили недобрые разговоры о секретных забоях: «Похлеще каторги придумало начальство... На каторгето что! Отробил положенные годы – иди на все четыре стороны, в змеевских же потайниках без срока робит человек, пока душа телу рукой не помашет на прощанки...»

Колодников изредка извлекали на белый свет. Наружу поднимали в рудных бадейках через какой-нибудь укромный лихт-

лох, подальше от любопытных глаз работных. От слепящего солнца колодничи блаженно щурили глаза, жадно, взхлёб вдыхали чистый воздух, изгоняли из груди спёртую подземную сырость.

Работали колодничи у дальних рудных куч, где было безлюдье. По недогляду стражи ухитрялись оставить о себе весточку. Если находились в среде их грамотеи, на песке или толстом слое рудной пыли чертили слова: «Здесь пребывали колодничи».

Чаще же рисовали понятное для всех – бородатого мужика в железах. По этим скупым знакам работные и опознавали места выходов колодников.

Перед уходом от Лелесновых Настя неопределённо предложила:

– Помочь бы чем.

– Тут с умом надобно, – сказал Фёдор. – На выходах стражники по сторонам сычами озираются, близко никого не подпускают.

...Настя брела по змеевскому лужку. Солнце за полдень не успело шагнуть, а корзина у Насти почти доверху наполнена спелой земляникой и сочно-зелёным диким луком-слезуном. До моста через реку, что у самого похверка, далековато, и Настя решила: «Выберу брод поблизости и напрямик домой...» Шагнула было вперёд, и вдруг чей-то властный строгий окрик:

– Куды прёшь! Не видишь?

Настя вскинула голову. И только сейчас заметила, что от речки по луговинке пролегла широкая чёрная борозда, по одну сторону от борозды – высокая насыпь земли. «Видно, канава для воды на промывальную фабрику. Ну и пусть её...» Ещё шаг вперёд. Над низкорослым молодым тальником закачалось строгое усатое лицо под форменной фуражкой стражника.

Настя поняла, что за ней наблюдали раньше. Из кустов чей-то восхищённый голос:

– Хороша бабонька, господин сержант. Только такая изюминка не к солдатскому столу!..

Лицо под форменной фуражкой расплылось в улыбке, будто не женщина, а само солнце двигалось к нему.

И Настя улыбалась, приветливо, маняще. Подойдя вплотную, она принялась журить сержанта певучим, лукавым голосом:

– Нешто можно так-то пугать! От твоего окрика чуть языка не лишилась. Уж эти мне служивые! Муха и та человека кусает после Ильина дня. От служивого же во весь год не жди привету и сердечности. Одни грубости. Нет чтобы усталую женщину пригласить отдохнуть...

Гусиным гоготом покатился по луговине неумелый и грубый смех сержанта.

– Го-го! Виноват, виноват-с! На руднике не доводилось такой красавицы зрить. Чья будешь-то?

– Разведённая жена Настасья Белоусова. В домашнем услужении у лекаря Гешке нахожусь.

– Проходи, голубушка, проходи!

Настя протиснулась сквозь кусты. То, что увидела, подтвердило её смутное предположение. На полянке, зажатой в кольцо кустарника, сидели и полулежали колодники. «Отдыхают, видно, сердешные...»

Во взглядах колодников Настя уловила нескрываемое презрение к ней. Особенно смутил смуглый, ещё молодой парень. Он лежал на животе, опершись локтями о землю. В сомкнутых ладонях стиснута кудлатая черноволосая голова. Из глаз колодника так и брызгала ядовитая, насквозь прожигаящая Настю усмешка, говорящая понятнее всех слов: «Видно, не далёкого полёта птаха, коли перед свиньёй мечешь бисер. Шла бы своей дорогой, не цеплялась. Разведённая жена! Нашла, среди кого жениха искать... Зверей лютее женихи эти!».

Сержант заметил, как Настя пристально смотрит на колодников, недовольно крякнул.

– А мне эти люди ни для чего... – безразлично заметила она.

Некоторое время посидела, посудачила с сержантом, затем промолвила:

– Ну, вот и передохнула. Указал бы, служивый, брод помельче. Домой пора...

На берегу Змеевки Настя шутливо погрозила пальцем сержанту.

– Не будь тучей, служивый, коли случай приведёт встретиться. Бывай здоров!

– Что ты! Заходи – путь выпадет. Да и так просто заходи. Несколько дней здесь ещё постоим.

Сержант неловко замялся, потом с многозначительной улыбкой выдал из груди:

– Я ить тоже холостой...

На другой день Настя появилась раньше, чем накануне. Колодники рыли влажную землю. Тяжёлый перезвон цепей резал ухо, неприятно отдавался в сердце. Кудлатый лишь мельком взглянул на Настю. В его взгляде – ничего нового. Зато сержант вне себя от радости. Усы натопорщил, весенним селезнем топтался на месте. В Настю впился глазами. Та откинула назад упавшие на лоб волосы, зло уколола сержанта:

– Что зенки устави! Ай бабы вовек не видывал! Стой на месте, пока не приберусь!..

Юркнула через кусты. По раскинутым котомкам, картузам узнала полянку, где отдыхали колодники. Через несколько минут вышла обратно, повеселевшая, приветливая. И так несколько дней. Настя приходила почти в одно и то же время. Каждый раз с трепетом душевным замечала во взглядах кудлатого и его товарищей удивление, благодарность, восхищение.

После ухода колодников в подземелье сержант не раз появлялся у лекарской квартиры. Однажды довелось ему увидеть Настю. Постояли, потолковали, и сержант в упор предложил:

– Надежду имею сочетаться браком.

Та в ответ громко рассмеялась:

– И что ты такое надумал, соколик! Отзвенело моё время! Сердце в колобок сжалось...

Потом на ухо сержанту, чтобы отбить охоту к домогательству:

– Лекарь – старый холостяк. Сурьёзного нраву человек. Не приведи бог, увидит тебя – лишусь куска хлеба. Ступай и больше не приходи.

С рудных поисков Фёдор решил завернуть в Незаметный – наведать Ваську Коромыслова. Чем ближе подходил, тем сильнее сжималось сердце от воспоминаний.

Ведь все эти места не раз исхожены вместе с Солёным. Вот и те косогоры, где копали землю с Феклушей. А вот и затерянное ущелье, в котором Фёдор в первый раз не заметил человеческого убежища.

И вдруг Лелеснов вздрогнул – чья-то тяжёлая рука легла на плечо. Оглянулся, увидел незнакомое лицо. В правой руке человека – длинный нож.

– Чего надобно и кто таков?

Фёдор чутьём уловил, что незнакомец неопасен. Приветливо пояснил:

– Ваську Коромыслова надобно мне. Понял?

Рука человека повисла плетью. Тряхнул чубатой, чёрной, как уголь, головой, понимающе протянул:

– А-а-а...

За кружкой чая на смородиновом листе больше говорил Васька.

– Думаю шагать отселе. Теперь не один я. Двоим-то в пути подручнее и веселее.

Фёдор вспомнил про Солёного, который так и не нашёл желанной воли, как-то вяло и бесстрастно сказал:

– Что ж, попробуй... может, у тебя счастливее судьбина, чем у других. – Прогнав задумчивость, живо спросил: – Кто таков и из каких мест твой путник?

– Да, да! Совсем запамятовал про то. Секретный колодник. Со Змеевой горы убёг. И опять-таки Настя во всём виновница.

Васька говорил с жаром. Часто, как птица на взлёте крыльями, махал руками.

– Ить, что надумала Настя-то! Уж так затуманила сержанту стражнику глаза! Тем и воспользовалась, чтобы наведывать колодников на выходе. Украдкой рассовывала по котомкам хлеб и иной харч. А вот ентому – Митькой Кривошеинным зовётся – напоследок подсунула пилку по железу. Через месяц при выходе Митька и задал тягу.

В разговор вмешался сам Митька.

– Откеле бог послал эдакую смышлёную да отчаянную бабу. Вовек не забыть...

Фёдору хотелось громко крикнуть: «Молодец, Настя!»

В верхнем горизонте Змеевой горы таились самые высокопробные руды, легкоплавкие и податливые на излом. Здесь гору вдоль и поперёк источили выработками. Что ни год, то выработки гуще пересекались в середине горы, лучами разбегались в стороны. Иные из них пробивались наружу, и в обрывистых боках горы появились чёрные отверстия – казалось, гигантские птицы крепкими клювами пробили норы для своих гнёзд под надёжным каменным укрытием. Со временем в верхнем горизонте рудная добыча заметно поубавилась. Управляющий рудником не мог и не хотел верить в то. Давно ли он выслушивал похвальные речи Беэра за раденье в горных разработках? Ему казался коротким путь к желанному ордену по велению самой императрицы. Управляющий даже голову стал поворачивать по-особенному важно, будто шею приятно щекотала орденская лента. И вдруг такой конфуз!

Вот уже много дней подряд управляющий в сопровождении геодезии прапорщика Пимена Старцева, пробирщиков и маркшейдерских учеников спускался в подземелье. Не одну новую выработку пробили бергайеры. Большие груды породы выгребли в центральную штольню. Пробирщики придирчиво вглядывались в неровные изломы камней, и понапрасну: редкие рудные признаки не радовали.

А управляющий не унимался, приказывал проходить заново выработки. В тонкие струнки вытягивались жилы у бергайеров. И сам управляющий вконец извёлся. От потерянного аппетита, спёртого подземного воздуха у него под глазами растаяли сальные наплывы, беспомощно, мешками обвисла кожа.

Однажды бергайеры, как по сговору, побросали инструменты – не выдержали натуги.

– Нет мочи робить, господин управляющий! Да и для жизни не без опаски... а ить у нас семьи, детишки малые.

Управляющий изрыгнул такой гром, что шорох по камням прошёлся:

– Как посмели ослушничать! Да за такое вас плетьюми в клочья посеку! А ну, быстро за работу!

Никто с места не тронулся, кроме Алексея Белогорцева. Подошёл к стенке квершлага, скребком постучал, потом заговорил спокойно, будто грозные слова управляющего мимо уха пролетели:

– Ишь, как гудит стенка-то... стал быть, рядом старая выработка проходит, что камнями завалена... Стенка эта, почитай, не толще картонного листика... Если дальше квершлаг долбить, не ровен час, господин управляющий, те камения нарушат стенку и нас побьют.

Тут заговорил другой бергайер, остальные придвинулись ближе.

– Знали бы, за что камни потом поливаем. Ить руды-то в породе и на полушку нет. Понапрасну силы расточаем. Приказал бы, господин управляющий, штейгеру Фёдору Лелеснову взять нас под команду. Тот штейгер под головой самого семиглавого змея руду сыщёт и на похверк доставит.

В эту минуту зашаталась стенка. Какой-то миг, и через большую брешь в ней с грохотом посыпался каменный дождь. Получилось так, что выработку мгновенно перехватил завал. По одну сторону его, в каменном тупике, оказались бергайеры, по другую, что выходила в штольню, – управляющий со свитой.

В завале осталось отверстие – не больше, как кулаку пролезть. Управляющего словно взрывом выбросило наружу. С перепугу только через день вспомнил про боль в ноге от ушиба камнем во время обвала. Бергайеры же прокопали в завале нору, чтобы туловище пролезло, и вышли невредимыми в штольню.

После того управляющий скрытно вызвал к себе Фёдора, пришедшего с рудных поисков, и завёл ласковый разговор:

– Мыслю так, штейгер, что Змеева гора рудой не оскудела. Таятся где-то руды, и к ним дорожку надобно сыскать. Спробуй – фартовый ты. Людей на помощь себе возьми, сколь душа просит.

Фёдор с командой бергайеров незамедлительно спустился в каменное чрево.

Управляющий не стал понапрасну тратить время в ожидании результатов. На его рабочем столе появились большие развёрнутые листы бумаги. На них – тончайшие разрезы Змеевой горы с разноцветными линиями и искусными отмысками – последнее творение Пимена Старцева. Управляющий подолгу склонялся над столом, близоруко щурил глаза, шагал ножками циркуля по бумаге, что-то высчитывал и записывал.

Через неделю родился обоснованный и секретный доклад Безру «О некоем пересечении рудных признаков Змеевой горы». Управляющий сообщил в докладе, что верхний горизонт «...мало надёжен рудами по выбору оных прежде в немалых количествах. К тому же проходка новых выработок небезопасна в видах большого числа старых, заброшенных разработкой».

В подтверждение последнего управляющий ссылался на недавний подземный обвал и боль в собственной ноге, которую «и поднесь забыть не можно».

Доклад предсказывал скорое угасание громкой славы Змеевой горы. Ко всему сказанному управляющий утверждал, что глубинные разработки в горе «производить без пользы от скудности металла в руде, крепости породы, а наипаче от обильного проистекания подземных вод, кои главной помехой в горных работах объявиться могут, посему глубинные выработки по моему приказу пустой породой и засыпаны...».

Резкий скакун умчал нарочного на Барнаульский завод. Пять конных казаков-охранников еле поспедали за ним в пути. Управляющий вздохнул свободнее, будто нелёгкую ношу скинул с плеч.

В тот же день команда Фёдора выдала наверх первую руду. Старый приёмщик Буянов долго блуждал через выпуклое стекло слезящимся глазом по бесформенной поверхности рудных кусков. Лицо вытягивалось от удивления. Буянову раньше не доводилось встречать такого в Змеевой горе: вместо знакомых лепестков и веточек в изломах руды по кварцу и горной сини протянулись тонюсенькие, еле приметные жилки самородных металлов. «Вот то-то возрадуется управляющий...» Буянов подумал и другое: «Счастье – верный спутник штей-

гера. Вроде нюхом угадывает, шельмец, руды. Ничего не скажешь – у каждого свой талант. – И тяжело вздохнул: – А тут всю жизнь ни при чём...»

Управляющий, выслушав сообщение о результатах поисков, мысленно пожурил себя за опрометчивый доклад, но находкой остался доволен. Фёдору Лелеснову сказал:

– Спасибо, штейгер, за службу! Коль надёжны количеством те руды, не останется без похвалы и награждения твоё усердие. Где ж те руды залегают?

– От штольни Глубокой к полудню квершлаг уходит, от него в глубь горы опустили выработку. Там и сыскали руды.

– Пытался ли разведать в верхнем и среднем горизонтах?

– Не-ет! Там искать без пользы. Верх горы изрядно поизрыт, середина – одна пустая порода...

– В нижних горизонтах, штейгер, не резон ковыряться. Там рудные признаки – одна видимость. Они не имеют надёжного простирания. – Построжевший управляющий прошёлся по кабинету прыгающей возбуждённой походкой, сухо и недовольно отрезал: – Не знал, что туда вознамерились опуститься, не разрешил бы...

Фёдор принялся горячо доказывать:

– В нижнем горизонте залегают крепкие породы и простираются на немалые глубины. Те породы надёжно перекрывают подземные воды. И руды тамошние стоящие.

Управляющий не выдержал такого разговора, вспылил:

– Не тебе меня учить, штейгер! Подумать стоит да посчитать, есть ли выгода от той рудной добычи. А сейчас ступай.

Через несколько дней Фёдора неожиданно отправили на рудные поиски вёрст за пятьдесят от рудника.

Бергайеров же из его команды рассовали по другим работам. Управляющий приказал засыпать новую выработку. Бергайеры недоумённо разводили руками, глаза выкатывали на лоб от такой выходки. По руднику поползла молва:

– Никак умом тронулся управляющий.

– Затянул что-то не без умысла.

– Толку от нашей работы никакого.

Постепенно молва заглохла, и людское забвение похоронило новое открытие.

Хитрый управляющий про себя смекал утешительное, от чего заветный орден казался зримым и осязаемым: «Пришло время ломать руду в нижнем горизонте. Сам спущусь в подземелье. Поодаль от места, что штейгер облюбовал, прикажу выработки долбить. Канцелярию оповещу – самолично через труды и старания сыскал руды. Тогда-то наверняка...»

Не успел управляющий выполнить задуманного, как на рудник пришёл объёмистый пакет от Беэра. Весь в ярко-малиновых сургучных печатях. В нём форменное предписание Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства. За прежние заслуги управляющего назначали членом канцелярии и приказывали выехать на Барнаульский завод. В иное время повышение по службе – большая радость. Сейчас же управляющий проявил сдержанность в чувствах. Конечно, внимание начальства льстило самолюбию. Но утраченная возможность достичь славы и неизмеримо выше взобраться по служебной лесенке через блестящее открытие руд навевало на управляющего тихую грусть. В душе он решил: «До удобного случая буду молчать».

Вслед за пакетом на рудник прикатил новый управляющий – лифляндский немец, лютеранский пастор Леубе. Он оказался человеком в двух лицах: читал не только проникновенные проповеди своим соотечественникам при Барнаульском заводе, но ещё успешнее обучал горному производству и минералогии кадетских сержантов, будущих горнослужителей.

Новый управляющий днями не вылезал из подземелья, побывал в самых потаённых, заброшенных закоулках. К удивлению бергайеров, управляющий сам брал в руку кайлу или лом, час-другой махал ими – испытывал твёрдость горных пород. Наверх поднимался усталым, запылённым.

Прошла неделя, и Леубе повёл команду бергайеров в нижний горизонт, приказав пройти несколько выработок.

– То надёжное дело, господин управляющий. Здесь два месяца назад штейгер Лелеснов нашёл богатые руды.

Леубе знал об этом раньше, но делал вид, что ему ничего не известно. И сейчас промолчал, будто не слышал слов бергайеров.

Вскоре на подъёмнике сплошным потоком пошли руды. Казалось, им не было конца. Былая слава вернулась к Змеевой горе.

Леубе оказался докой в горном деле – подсчитал, что до встречи рудных пластов с подземными водами не одна сотня саженей.

Старик Буянов, а с ним и все бергайеры поражались одним: Леубе получил немалую награду от канцелярии. Штейгер Лелеснов же остался в тени, незамеченным. И Буянов по-своему заключил: «Видно, не один талан в жизни надобен...»

* * *

Осень пришла раньше обычного. Непрерывно моросили мелкие дожди, холодные и колючие, как снежная изморозь. Низко над землёй плотным пологом повисли тяжёлые тучи, от этого Змеева гора казалась ниже и приплюснутее. Не ровён час, за дождями на землю ляжет снег, крепкий морозец закуёт реки и озёра в ледяные доспехи. На руднике же почти половинный запас дров на зиму для казённых светлиц, похверков, пробирен и прочих служб.

Рудничное начальство, чтобы наверстать упущенное, в дальние лесосеки и курени отправило бергайерских жён, малолетов, стариков, что ещё ходили в силе.

Фёдор вернулся с рудных поисков, открыл избяные двери и уловил домашнее запустение. Престарелая бабка Акулина, мать Алексея Белогорцева, прошепелявила беззубым ртом:

– Домовничаю у тебя. Феклуша с другими бабами за дровами уехала. Сыночка в помощники себе взяла.

К досадному ощущению запустения и одиночества у Фёдора прибавилось чувство беспокойства и смятения. Лесосека, куда поехала Феклуша, затерялась в глуши пихтовой тайги, что началась за дальними отрогами Колыванского хребта. Пути до неё на порожней повозке не менее четырёх дней, на гружёной – того

более. Трудна и небезопасна осенняя дорога по незнакомым местам, где часто шарились джунгары и дикого зверя водилось немало.

Вскоре на рудник вернулись все возчики, кроме Феклуши. На расспросы бергайерские жены отвечали Фёдору малоутешительными словами:

– Последней Фёкла загружала телегу. Может, непогоду переживает в избушке нарядчика, а может, одна-то с дороги куда в сторону съехала да малость приплутала.

Фёдор смело вошёл к управляющему. Леубе обезоружил его восторженно-приветливой скороговоркой:

– Рад видеть, рад видеть тебя, штейгер! Много наслышан о твоём искусстве в рудном поиске. Его превосходительство сам генерал Андрей Венедиктович Беэр сказывал о том. Ревностный слуга всегда на виду у высшего начальства, милостями и почтениями последнего жалован! Вижу, с рудных поисков вернулся. Рассказывай, рассказывай, штейгер, что за кладези узрил.

Фёдор коротко сказал о новых признаках медной колчедановой руды вблизи старого Чагирского рудника.

– А образцы тех руд пробирному мастеру сдал... Просьба у меня. Моя баба с мальчонком не вернулись с лесосеки. Поискать их надобно...

– Не вернулись, говоришь? – рассеянно спросил Леубе и вдруг с прежней приветливостью заговорил: – Семью твою начальство в дровяную возку назначило, оно и позаботится обо всём. Нет причины болеть твоей голове. Службу справят. Будь здоров, штейгер! Как и прежде, удачи тебе в рудном поиске!

Дожди сменились снегопадом, густым и мокрым. Липкий снег прочно прикипал даже к голому камню.

В самые снежные зимы по наветренным склонам Змеевой горы сохранялись лишь немногие серо-белые пятна. Злые ветры безжалостно срывали со склонов снега и вместе с мелкой крошкой швыряли в глубокие овраги. В такое время человек против ветра пятился спиной – берёт глаза. Сейчас же Змеева гора, как богатая невеста на выданье, хвастала редкостным белоснежным одеянем.

Как-то поздним вечером в избу Лелесновых ввалился человек, так старательно укутанный с головы до пят в толстое снежное одеяло, что трудно определить, мужчина это или женщина. Человек молча постоял самую малость и рухнул на пол, как снежная баба, подточенная солнцем. Фёдор поднёс свечек к лицу пришельца и обомлел: перед ним лежала Феклуша...

Несколько дней она металась по постели в горячном бреду, часто бормотала бессмыслицу. Изредка у больной проблескивало сознание. Тогда Фёдор, неотлучно сидевший около неё вместе с Настей и бабкой Акулиной, спрашивал:

– Что случилось, Феклуша? Где сынишка-то?

Прежде чем собраться с мыслями и овладеть языком, больная снова и снова впадала в беспамятство. Наконец к ней вернулось сознание на продолжительное время. Слабым, срывающимся голосом рассказала про несчастье на обратном пути из лесосеки... Лесной нарядчик-прижима дважды заставлял догружать пароконную повозку Феклуши.

– Супротив остальных, бабонька, недогруз по высоте на добрый аршин будет.

Феклуша возражала нарядчику:

– Остальные-то лес прошлогодней вырубки грузили, легче пёрышка. А этот только-только с корня повален.

– Не тебе, баба, меня уму-разуму учить! Двадцать пять лет нахожусь у лесных дел.

Лесные дороги вдоль и поперёк исхлестаны узловатыми корневищами. Повозка на них, как в лихорадке, прыгает, разговаривает на все лады.

На третьи сутки в конце отлогого длинного спуска перегруженная повозка задними колёсами села в глубокую рытвину, заполненную водой. Лопнули ступицы, с треском полетели спицы. Сынишка предложил матери:

– Когда в лесосеку ехали, я заприметил: нашу дорогу пересекала другая. И вроде совсем близко отсея. Схожу на перекрёсток, может, кого на помощь призову... Должны же тут люди ездить.

Коля при молчаливом согласии матери ушёл... Время бежит, а его нет и нет. Феклуша забеспокоилась, пошла искать.

На перекрёстке Коли не оказалось. Тревога и страх охватили женщину. Она принялась громко звать. Чутко вслушивалась в шорох и хлюпанье дождя. Коля не отзывался. Не помнила Феклуша, сколько вёрст исколесила в бесполезном поиске. Затем выпрягла лошадей и верхом добралась до дому, обессиленная от голода, промёрзшая до костей, потрясённая потерей сына. И вот Фёдор снова пришёл к управляющему.

– С двумя бергайерами поеду к казённой повозке, кою оставила в пути моя жена...

– К казённой повозке, говоришь? Похвально сиё рвение, штейгер! Поезжай, с богом, пока дел не густо.

На другой день облачную завесу с неба будто кто рукой сдёрнул. На землю неудержимо хлынуло солнце. По-весеннему дружно и быстро отшумели ручьи. После того дней двадцать стояла ясная безветренная погода.

Фёдор вернулся домой подавленный и мрачный. Без сына.

* * *

По первой зимней дороге, ещё не накатанной, на Змеиногорский рудник вернулся казачий разъезд. По взбугрённым тихим улочкам кони шли налихих рысях. Из-под копыт клубилась густая снежная пыль. Угадывалось – не зря спешили казаки. Два месяца они рыскали по еле приметным дорогам, заглядывали в укромные горные тущобы. Казаки искали беглых работных людей, а заодно зорко следили за передвижением джунгарских кочевий.

Приехали бы казаки на рудник ни с чем, не попади им возле деревни Краснощёковой мужик, по одежде похожий на раскольника. Медная с густой проседью борода едва не до колен, одет в зипун фабричного сукна песочного цвета, по опояске светло-зелёного поля пролегли чёрные узоры, на голове кержацкая шапка малинового сукна с мерлушковым чёрным околком, на ногах лёгкие сапоги из дикой козлины, стянутые ремешками ниже колен. Казачий разъезд придержал мужика. Старший учинил строгий допрос.

– Какого скита будешь?

Мужик лениво повёл головой.

– На кой леший мне скит, коли я что ни на есть православный. Вольным поселенцем значусь. От деревни верстах в десяти на заимке живу.

– Вольный поселенец, говоришь? А ну выкладывай письменный вид, кто тебя отпускал на поселение.

Мужик снял с головы шапку, из-под подкладки достал лист бумаги, с шумом и хрустом развернул. Старшой в конце бумаги увидел знакомую подпись Беэра, размашистую и жирную, с крутыми завитушками, виновато заговорил:

– Поистине напрасно тебя под подозрение взяли. Ступай с богом, честный человек.

Мужик тайком ухмыльнулся в бороду. Прошёл версты две-три и услышал позади конский топот. Немало удивился, когда увидел скачущих за ним во весь опор казаков, но прятаться не стал.

– Шапку, шапку долой! – заорал во всё горло старшой. Другой казак, со шрамом через всё лицо, подскочил к мужику, перед старшим без стеснения выхвалялся:

– Я насквозь вижу человека. Рази я неправду сказал, что у этого варнака на лбу указные знаки заприметил, когда он снимал шапку. Хошь и стянуло кожу, а вон они енти знаки-то, приметны!..

Казаки принялись обшаривать мужика. Вспороли холщовую подкладку зипуна, вытащили письмо.

– А это что? – спросил старшой.

– А я откуль знаю, – ответил удивлённый мужик. – Зипун-то как с неделю назад купил у проезжего купца в Краснощёковой.

– Врать ты, гляжу, горазд. Так мудрёно в бумаге написано, что в толк не возьму.

Старший упрятал письмо подальше. Мужика привезли на Змеиногорский рудник. Начальник караульной команды повёл следствие. Без труда прочитал на лбу мужика две указные буквы: «З. Р.».

– Значит, ты секретный колодник и бежал с рудника, так ведь?

Мужик угрюмо молчал, тоскливый взгляд его усталых глаз, казалось, не замечал окружающего.

– Где и как раздобыл отпускной билет?

Мужик встрепенулся, бойко выпалил:

– Его превосходительство генерал Беэр самолично выдал!

– Вот и врѣшь. Ты сродни, что ли, его превосходительству-то? – И всё же начальник подумал: «А может, и правду говорит, окаянный». И через рудничную контору срочно послал запрос самому Беэру.

Этот запрос напомнил генералу о скандальной истории на охоте. Беэр незамедлительно ответил, что отпускных билетов канцелярия никому не выдавала.

После этого начальник гусаком стал ходить вокруг подследственного и не стеснялся при допросах.

– Как и с чьей помощью бежал с рудника? Откуда взял престелстную грамоту?

Силантий Легостаев в секретных колодниках ходил самое малое время. Он не знал, кто помог бежать колодникам.

– Откуль мне знать. Побегли все колодники, и я заодно. Как на волю вышел, прочь откололся от общей стаи.

Начальник на время замолк. Силантий вспомнил прошлое.

Возле самого Барнаульского завода повстречались ему четыре дружка, с которыми утѣк из подземелья, отпускную бумагу дали. Сказывали – всамделишная. Силантий не знал с ней горя и заботы. С места на место переходил без всякой опаски. Надоело шататься – осел на постоянное местожительство.

В конце минувшего лета Силантий выехал за жердями для изгороди, повстречал на горных склонах двух мужиков. Один вроде знакомый и вроде незнакомый. Силантий долго всматривался в его лицо, стараясь припомнить, где видел раньше. И вдруг вспомнил.

Человек звучно засмеялся.

– Ай запамятовал Ваську Коромыслова! Вишь, живой я и на тот свет не думал хаживать. Ты тоже, вроде на воле. То хорошо.

К вечеру все трое приехали в одинокую избушку с дерновой крышей, маленькими, подслеповатыми оконцами. Кругом раздолье. Прямо от избушки к речной луговинке убегала пашня. По берегам речки – заросли молодого тальника. Дальше пле-

скалось буйное море зелёной осоки, густых камышей. За ними прятались озерушки, топкие болотины, мочажины.

Своё жильё Силантий с гордостью назвал заимкой и пояснил:

– От властей не таюсь, потому как письменный вид на вольное поселение имею.

Силантий рассказал об отпускном билете.

– Тебе, дядька, куда легче прожить, чем нам. Диву даюсь, каким промыслом дружки добыли ту бумагу?.. – Васька задумался.

В окне по натянутому бычьему пузырю жирным пятном расплылась луна. С луговинки донеслись всплески, истошное криканье диких уток, испуганных ночными птицами-разбойниками.

– А знаешь, дядька, не нам с тобой двоим хочется вольно дышать, а всем работным.

– Как можно сделать так? – спросил изумлённый Силантий.

– А вот слушай. Кому другому, а тебе расскажу. Встретился мне в глухомани один вольнолюбец, ещё от Демидова убёг. Почитай, что в том краю он самым настоящим хозяином стал. И у властей руки коротки словить того человека. Казаки нападут на его след, обложат, как дикого зверя, кольцо сожмут, пока лбами не стукнутся, и тут-то примёрзнут к месту от превеликого удивления – вроде не проскользнул человек, а нету. А в тое время где-нибудь на вершине дерева насмешница-сорока громко с насадой застрекочет. Казаки с досады ружья наизготовку, а сороки и след простыл. Смекай, дядька, казакам и в жисть не пымать того человека, потому как, если нужда есть, он в сороку обращается. За то и прозвали человека Беглец-Сорока. Он и других беглых оберегает. С самого высокого дерева окрест видит за многие вёрсты. Появятся казаки – сорока так застрекочет, что травы зашевелются. Скрывайтесь, мол, братцы-беглецы, в том-то месте, а сам же начнёт дразнить казаков пустой сорочьей болтовней да в сторону уводить. Заведёт в такую трущобину, казакам дай бог ноги унести обратно, а не за беглыми гоняться. Грамоте тонко разумеет Сорока. Письмами да грамотами к себе работный люд кли-

чет, в гости приглашает. А кто хочет в калмыцкие степи, которым конца-края нет, али в джунгарские стойбища пойти, тому дорогу показывает. В конце же писем и грамот печать особая стоит – сорочья лапа...

У Силантия глаза, что угли в костре. Подпрыгнул на месте. Из груди вперегонки вырвались жаркие слова:

– Вот раздобыть бы ту грамотку да рудничным работным подсунуть! До единого убёгли бы с работ!

– Есть такая грамота. – Васька кивнул на своего спутника: – А я надумал кое-что. Для нас двери в рудник на крепеньком замке, а для тебя, Силантий, настежь открыты – в кармане спасительная бумага шелестит. Согласен ли ты, дядька, снести ту грамоту на Змеев рудник?

Силантия будто кто крапивой по голому боку стеганул.

– За кого меня считаешь! Нешто я какой обидчик или враг работному человеку! Прячь надёжнее грамотку в зипун!

– Дело говоришь, дядька. На тебя надеется сам Сорока. А грамотку передай в надёжные руки, чтобы всем работным известна стала...

...Караульный начальник подкидывал вопросы, Силантий молчал.

– От кого получил прелестную грамоту, что была зашита в зипуне?.. Выходит так: убежал с рудника не зная как и через кого, отпускной билет где взял – сплошное враньё, грамотку с зипуном зацепил. Что ж, испробую подыскать ключ к твоему замочку. Эй, солдаты, подать сюда свежих берёзовых хлыстов, штук несколько железных прутьев попроще да ушат подсолённой воды похолоднее!

Солдаты приволокли, что требовалось, и зажгли не один светец. Силантий удивился поначалу: «Зачем огонь, коли в караульной комнате дневная светлынь?» На дымящем пламени солдаты пристроили железные прутья. «Неужто, ироды окаянные, калёным железом почнут шкуру на живом человеке палить?» От верной догадки у Силантия испуганно забегали глаза. На миг даже показалось, что в нос ударил противный запах горелого мяса. К горлу подступила тошнота...

Для начала Силантия поколотили палками. Когда потерял чувство, исполосованную спину облили водой из ушата. Силантий открыл глаза, но не раскрыл крепко закушенных, посиневших губ.

– Прутья подать! – дико закричал начальник.

Страшная, пронизывающая боль ввергла Силантия в беспмятство.

Так повторялось несколько раз с малыми перерывами в один-два дня. Силантий совсем обессилел, не мог передвигаться. Тогда начальник сам стал приходить в душную камеру-одиночку. Здесь и допрашивал Силантия.

Как-то на последнем допросе начальник пристально посмотрел на подследственного и отшатнулся прочь – на топчане валялся мешок с костями, а не человек. «Такого боем не возьмёшь. Чего доброго богу душу отдаст».

– Час твой короток, Силантий Легостаев. Пора и о спасении души подумать. Выбирай одно: говори правду или же умрёшь, как скотина, без исповеди и святого причастия. Выбирай!

На другой день Силантий почувствовал, что душа с телом ненадёжные друзья. Запросил попа. Тот пришёл и напрямик объявил:

– Выворачивай душу наизнанку, чадо, говори всю правду, что утаил от господина караульного начальника. Тогда дам отпущение во грехах твоих и душа твоя без единого тёмного пятнышка вознесётся на небеси во власть единого и всемогущего бога нашего...

Не устоял Силантий. Перед крестом рассказал обо всём, что утаил на допросах, и умирал с улыбкой на лице. Поп бубнил отходную, отпускал грехи умирающему.

* * *

После смерти секретного колодника Силантия Легостаева рудничное начальство косо смотрело на лекаря Гешке. Со слов умирающего, лекарь укрывал Ваську Коромыслова. Но у начальства было мало оснований для предания лекаря суду. Умирая, Легостаев не назвал ни одного человека, который под-

твердил бы его слова. Сам же лекарь заявлял, что Коромылова лечил только в госпитале. Заподозренного лекаря уволили со службы раньше истечения срока контракта.

Слишком скупые показания дал Легостаев. Из них для рудничного начальства явствовало одно: Васька Коромыслов – опасный человек. Где он взял зловредную грамоту, кто устроил побег секретным колодникам – всё это по-прежнему оставалось неразгаданной тайной.

Сначала Гешке вознамерился немедленно поехать на родину. Но отъезд пришлось отложить. Зима на исходе, далёкий же путь быстрее преодолеть по санной дороге, когда караваны с серебром и золотом Колывано-Воскресенских заводов отправлялись в Петербург.

Увольнение больно задело самолюбие Гешке. Он стал рассеянное и раздражительнее. Правда, в нём не угас огонёк былой предприимчивости. Но действия Гешке теперь отличались ненужной и беспорядочной суетливостью, иногда бесцельностью, но он со свойственной ему методичностью посещал единственного больного в семье Лелесновых.

Феклушу изводили затяжные приступы сухого кашля. Из-за него всё тело охватывал иссушающий жар. После кашля наступала общая слабость, на коже проступал густой, клейкий пот, холодный, как утренняя роса.

Гешке перепробовал не одно лекарство. Больная стала откашливать, но это не улучшало её общего состояния. На неузнаваемо похудевшем лице Феклуши глубоко провалились глаза. В них – выражение постоянной задумчивости и тихой грусти. Исчезновение сына нанесло незаживающую рану сердцу матери. Поэтому настойчивые старания Гешке вернуть больной здоровье не имели ожидаемого успеха. Лекарь сокрушённо качал головой и всё чаще говорил Фёдору наедине:

– Надо фернуть мать сын. То лючший лекарстф...

Вскоре неожиданно и сам лекарь слёг в постель. Высшее начальство запросило дополнительные разъяснения к показаниям Легостаева. Не обошлось без новых допросов, которые повёл всё тот же караульный начальник. Гешке не выдержал

резкого, оскорбительного тона и вспылал на допросе, как подожжённый порох. Всё кончилось тем, что правую сторону грузного тела Гешке поразил глубокий паралич.

Насте прибавилось хлопот. Только не от ухода за новым больным. Гешке и в постели считал себя лекарем.

– Тфой мест у Феклуши, – приказывал он Насте и давал подробные наставления, как приготовить крепкий отвар сушёной малины с салом, какие втирания сделать больной.

Наступила весна. Днями всё выше на небосклон забиралось приветливое солнце. Оседали, ошетинились ледяными кружевами снега.

Однажды Настя сообщила тревожно лекарю:

– Феклуша стала кашлять кровью.

Гешке приподнялся на здоровой руке, в глазах – испуг и растерянность.

– О-о, плёхо! Чахотка. Передай Фёдор: надо мёд и жир дикий зверь кипятить и больной поить...

Рука подвернулась, и голова лекаря упала мимо подушки. Глаза смотрели тускло и растерянно, казались застывшими на месте. Настя рванулась к двери, чтобы позвать на помощь лекарского ученика Филиппа Логинова.

Гешке напряг силы и сознание. Слабым движением руки остановил Настю.

– Не надо, Настён... подай книга из шкафа...

В книге плотная пачка ассигнаций, конверт, забинтованный тесёмкой и скреплённый сургучом.

С каждой минутой Гешке становилось труднее разговаривать. Из груди вырывались частые и сдавленные хрипы. Непослушный язык коверкал слова.

– Конферт всё написан... пошли деньги дальний родственник... мой час конец...

Фёдор, Настя и бергайеры похоронили Гешке. Рудничное же начальство и не взглянуло на умершего.

Настя в точности исполнила завещание Гешке: отправила на родину почти все деньги с его письмом, поставила неприемный памятник на могиле.

И снова осталась одинокой. Из казённой квартиры переехала к Белогорцевым. Глубокую скорбь глушила в уходе за Феклушей. Распродала все пожитки, что завещал ей Гешке, и неожиданно заявила Фёдору:

– Уезжаю на Барнаульский завод. Там легче пристроиться в домашнее услужение.

– Пошто так? – спросил Фёдор и понимающе протянул: – А-а, наскучило с больными возиться. Ну что ж...

Настя уловила в голосе Фёдора обиду и тотчас постаралась успокоить.

– Тяжело тебе, Фёдор, вижу. Не обижайся. Надо.

С тем и уехала Настя. Однако не забыла оставить последние деньжонки для лечения Феклуши – незаметно от неё и Фёдора.

* * *

Апрельской ночью Фёдор возвращался с рудника домой. Душу давили тяжёлые предчувствия. Угадывалось, что Феклуше не стряхнуть тяжёлого недуга. И помочь ей ничем нельзя. Нужны немалые деньги на лекарство, на добрую пищу. А денег не было. Вдвойне тяжелее становилось на душе Фёдора от сознания, что бессилён помочь близкому человеку. Сейчас почему-то невольно подумалось: «Отдал бы генерал обещанное...» Припомнились радужные надежды на получение награды, желание купить Феклуше наряды в то время. И Фёдор прогнал прочь соблазнительные думки.

Неожиданно густую, клейкую темноту прорезали огненные вспышки. Послышался страшный, до оглушения в ушах, гул. Потом над головой что-то незнакомое и страшное пронеслось с рокотом. И так несколько раз. Наконец, Фёдор понял, что били пушки с крепостных стен. Но что могла означать пушечная пальба? Неужели новый побег секретных колодников?

Фёдор метнулся к Алексею Белогорцеву. Тот после смены только успел умыться и бросил скудный ужин при первом пушечном выстреле. Как только Фёдор переступил порог, Алексей к нему с тревожным вопросом:

– Пошто палят-то?

– Тебя хотел спросить: убёг кто?

– Вроде нет...

На другой день рудничных работных поедом ело жгучее любопытство и откровенное недоумение. По приказанию начальства сержанты и долгосрочные солдаты принялись усердно обучать всех гулебщиков³⁵ рассыпному строю и огненной пальбе из мушкетов и фузей. В глубоком овраге весь день не смолкали раскатистые выстрелы. К вечеру новоиспечённых воинов привели в крепость и каждому определили место у стен. Караульный начальник настрого наказал:

– Здесь быть вам немедля каждый раз, как услышите набат сторожевого колокола.

Против воли начальства работные дознались о причинах столь поспешных и усиленных военных приготовлений в крепости.

Ранним утром того дня караульные солдаты увидели подмётные грамоты на будке для указов, дверях рудничной канцелярии и в иных приметных местах. В каждой грамоте один из джунгарских князьков – Абак – требовал закрыть рудные разработки в Змеевой горе, которая «испокон веков здешним народам ведома и добываема была ими...». В противном случае Абак угрожал предать огню все постройки и разрушению рудничные устройства. Грамота обещала волю всем работным людям, «позорный полон и прозябание во оном до окончания дней своих» начальству.

Грамота больше всех всполошила управляющего рудником Леубе. Не затем он приехал сюда, чтобы от джунгаров лишиться живота. По приказу Леубе ночами палили из пушек для предупреждения джунгар от внезапного нападения на рудник.

Таяли запасы пороха, ядер и свинца в рудничном арсенале, а Леубе не давал отбоя тревоге. Послал слёзные запросы командующему пограничными укрепленными линиями генералу Киндерману и Беэру. В них испрашивались подкрепления солдатами и казаками «с надлежащими количествами огненных припасов...».

³⁵ *Гулебщики – свободные от работы люди.*

С Караульной сопки неусыпно смотрели десятки глаз дозорных. Всюду во всхолмленных даях – мёртвое безлюдье. На дорогах-змейках никакого движения. Скука душила дозорных. А джунгар всё не было. Людская молва начинала зло подсмеиваться над пустым смятением начальства.

– Наш Лейба медвежью болезнь схватил через ту грамоту!

– Так испужался, что до ветру один не ходит. Солдаты по ночам стерегут его сон.

Как-то Белогорцев при встрече сказал Фёдору:

– Зайди сегодня попозже вечером ко мне. Дело должно быть одно...

Фёдор пришёл. Удивился, что в полумраке за спиной Алексея неотступный человек. Шагнёт в сторону по избе Алексей, и человек, как приклеенный, за ним туда же. Наконец тусклый светец озарил лицо человека. Фёдор узнал Ваську Коромылова, поздоровался и стал журить:

– Ты вроде с ума свихнулся, Василий. На руднике тревожное время. Схватить могут. По какому случаю пришёл-то?

Васька уклончиво ответил:

– Без надобности, Фёдор, не лезу в пекло... – Потом сквозь приглушённый довольный смех бросил шутку: – Сказывают, на руднике начальство стрельбу по мелкой птахе из пушек открыло!

Фёдор пояснил, в чём дело. Васька заметил:

– От первого пушечного выстрела знаю ту причину... – И вдруг, оживляясь, спросил: – Про грамоту беглеца Сороки слыхивали на руднике?

– Краем уха наслышаны, а о чём говорит грамота, того не знаем. С ней схватили Силантия Легостаева, насмерть забили. Через Силантия и лекарь Гешке помер.

Васька неловко шмыгнул носом, дважды перекрестился.

– Царство небесное обоим. Лекарь хошь и не нашей веры, а доброй души человек был. Крест христианский за него не грех положить...

Минуту просидели в скорбном молчании. Каждому думалось одно – нерадостное и тяжёлое. И полушки у начальства

не стоит жизнь рабочего человека. А живёт ведь. Да ещё помышляет о воле. Желаннее любимой невесты, слаще сна воля-то. А где подступ к ней? Начнёт рабочий искать её, и пиши пропал – заживо похоронит начальство в каменном мешке, а то и быстрее приобщит к царству небесному через жестокие побои плетью и палками.

Васька заговорил первым. Грусти и задумчивости на лице как не бывало.

– Ну что ж... живой о жизни думает. А жаль, грамоты Сороки рабочие не узнали...

Васька рассказал про Сороку то же, что и Силантию. Фёдор выслушал и промолчал. Алексей не стерпел и горячо заговорил:

– Чудо какое-то! Как можно человеку сорокой стать? Хошь лоб о камень трижды разбей, а самим собой так и останешься. Нет ентого Сороки и всё!

– Недоумок же ты, Алёха! Раз Сорока за рабочих, значит он есть. Я вот не видел его, а верю. И грамоты, может, не один пишет, а другие от его имени, зато его слова... Енту грамотку, что отняли у Силантия, мне дал один грамотей, убёглый плавильщик Барнаульского завода. Он мне и рассказал про Сороку.

Ухнул пушечный залп. Изба вздрогнула, жалобно зазвенела упавшая печная заслонка. Васька захохотал:

– Подсыпали горячего уголька под сиденья начальству! Изведут понапрасну всё зелье пушкарки, а джунгары тут и есть. Что делать начальству? В шахту нырять!

Фёдор неопределённо пожал плечами и было засобирался домой.

– Жена болеет, в постели лежит. Идти надо. И ты уходи, Василий. Сам знаешь – опасно.

Васька построжел. Последних слов будто не слышал.

– Знаю. Пришёл я, чтобы на утешение тебе и жене одну весточку передать. Погоди малость, пока не уходи... С Митькой Кривошеиным тёмной ночью мы расклеили на руднике грамотки. Что от князька Абака они – сущая брехня. От того же плавильщика грамотки-то. Зачем бы князьку так началь-

ство пугать, а работных волей прельщать. Хошь плавильщик и не Сорока, а я почитаю их заодно.

Васька скрутил сигарку, стал прикуривать от светца. Чуткое пламя заметалось, затрепетало, едва не погасло. Потом выпривилось. Дрожащий красноватый свет снова разлился по чёрным стенам.

– А теперь слушай ты, Фёдор... Ходил я на Барнаульский завод в великой тайне. Там случаем наткнулся на Настю. Узнала и обрадовалась, как родному брату. Поговорили малость, и Настя настрого наказала, чтоб ты немедля ехал на Барнаульский завод.

– Настя? – переспросил Фёдор и смешался. При упоминании о Насте выдал нахлынувшие чувства недоумения, скрытых и смутных надежд, тревоги и сдержанной радости.

– Зачем ехать-то?

– А вот послушай...

На Барнаульском заводе Настя и одного дня не осталась без приюта и без дела. Отец Ферапонт с матушкой снова приняли её с большой радостью: место домашней прислуги оказалось свободным.

Матушка нет-нет да прихварывала. К прочим заботам Насти прибавилась ходьба на рынок за провиантом. Мясники, рыбники, хлебники, зеленщики наперебой зазывали к себе пригожую стряпуху.

– Возьми, милашка, заливного мяска, самого свежего убоя!

– Рыбки, голубушка, утреннего улова! Не рыбка – воск согретый, наскрозь на солнце светится!

– Капустка квашеная в кочанах! Не капуста – яблок райский на вкус!

– Первейший зелёный лучок парниковой посадки!

Настя проходила вроде без внимания, но примечала всё до малейшего пустака...

Среди купцов богатством выделялся Афонька Пуртов и тем гордился немало. Афоньке около сорока. Внешностью видный, в плечах безмерен, ростом высок, грудь могучая – такой грудью воздух в плавильную печь дуть. Красивое, с хитринкой лицо Афоньки всегда в улыбке. Голова в кудрявых, густых, буй-

ных волосах с лёгкой проседью – картуз держался на затылке, Афонька нраву развесёлого и большой выдумщик на проказы. Настойчивее других он зазывал к себе Настю:

– Подходи, солнышко, ить у одного меня всякий товар и харч налицо! Выбирай сколь душе потребно! У разных купцов покупать – только башмаки топтать!

Настя строила на лице лукавую, недоверчивую улыбку. Не говорила, а пела купцу:

– У богатого купца товару залежи, а совесть в кошельке. Не похвалит – не свалит! – И уходила прочь.

Афонька, будто пчелой ужаленный, срывался вслед.

– Ты погоди чернить меня! Самому их превосходительству генералу Беэру всё необходимое поставляю! Их превосходительство разумеет не менее твоего!

А Настя подзадоривала распалившегося купца притворной насмешкой:

– Их превосходительство-то, поди, и в глаза не видывал, а хвастаешь.

– Это я-то? Да их превосходительство в купецкую ратушу часто наезжают, я там глава. Со мной речи о купецких делах не без антресу ведут. Купец хошь на заводе и не робит, а ить от своего достатка подушную подать императрице платит. От него, от купца-то, пользы за сотню мужиков достанет.

Настя приостанавливалась, о чём-то задумывалась. В последний раз купец решил соблазнить Настю.

– Ну бери же! Супротив других купцов скидку дам!

– Коли так, то ладно...

Через несколько дней Настя допыталась у Афоньки о времени приезда Беэра в купеческую ратушу. Вырядилась в лучшее платье – и туда. Беэр выходил из ратуши подобранным и отмякшим от обильного купеческого хлебосольтва. Настя в ноги к нему.

– С превеликой просьбой, ваше превосходительство!..

Видно, по душе пришлась пригожая женщина генеральскому взору. Да и почтение выказала достойное – в грязь коленями стала.

Беэр милостиво сказал:

– С просьбой приходи ко мне в канцелярию... завтра после полудня.

У Насти, как переступила порог генеральской светлицы, дух перехватило. Отроду не видывала такого убранства. На стенах – портреты. Среди них в центре – женский. Волосы на голове взбиты. Над ними церковным куполом возвышалась плотно скрученная коса. Лицо у женщины приятное, взгляд – пронизательный и острый. Красивее пречистой девы Марии. «Должно быть и есть сама императрица...» На полу расписной ковёр с неземной чудоптицей посередине. Раскрытый клюв её, казалось Насте, норovil долбануть всякого, кто входит сюда. Стол уставлен подсвечниками медного узорного литья. На потолке висячая точенная из разноцветных камней люстра. И самое главное – поразил Настю генерал в парадном мундире. Поднялся из кресла и от многих орденов и медалей светлицу заполнил жаркий, слепящий блеск.

Беэру понравилось, как Настя зажмурила глаза. Сказал мягко:

– Выкладывай свою просьбу.

И Настю оборота робость. Поняла: упусти она случай, никогда не добьётся задуманного. Поначалу заговорила путанно и сбивчиво, прерывистым от волнения голосом. Потом ничего, выровнялась. По лицу Беэра поползли тучки, в прищуренных глазах заиграли зелёные огоньки.

– Значит, ты спрашиваешь награду штейгеру Лелеснову, обещанную за рудные открытия? – спросил Беэр не своим, потусторонним голосом. И вдруг громко и грозно: – А кто такая есть ты, что просишь за него?

– Сестрой довожусь. Прошу ради жены его. Чахоткой одержима. Надобны лекарства и пользительный харч, а купить не за что...

Беэр долго смотрел через окно в заводской двор. Там кипела работа – мужики перевозили толстые брёвна для плотинных вешняков³⁶. Настя не могла ничего прочесть в безучастном

³⁶ Вешняк – окольная весенняя дорога, пролагаемая на время половодья.

взгляде холодных, свинцовых глаз. «Зря, видно, старалась. Енералу мои слова не по ушам...»

И тут Беэр неожиданно заговорил, тихо и резонно, будто речь шла о сущем пустяке:

– Пусть сам штейгер приезжает за наградой. А ты ступай...

* * *

Разноцветные ковры расстилает май в горных долинах. В такую пору душа рудоискателя сама собой уносится в манящие горные дали. А Фёдор что птица на привязи – крылья целы, а никуда не улететь. Начальство определило его к конным рудо-подъёмникам.

День-деньской лошади с повязками на глазах крутят колеса-приводы. С жалобным скрипом поднимаются вверх тяжёлые рудные бадейки. Туго натянутыми струнами звенят подъёмные канаты.

На сердце у Фёдора негасимая тревога: что ни день – болезнь сильнее подтачивает Феклушу. Объявился на руднике заезжий лекарь-калмык, осмотрел больную и обнадёжил, что вылечит. Для того потребовал маральего корня, целебных трав редких и мудрёных названий, печени налима и тайменя, барсучьего сала и мёда от диких пчёл. Фёдор по-всякому прикидывал, а выхода сыскать не мог. Требовались деньги. Своих не было, занять не у кого.

Весточка от Насти воскресила было угасшие надежды. Но как попасть на Барнаульский завод? Фёдор еле упросил начальство, чтобы его оставили на руднике, а уж о поездке в Барнаул нечего и заикаться. А время шло. Две недели минуло, как приходил Васька Коромыслов, а ничего полезного не сделано для Феклуши. В то время пробные золото и серебро из рудничных лабораторий по мере накопления отправлялись на Барнаульский завод с надёжным нарочным и под крепким караулом. Быстрее ямской эстафеты скакали резвые кони считай без остану, чтобы воровской глаз не мог высмотреть, что находится в повозке. А груз-то в ней – сущий пустяк: всего-навсего один маленький сундучок весом не более пуда. Вдоль и поперёк опо-

ясан железными полосками, скреплён по углам свинцовыми пломбами. Замок на сундучке внутренний, такой мудрёный, что ключ не скоро подберёшь.

Нарочным собрался караульный сержант Пешников. Сундучок стал уже принимать, да управляющий рудником позвал для последнего напутственного внушения.

Из лаборатории в контору Пешников пошёл напрямик через пустырь. И надо же так случиться – зазевавшегося сержанта ужалила змея.

Накануне Фёдор просился у начальства на Барнаульский завод. Управляющий поразмыслил и решил, что Пешникову есть подходящая замена. Фёдор примчался на Барнаульский завод без мала за трое суток.

На главной улице барнаульского посада – Петропавловской – размещалась Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства в деревянном доме демидовской постройки. По углам дома и при парадном входе – полосатые сторожевые будки. В любое время года, денно и ночью дом и порядки, заведённые в нём, охраняли неусыпные часовые. Кто попало сюда не проберётся. По вызовам часовых караульный начальник подолгу и придирчиво проверял паспорт или другой письменный вид у человека. Бывало, люди приносили жалобу или подавали просьбу. Выведает до мелочи начальник, зачем пришёл человек, доложит по команде, а там уже решат – пустить или нет в заветный дом. И прежде чем попадёт туда человек, обшарят все застрехи в его одежде.

На этот раз у коновязи навстречу Фёдору никто не выскочил. Улица казалась вымершей. Какой-то мастеровой сказал удивлённому Фёдору:

– Пойди на площадь Петра и Павла, всё узнаешь...

С площади доносился редкий заунывный перезвон колоколов. Народу там немало. У иных скорбные лица, обнажённые головы. Среди людей больше таких, которые одеты пристойно. Горные офицеры и солдаты при оружии отдельно, в сомкнутом безупречном строю.

«Кого-то хоронят... и, видно, не из простого люду...» Фёдор вздрогнул от неприятного ощущения холода на спине. Вспомнилась Феклуша. Почему-то захотелось побыстрее уйти с площади. Фёдор порывисто повернулся. Человек, с виду похожий на купца, сердито прошипел:

– Чего вертишься, как сорока на колу? Чай, не базар тебе тут и не вора выискиваешь... Не Фильку и не Ваньку хоронят, а самого их превосходительство генерала Беэра... Достойный блаженной памяти человек был-с.

Последний год жизни Беэр жаловался на головные боли и колоти в сердце. Лекари прописали ему воздержание в пище, пешие прогулки по бору. Больной, как мог, выполнял лекарские наставления. И всё же временами не противился соблазну не в меру почревоугодничать. Три дня назад на прогулке Беэр рухнул на землю, как подгнивший столб. Перетрухнувший денщик призвал лекарей. По синеве на рыхлом теле те определили:

– Их превосходительство скоропостижно померли от разрыва сердца...

Место Беэра занял ассессор Христиани, человек крутого нрава.

Целую неделю Фёдор околачивал пороги канцелярии. Только после того попал к новому начальству.

– Чего надобно, штейгер?

Фёдор припомнил, что когда-то Христиани возле чудской шахты стоял рядом с самим бригадиром. Воспоминание укрепило надежду на получение награды.

Христиани рассеянно выслушал просителя, вяло сказал:

– Пиши доношение. Обскажи всё до мелочи. Канцелярия рассмотрит и решит, как быть.

Фёдор отправился к старому товарищу – канцеляристу Ивану Слатину. Когда-то вместе с ним приехали с Урала. Через Слатина Фёдор раздобыл гербовую бумагу на отпускные билеты секретным колодникам и форму самого билета. Слатина не оказалось на Барнаульском заводе – получил перевод по службе в Екатеринбург.

Выручила Настя. Отыскала грамотея – мелкого барнаульского маркитанта³⁷ Семёна Тренихина. Тот внимательно выслушал рассказ Фёдора и сразу же набил себе цену:

– Сурьёзное, брат, дело. Тут-ка с большим умом и старанием надобно писать доношение. Главное, так завернуть, чтоб уважительностью начальство растрогать.

На другой день Тренихин торжественным козлиным голосом читал Фёдору доношение на имя Христиани: «...Прославленные везде и особенно в здешнем краю человеколюбивые вашего высокоблагородия милости и снисхождения подают мне, нижайшему, надежду к получению щедрого вашего благоволения, и потому имею дерзновение представить всенижайшую мою просьбу...»

Фёдор перебил чтеца и присоветовал:

– Тут пиши проще. Вроде того что я прошу. А хвала – ни к чему, потому как я изверился в милостях и снисхождениях к себе.

– Можно и по-твоему, – согласился Тренихин. – Только ведомо мне, что ласковые слова по нутру начальству, дорожку прокладывают к его сердцу. Смотри, мне всё равно...

Против ожидания, канцелярия в самом скором времени рассмотрела доношение. Христиани огласил Фёдору решение:

– В шнуровых книгах нет твоей фамилии против Змеиногорского рудника. Там значится, что рудник открыт во время Демидова его людьми. И его превосходительство до самой смерти никаких устных заявлений канцелярии не изволил делать. Не волен я выдать тебе награды. Возьми определение и езжай обратно.

– Но вы же, ваше высокоблагородие, знаете, что истинно я указал змеевскую руду?

– Что ж из того, – уклончиво ответил Христиани. – Быльём то поросло. Слов в дело не положишь. Документик нужен, а его нету. Потому и быть тебе по-прежнему без награды.

³⁷ *Маркитант – торговый человек, следующий в военное время за войском, торгуя съестными и другими припасами.*

Настя стояла в условленном месте – на высоком плотинном мосту, смотрела через перила вниз. Там по дощатому сливу с бойким журчанием катилась, играла на солнце зеленоватая вода. У самого стока в речное русло вода пенилась, высоко по сторонам сеяла мелкими брызгами, оттого над сливом повисла радуга.

Назначенное время давно прошло, а Фёдор не появлялся. Настя знала: матушка обеспокоена её продолжительным отсутствием. Оторваться же от места и взять в руки корзину с базарными покупками не хватало сил.

Наконец из-за угла заводской крепости вынырнула тройка лошадей. Из повозки выскочил Фёдор.

– Ну как? – В голосе Насти и радость, и тревожное сомнение. Фёдор, как мог, спокойно сказал:

– При чём был, при том и остался... – И вдруг, увидев смещение на лице Насти, зачастил: – А вот тебе за всё спасибо! Такая ты душевная, что и слов не подберу!

Настя замахала руками.

– Что ты, Фёдор! Ни к чему такое говоришь-то... – И потом тревожным полушёпотом простионала: – А как же Феклуша-то теперь? Чем вызволять её из хворобы?

Фёдор достал из кармана определение – отказ канцелярии. Настя услышала резкий шорох разрываемой бумаги. Потом вниз лениво полетели мелкие клочки, как бабочки-капустницы.

– Не ентой бумажкой вызволять... Бог даст – сама поправится. Пора уезжать. Ждут меня.

– Да что же это я? И знаю, недосуг тебе, а медлю! – сказала Настя и вдруг поспешно стала доставать из корзинки узелки, свёрточки.

– Тут Феклуше... и тебе на дорогу...

Заметив испытующий, пристальный взгляд Фёдора, Настя горячо заговорила:

– И не подумай отказаться! Чай, на свою копейку всё куплено!

У Фёдора не было сил сопротивляться. Стоял безмолвный и обезоруженный. Когда корзина опустела, Настя облегчённо вздохнула.

– Ну вот и всё. Слава богу. Теперь езжай, Фёдор. В дороге не медли понапрасну...– сказала, будто в душу заглянула к Фёдору и узнала, что таилось там невысказанным.

Фёдор ответил сдавленным, дрогнувшим голосом:

– Прощай, Настя.

– Пошто прощаешься-то? Думается, свидимся...

На второй день пути Фёдор извлёк из кармана хрустящую десятирублёвую ассигнацию. Сразу догадался, откуда взялись деньги. Не знал только одного, что Настя продала единственное своё сокровище – кольцо, подарок старого Гешке.

Феклушу похоронили на рудничном кладбище за два дня до приезда Фёдора. Неизбывное горе, тоскливое одиночество ошеломили ударом обуха. Лелеснов ходил рассеянный, безразличный к окружающему, молчал, будто онемел. Алексей Белогорцев с тревогой поглядывал на друга. «Эдак до нового несчастья один шаг. Чего доброго человек может рассудка лишиться».

Душу Фёдора терзала не только одна смерть Феклуши. Мысль о потере сына, несколько поблекшая в отчаянной борьбе за жизнь жены, теперь стала мучительно ощутимой. В воображении Фёдора непрестанно возникали картины, мрачнее одна другой.

Через безбрежные киргиз-кайсацкие степи, через сыпучие пустыни пролегла дальняя дорога к солнечной Бухаре. Свя-

занные по рукам, плетутся по дороге пленники на невольничий рынок. Жестокие стражники беспощадно хлещут плетьюми каждого, кто впадает в бессилие от безводья и изнурительного пути под неумолимо палящим солнцем. Многие падают вдали от родных мест под хлесткой плетью. Среди них совсем ещё не взматеревший Коля Лелеснов...

Потом надвинется другое. Коля Лелеснов обманывает неусыпных джунгарских стражей, на низкорослом, но выносливом и стремительном коне-калмычке сломя голову скачет из постылого плена. Русский мальчишка от радости захлёбывается в озорном смехе и не оглядывается назад. Ему совсем невдомёк, что позади мчится во весь опор погоня, что преследователи с каждой минутой сокращают разрыв. В воздухе свистит волосяной аркан. И чудо! Извивающаяся петля больно бьёт по голове мальчугана, который плотно прилип к конской шее, как живая, отскакивает и падает на траву. Так не один раз.

Отчаявшиеся преследователи тогда обнажают шашки. Мгновение, и всё будет кончено. Мальчик впервые оглядывается назад и направляет коня в глубокую горную расселину.

Фёдор стонет, но в словах гордость за сына: «Молодец, Колька, погиб, а злomu вражине не дался, не отведал его шашки...»

Иногда у Фёдора хватало сил прогнать от глаз мрачное. Тогда думы сами по себе обращались к Насте. В них не рождалось ничего, кроме тёплого, человеческого участия к её судьбе. «Что с ней станет, где приклонит голову?..» Но Настя овладевала воображением Фёдора непрочно и ненадолго. «Один... совсем один остался... под силу ли перебороть тоску едучую?.. Может, и перечить ей не стоит...» Проходили дни, а душевного успокоения не было. Фёдор внешностью сдал: похудел, ссутулился, будто короб с рудой лёг на спину...

В эти дни Леубе снял с верхних горизонтов почти всех бергайеров и послал в глубинные выработки. Оттуда непрерывным искрящимся потоком шла богатая металлами руда. Еле управлялись поднимать её наверх. Работали без роздыхов.

В иное время Алексей Белогорцев не удержался бы от злого ропота. Сейчас же терпеливо молчал, понимал, что в работе, пусть изнурительной и постылой, не так сильно ощутима боль душевной раны. Он не спускал глаз с Фёдора, после смены следовал за ним неотступной тенью. Даже вместе с семьёй на время поселился в доме Фёдора.

В гульные дни Фёдор не мог усидеть дома. Здесь всё мучительно больно напоминало о Феклуше. В стенах казалось душно и тесно, как в закрытом ящике. Тянуло в лес.

За Караульной сопкой – цепь холмов, заросших густым мелкоколесьем. В жаркую пору здесь густая, освежающая тень. Даже на безлесных горных полянах незаметен зной из-за набегавших верховых ветров.

Сюда-то и пришёл Фёдор в гульный день. И странно – чем больше бродил в полном одиночестве, тем сильнее грызла тоска. Тепло и ласка погожего дня не согревали душу.

Уставший и подавленный, Фёдор вернулся на рудник, не заметил, что и на этот раз Алексей едва не наступал ему на пятки. Поманило на Змееву гору.

Зиял мёртвой и чёрной пустотой Комисский разнос. Теперь его не разрабатывали. Здесь сейчас так же тихо, как и в первый приход Фёдора с Солёным. Даже змеиног шипения и свиста не слышно – заметно поубавилось потомство Горного змея. Вот и наружные острозубые выходы камня. Отсюда когда-то рудоискатели осматривали окрестности. И ничего-то здесь не изменилось.

Вечерело. Солнечный шар кровоточил. Узкое облако-кинжал насквозь проткнуло его. Казалось, обессилевшее солнце вот-вот сорвётся с небосклона и вдребезги разобьётся о соседнюю со Змеевой горой округлую сопку.

Фёдор раньше не замечал, как в лучах заходящего солнца на древнем камне играют краски. На сером каменном фоне проступали белёсые, зелёные пятна и крапины замшелой плесени. Чёрные полоски трещин разрезали камни. Из трещин к солнцу тянулись хилые бледно-зелёные травинки. Каменные выступы

обволакивал нежно-фиолетовый свет, оттого они теряли свою остроту. По камню, от Фёдора слева, разбрызган густой крап ржаво-красной окалины. Невольно подумалось: «Точно кровь посечённых плетью... Ивана Солёного...»

Где-то внутри горы злобно проворчал взрыв. Фёдор взглянул вниз. Там в чернеющей пасти оврага ощерились острые каменные клыки. «Стоит прыгнуть туда, и настанет конец, вечный сон... вместе с Феклушей, Иваном...» Фёдор вспомнил про огненное крещение раскольников, про болтавшегося на верёвке приказчика Сидорова. «А вот Солёный не поступил бы так... до конца выстоял бы».

Лелеснов вздрогнул от мягкого прикосновения чьей-то руки к плечу. «Опять Алексей? И чего ради на верёвочке ходит за мной...»

Фёдор ошибся. Рядом стояла Настя со сдержанной и виноватой улыбкой. Сказала просящим голосом:

– Не надо, Фёдор, изводить себя...

От Настиной пронизательности глаза Фёдора, что монеты, округлились. Она в эту минуту казалась Фёдору неземным существом – столько было на её лице тихой грусти, тёплого участия и мудрости.

– Тебе, Фёдор, жить надо. Не все руды в здешнем краю сысканы... В потаённых забоях гнут спины секретные колодки, ждут волюшки...

У Фёдора только и нашлось слов:

– Откуда взялась и как меня нашла?

– Сам знаешь, откуда пожаловала. А где ты есть, через Алексея прознала... Не одна я, Фёдор, приехала на рудник. Сын твой сыскался.

– Неужели?!

Настя рассказала, что дней десять назад сильный казачий разезд на берегах Катуня отбил у джунгар русских пленных.

– Как привезли на завод тех пленников, то среди них я сразу опознала Колю. Жаль, Феклуши нет. Вот бы возрадовалась-то! А может, и на ноги встала бы...

Фёдор внутренне устыдился недавнего малодушия, порывисто увлѣк за собой Настю.

...На потухавшем небосклоне мягко обозначалась Змеева гора. По ней поспешно двигались два силуэта.

1963–1965 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Санкина. И до безумия любить свой край</i>	5
Тайны Змеиной горы	8

Пётр Антонович Бородин

ТАЙНЫ ЗМЕИНОЙ ГОРЫ

Повесть

Дизайнер-оформитель: К. М. Паршина

Редактор: Л. В. Санкина

Корректор: Е. И. Малиновская

Верстка: А. А. Смирнов

Подписано в печать 19.09.2018. Формат 80x108/32

Печать офсетная.

Тираж 2 000 экз. Заказ № 43437

